

x

с

ДРЕВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Опытъ сравнительнаго изученія славянскаго права.

Aleksandr Aleksandrovich Kotliarevskii
А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

I.

—

ПРАГА.
Типографія Е. Л. Клауди.
1874.

Къ тому, что изложено во „введеніи, къ настоящему труду, мнѣ остается прибавить немного, именно:

- а) выразить сердечную благодарность моимъ чешскимъ друзьямъ, проф. М. Гатталѣ, Я. Н. Ганелю и А. О. Патерѣ, помогавшимъ мнѣ и добрыми совѣтами и всякою другою, зависѣвшею отъ нихъ, помощію; и
- б) просить моего читателя о предварительномъ исправленіи опечатокъ, находящихся на слѣдующей страницѣ.

А. К.

Прага 19 Сент. нов. ст.

О п е ч а т к и.

Счетъ строкъ идетъ сверху, отдѣльно для текста и примѣчаній.

Страница:	примѣчанія:	строки:	напечатано:	читай:
8		10	землѣ	землѣ
15		4	своихъ	своихъ
29	41	1	показывающее	показывающее
30		31	несравненно	несравненно
35		10	спасности	опасности
46		13	всѣ	все
60		10	домашные	домашніе
93		12	порядки	подарки
117		30	чемъ	чѣмъ
132		12	непремѣннаго	непремѣннаго

Оглавленіе I части.

1. Задача и методъ изслѣдованія. Источники . . .	1— 14
2. Земля и народъ	15— 66
3. Древности права. Право. Обычай. Законъ. По- становленія власти	67— 72
4. Семейный бытъ	73—151
5. Собственность	152—160
6. Договоры	161—166

„moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior (Sclavis) poterit inueniri“.. *Adamus brem.* II, 19.

„pollebant (Rani) multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentum debitum exhibent honorem“.. *Helmoldus* II, 12.

„Illi (Sclavi) nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiuscemodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui oneri esse solet, Slauis pro quadam uoluptate ducunt. Transeunt sane dies plurimi, his (Saxonibus) pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima seruitute uarie certantibus“.. *Widukindus* II, 20.

„Fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique“.. *Helmoldus* I, 52.

„Pomerani slauis est gens indomita. pugnax et praeda uiuens.. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratice apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt“.. *Fragment. incerti auctoris.*

Задача и методъ изслѣдованія.

Источники.

Вредметъ нашего труда — юридическій бытъ балтійскихъ Славянъ, или вѣрнѣе — древности его.

Балтійскимъ Славянамъ выпала и въ наукѣ недобрая доля: германизация осилила ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣли создать и развить самобытную письменность. Какъ славянское племя, они исчезли, не оставивъ по себѣ никакого славянскаго наслѣдья, никакихъ памятниковъ быта¹, кромѣ собственныхъ именъ, безмолвныхъ, загадочныхъ развалинъ своей матерьяльной культуры и безмолвныхъ могилъ съ ихъ загадочными сокровищами. Все, что исторія — а съ ней и наука — знаетъ о погибшемъ племени, объ устройствѣ и порядкахъ его быта — идетъ отъ чуждой руки и чуждаго, исполненнаго вражды и національной ненависти — сердца: нѣмецкихъ и датскихъ анналистовъ, гагіографовъ, слагателей сагъ. Ихъ извѣстія, по большей части глухія, случайныя, передающія только виѣшнее — даютъ лишь слабое понятіе о внутренней жизни этой замѣчательной отрасли славянскаго племени. Еслибы таланту и проницательности изслѣдователя и удалось связать въ одно цѣлое эти отрывочныя свидѣтельства, его картина все таки осталась бы далека отъ полнаго и вѣрнаго дѣйствительности изображенія внутреннаго быта народа, она имѣла бы механическую, искусственную, но не органическую, естественную цѣлость: въ ней недоставало бы многихъ существенныхъ частей, безъ которыхъ невозможно историко-органическое пониманіе предмета.

1. Кромѣ немногихъ остатковъ вымиравшаго языка, случайно подобранныхъ трудолюбивыми Нѣмцами въ 17—18 стол. Подробный библиографическій перечень этихъ сборниковъ читатель найдетъ въ статьѣ Hanuš'a: „Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben“, въ Miklosich's Slavische Bibliothek, II, W., 1858, p. 109—140.

Располагая такимъ скуднымъ наличнымъ матерьяломъ и не уклоняясь отъ требованій исторической истины и достовѣрности, изслѣдователь, на нашъ взглядъ, долженъ опредѣлить свою задачу лишь подборомъ фактовъ и объясненіемъ прямаго и скрытаго значенія и связи ихъ. При внимательномъ изученіи источниковъ — подборъ фактовъ можетъ быть исполненъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ затрудненій, но объясненіе значенія и связи ихъ представляетъ трудности, преодолѣть которыя нельзя съ помощью одной простой, наглядной логики или простаго, разумнаго толкованія, примѣннаго къ данному матерьялу. Послѣдній слишкомъ — глухъ, неточенъ и запутанъ для того, чтобы можно было на основаніи его дѣлать положительные выводы. Его необходимо расширить.

Балтійскіе Славяне—одна изъ вѣтвей сѣверо-западной отрасли славянскаго племени, генетически ближайшіе родственники Поляковъ, Луличанъ и Чеховъ и болѣе дальніе родичи Славянъ юго-западныхъ и восточныхъ, Хорутанъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Это заключеніе, достаточно уже оправдываемое языкомъ² и географіей, должно имѣть значеніе и для области нравственнаго и юридическаго быта.

Дѣйствительно, скажемъ напередъ — основы его у балтійскихъ Славянъ и даже нѣкоторыя фазы дальнѣйшаго развитія, имѣя не мало общаго и со Славянами юго-западными и восточными, гораздо ближе подходятъ къ польскимъ, лужицкимъ и чешскимъ. Разница тѣхъ и другихъ заключается только въ степени развитія; но не въ коренныхъ началахъ. Естественна, поэтому, мысль, что темнота и отрывочность въ показаніяхъ источниковъ исторіи балтійскихъ Славянъ во многомъ должны объясниться и восполниться при сравнительномъ сопоставленіи ихъ съ извѣстіями источниковъ польскихъ, лужицкихъ и чешско-моравскихъ—и далѣе прочихъ славянскихъ вообще.

Отсюда, естественно, открывается необходимость сравнительнаго изслѣдованія предмета.

Въ примѣненіи къ области права — сравнительный методъ, сколько намъ извѣстно, стоитъ еще на весьма шаткихъ основаніяхъ: ему недостаетъ, какъ кажется, яснаго, опредѣленнаго понятія о цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться, и правильно опредѣленныхъ примѣровъ; онъ идетъ какъ-бы наугадъ, нетвердою дорогою, а потому и достигаетъ только нетвердыхъ результатовъ

2. Schleicher: Laut- und Formenlere der polabischen Sprache, Spb. 1871, pag. 17; Бодуэнъ де-Буртенъ: О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст., Лейп. 1870.

и случайныхъ успѣховъ. Положеніе — подобное тому, въ какомъ находилось сравнительное языкознаніе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія..

Мы находимъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь объ общихъ началахъ сравнительной юридической методологій, но при такомъ состояніи вопроса, во избѣжаніе неточности и недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ напередъ обозначить приемы, цѣль и границы нашихъ сравнительныхъ изслѣдованій и сопоставленій.

Имѣя въ виду частную задачу, разъясненіе юридическихъ древностей балтійскихъ Славянъ, мы прежде всего собираемъ или сводимъ въ одно всё относящіяся сюда показанія источниковъ и предлагаемъ первое объясненіе ихъ по законамъ т. н. з.в. н. с. ишей критики, обращающей вниманіе только на грамматическій и вещественный смыслъ текстовъ. Затѣмъ, мы обращаемся къ однороднымъ явленіямъ юридической жизни другихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Лужичанъ и — въ случаѣ надобности — Хорутанъ, Сербовъ, и Русскихъ, стараясь при этой помощи разъяснить то, что въ нашихъ источникахъ представляется темнымъ, недосказаннымъ или противорѣчивымъ, что требуетъ подтвержденій или дополненій. Богатый юридическій матерьялъ родственныхъ племенъ даетъ возможность пояснить, провѣрить и т. н. с. з. очистить то, что уже прежде добыто нисшею критикой. Послѣ этого, какъ выводъ изъ предыдущаго — мы позволяемъ себѣ и нѣкоторыя общія заключенія объ историческомъ и культурномъ значеніи разсматриваемыхъ явленій, т. е. т. н. з. в. высшую критику ихъ..

Такимъ образомъ, сравнительный приемъ изслѣдованія послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ Славянъ. Послѣднія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія юридическаго быта прочихъ Славянъ, о которыхъ нѣтъ воспоминаній или замѣтокъ въ источникахъ Славянъ балтійскихъ, и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбѣжно необходимымъ. Равнымъ образомъ, и весь однородный славянскій матерьялъ разсматривается нами только въ той мѣрѣ, въ какой онъ — прямо или косвенно — можетъ послужить къ уясненію юридическихъ древностей Славянъ балтійскихъ.

Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшили на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фактовъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалося,

что для такой работы еще не наступил урочный часъ, еще не готовы должныя матерьялы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, отрывающую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную.

Считаемъ необходимымъ опредѣлить и основную мысль нашего труда.

Право есть такой же историческій намятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи. Потому, точка зрѣнія на явленія юридическаго быта и оцѣнка ихъ могутъ и должны быть опредѣляемы общими требованіями и задачами исторіи культуры. Не думая отрицать пользы и значенія догматическихъ изслѣдованій въ области права, мы находимъ, однако, что такое существенно-важное свидѣтельство исторіи прежде всего требуетъ и разсмотрѣнія историческаго, прежде всего должно послужить цѣлямъ науки исторіи. На этомъ основаніи — не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ отрывающаяся, его внутренняя исторія и образованность — составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ. Мы стремились обработать тѣсный участокъ славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ — *si liceat parva componere magnis* — гениальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности³.

Въ наукѣ „Древностей“ книга Гримма представляетъ не только доселѣ никѣмъ не превзойденный образецъ антикварно-юридическаго труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ. Она равномерно освобождаетъ и отъ фантастическихъ увлеченій и отъ узкой исключительности воззрѣній, мѣряющихъ явленія юридическаго быта средневѣковыхъ народовъ мѣрою и догматикой римскаго права, и пренебрегающихъ культурно-исторической стороною правныхъ обычаевъ и учреждений.. Пуритане-юристы нерѣдко упрекали нѣмецкаго ученаго въ излишествахъ, въ недостаткѣ системы, въ слабой оцѣнкѣ юридическихъ институтовъ. Такого упрека не сдѣлаетъ ему историкъ культуры, правильно понимающій требованія своей науки; напротивъ, онъ съ признательностью отнесется къ живому чувству исторической истины, которое вынесло Гримма изъ тѣсныхъ границъ школьной доктрины, и тѣмъ

3. J. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, Gött. 1828.

дало средства представить жизнь въ томъ широкомъ просторѣ, въ какомъ она шла и совершалась въ самой дѣйствительности.

Гриммовы „Нѣмецкія юридическія Древности“ есть изображеніе древне-нѣмецкой правовой жизни и культуры на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему памятниковъ, какъ собственно юридическихъ, такъ и не юридическихъ: языка, поэзіи, литературы, историческихъ свидѣтельствъ, памятниковъ быта и пр. Такого богатства средствъ — мы не имѣемъ, какъ не имѣемъ и богатствъ таланта гениальнаго ученаго; но преслѣдуя въ маломъ объемѣ ту же цѣль въ отношеніи балтійскихъ Славянъ, мы не задумывались пуститься въ путь за столь надежнымъ вождемъ, и сочтемъ свою задачу — выполненною, если, послѣ нашихъ усилій, прояснятся хотя нѣкоторыя стороны еще столь темной — славянской балтійской древности.

Культурно-историческая задача нашего труда дѣлаетъ необходимымъ два дальнѣйшія объясненія. Одно касается различія и границы между явленіями и фактами юридическими и нравственными; другое — вопроса о самостоятельности и заимствованіи извнѣ правовыхъ обычаевъ и порядковъ.

Для строгаго юриста явленія нравственной жизни и явленія жизни юридической — предметы совершенно различныя: первыя, какъ не основанныя на правовой идеѣ, какъ зависящія отъ движеній чувства или прихотливой воли, какъ, поэтому, непрочныя и измѣнчивыя — онъ вовсе исключаетъ изъ круга своего вѣдѣнія. Для его цѣлей имѣетъ значеніе только то, что признано правнымъ сознаниемъ за законъ, правду, за должное правило и порядокъ жизни, а равнымъ образомъ — за отступленія и нарушенія ихъ. Такого ограниченія едва-ли можетъ держаться историкъ культуры, изслѣдующій область правовыхъ явленій; потому что такого разграниченія явленій не знаетъ самая жизнь, особенно — въ эпохи болѣе далекія, предшествующія положительному кодифицированному законодательству. Изъ чегоже образуется законъ и правило, какъ не изъ суммы нравственныхъ началъ и дѣйствій, сознанныхъ и возведенныхъ въ идею т. е. признанныхъ за обязательную для каждаго правду и истину? Безъ нравственныхъ основаній, безъ цѣлаго долгаго ряда предшествующихъ нравственныхъ поступковъ — не возможно и даже не мыслимо — никакое право, никакое правовое дѣйствіе. Источникъ нравственныхъ явленій и явленій юридическихъ одинъ и тотъ-же; разница ихъ заключается въ степени возраста или развитія: первыя содержатъ въ себѣ зародыши права и имѣютъ т. е. молчаливое признаніе, вторыя выражаютъ дѣйствіе гласно признаннаго и утвержденнаго права, потому и обнаруживаютъ болѣе прочное и постоянное вліяніе. Конечно, не всѣ

явленія нравственной жизни имѣютъ способность получить въ дальнѣйшемъ правную силу и дѣйствіе; нѣкоторые изъ нихъ навсегда остаются только въ нравственной сферѣ, но другія — и такихъ не мало — при дальнѣйшемъ движеніи исторіи, вырастаютъ и слагаются въ настоящее право. Далѣе, хотя право является вообще могучимъ двигателемъ жизни въ ея усовершенствованіяхъ, но какъ начало твердо установленное, постоянное, охраняющее, оно, по своей природѣ, консервативно и очень часто остается позади успѣховъ жизни. Образъ послѣдней, представленный на основаніи однихъ памятниковъ права, бываетъ, поэтому, нерѣдко образомъ идеальнымъ — запоздалымъ, стоящимъ не въ уровень съ движеніемъ жизни. Устранить этотъ порокъ можно только тогда, когда мы обратимъ должное вниманіе на сферу явленій нравственныхъ, столь тѣсно связанныхъ съ яличною жизнью и столь рѣдко расходящихся съ нею.

Отсюда видно, что историкъ культуры лишилъ бы себя существеннаго и законнаго пособія, еслибы, при разсмотрѣніи юридическаго быта, совершенно оставилъ безъ вниманія тѣ изв. нравственныя явленія. Его изображеніе вышло бы одностороннею и запоздалою картиною народной жизни.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ важно и необходимо должно быть для насъ — точное опредѣленіе степени самобытности правныхъ учреждений и порядковъ.. Къ сожалѣнію, историко-юридическая наука въ этомъ отношеніи владѣетъ еще весьма недостаточными средствами. Исслѣдователи различаютъ самобытнос и извнѣ принесенное, слѣдуя болѣе признакамъ вѣроятія или голосу предвзятыхъ мнѣній, чѣмъ строгаго, основаннаго на разборѣ дѣла — убѣжденія.. Исходя отъ мысли, что какъ самостоятельное начало, такъ и заимствованія равно бывають присущи и необходимы въ жизни каждаго народа, но не желая преждевременно и легко рѣшать столь важные вопросы, мы ограничились указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ для такого рѣшенія и догадками изъ нихъ вытекающими. При этомъ, кромѣ прочихъ историческихъ соображеній, мы руководились тѣмъ, кажется несомнѣннымъ, правиломъ. что область семейнаго частнаго быта, гдѣ дѣйствуетъ и долго держится народное обычное право, гораздо менѣе открыта для стороннихъ вліяній и менѣе способна къ воспріятію ихъ, чѣмъ область общественныхъ отношеній и порядковъ, гдѣ властвуетъ воля единичныхъ лицъ, творящая нерѣдко законы по свосму усмотрѣнію.

Право есть столько же двигатель, сколько и результатъ исторіи народа, тѣхъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ онъ, и вообще — его матерьяльной и нравственной

культуры. Эта старая, неоспоримая истина побудила насъ дать мѣсто вступительному обзорѣнїю природы края, образа жизни и занятїй народа, о которомъ идетъ рѣчь, основныхъ началъ его исторїи, нравственнаго быта и просвѣщенїя. Назначенное служить объяснительною, вводною статьею къ послѣдующему разсмотрѣнїю правныхъ обычаевъ и учреждений, это обзорѣнїе, само по себѣ, не могло не быть краткимъ: въ немъ представлены не изслѣдованїя предмета, а только общїе выводы изъ такихъ изслѣдованїй. Тѣмъ не менѣе, надѣемся — мы не упустили при этомъ ни одного важнаго факта изъ заслуживающихъ быть замѣченными. Выноска, сопровождающїя наше изложенїе, есть возможно полное извлеченїе и указатель всего, что доселѣ извѣстно о древностяхъ матерьяльнаго и нравственнаго быта балтїйскихъ Славянъ.

Остановимся теперь — на нашихъ ближайшихъ источникахъ.

Подробное обзорѣнїе и критику источниковъ, относящихся къ исторїи балтїйскихъ Славянъ, можно найти въ сочиненїяхъ Люд. Гизебрехта и Виггера⁴. Мы укажемъ только то, что имѣетъ важность для нашей частной задачи и кратко обозначимъ степень этой важности.

„Annales“ и „Vita Caroli Magni“—Эйнгарда [† 840]⁵. Лицо, близкое къ Карлу Великому, Эйнгардъ не могъ не знать его отношенїй къ Славянамъ балтїйскаго поморья, тѣмъ болѣе, что отношенїя эти были не случайны и принадлежали къ дѣламъ Имперїи. Такое обстоятельство довольно ясно опредѣляетъ достовѣрность показанїй франкскаго анналиста; но важность ихъ для насъ не особенно значительна: Эйнгардъ—лѣтописецъ политически государственный, онъ знаетъ и излагаетъ только событїя и во все, завѣдомо — не касается фактовъ внутренняго быта Славянъ. О послѣднихъ приходится заключать изъ самихъ происшествїй или изъ полуглухихъ терминовъ его классической рѣчи.

„Res gestae Saxoniae“—Видукинда [пис. около 967—8 г.]⁶. О поэтико-исторической Хроникѣ Видукинда можно сказать тоже, что и о произведенїяхъ Эйнгарда; съ тѣмъ различїемъ, что наблюдая Славянъ среди борьбы и вражды съ Саксами, онъ еще ме-

4. Lud. Giesebrecht: Wendische Geschichten . . t. III, B., 1843, p. 277—398; Wigger: Mecklenburgische Annalen bis zum Jh. 1066, Schwerin 1860, 4°, p. 89 sq.

5. Pertz: Monumenta Germaniae historica, Scr. t. I, p. 124 sq.; II, 426 sq. и въ отдѣльныхъ изданїяхъ in usum scholarum. Vita Caroli M. издана и у Jaffé: Bibliotheca rerum germanicarum, t. IV. 1867. B. p. 619 sq. и отдѣльно.

6. Изданїе Waitz'a у Перца, въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 408 sq. и отдѣльно, 1861.

нѣ имѣлъ возможности отмѣтить такія событія, которыя позволяли бы заключать о порядкахъ славянскаго правнаго быта. Самое важное для насъ — его мѣткія замѣчанія о характерѣ Славянъ о внутреннихъ причинахъ и побужденіяхъ борьбы ихъ съ Саксами [II, 20].

„Chronicon“ — Титмара, епископа Межиборскаго [† 1018]⁷. Какъ бы ни были велики недостатки Титмара въ историческомъ отношеніи, его Хроника имѣетъ для историка славянской культуры очень важное значеніе. По своему положенію, какъ членъ знатнаго рода, владѣвшій обширными помѣстьями въ [∞] емлѣ Славянъ, какъ епископъ славянской территоріи — Титмаръ былъ въ состояніи многое видѣть и многое слышать отъ стороннихъ очевидцевъ. Нечуждый политической и клерикальной нетерпимости⁸, онъ, однако не простираетъ ее до полного пренебреженія къ „язычникамъ“ и передаетъ въ своемъ родѣ единственныя черты религіи и быта Лютичей. Многія изъ его показаній оправдываются другими источниками, иныя же — еще нуждаются въ критическомъ объясненіи.

„Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum“ — Адама бременскаго [пис. ок. 1075]⁹. Произведеніе Адама, основанное на многихъ письменныхъ и устныхъ достовѣрныхъ источникахъ, для насъ гораздо болѣе важно въ историко-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ юридически-бытовомъ. Правда, бременскій магистръ сообщаетъ очень значительныя замѣтки о религіозныхъ древностяхъ Славянъ, ихъ нравѣ, торговлѣ и отношеніяхъ племенъ между собою; но во внутреннее устройство и порядки жизни ихъ онъ не входитъ. Последніе только кое-гдѣ видѣются изъ-за рассказываемыхъ событій. Кажется, что Адамъ не располагалъ въ этомъ отношеніи достаточными свѣдѣніями; ибо онъ не преминулъ бы воспользоваться ими, какъ то сдѣлалъ въ своемъ образцовомъ изображеніи шведскаго быта [IV, 21—28].

„Vita Ottonis episcopi bambergensis“ — произведеніе монаха Эбона [пис. ок. 1151 г.]¹⁰. Важнѣйшую часть своихъ по-

7. Изданіе Lappenberga у Перца въ Monum. Germ. hist., Ssc. III, 723 sq.

8. „Quamuis de hiis [Лютичахъ] aliquid dicere perhorrescam, tamen... uanam eorum supersticionem inaniorumque populi istius executionem, qui sint uel unde huc uenerint, strictim enodabo“ .. VI, 16.

9. Изданіе Lappenberga у Перца въ Monum. Germ. hist. Scr. t. VII, p. 267 sq. и отдѣльно, 1846.

10. По указаніямъ Клемпина [Baltische Studien Bd. IX, 1 Heft, Stet. 1842 p. 9—88]. Корке реставрировалъ памятникъ и издалъ его въ собраніи Перца, Monum. G. H. Scr. t. XII, 746 sq.; рецензія Jaffé въ V t. Biblioth. rerum german. 1869, p. 580 sq. и отдѣльно, Ber. 1869.

казаній Эбонъ снялъ со словъ свидѣтеля непосредственнаго, священ. Удальрика. Удальрикъ былъ прямой сотрудникъ и соучастникъ еписк. Оттона въ дѣлѣ вторичнаго¹¹ обращенія Поморянъ въ христіанство и потому имѣлъ полную возможность довольно близко ознакомиться съ славянскимъ бытомъ. Можно думать, что наблюденія его были вообще богаты и разнообразны; но, пройдя монашескую кастигацію жизнеописателя [=Эбона], они сократились и обнажились отъ подробностей, не касающихся главнаго предмета. Тѣмъ не менѣе—и въ Эббоновой передачѣ они очень важны, представляя значительный запасъ фактовъ, относящихся ко внутреннему быту Славянъ и сообщенныхъ отчетливо и вѣрно.

„Dialogus de Ottone episcopo bambergensi“ — сочиненіе Герборда [пис. 1158—9 г.]¹². Діалогъ Герборда служитъ какъ бы пополненіемъ труда Эбонова; но онъ — гораздо важнѣе его. Подобно Эббону — Гербордъ имѣлъ надежнаго руководителя, клерика Сефрида, также — свидѣтеля непосредственнаго, слугу и ближайшаго сотрудника Оттона во время первой поморской миссіи. Образованный литераторъ, далекій отъ узкаго монастырскаго пуризма своего предшественника, Гербордъ, кажется передалъ воспоминанія Сефрида *in extenso*, сообщивъ имъ только литературную форму. Сефридъ же былъ наблюдатель, какихъ бываетъ мало: со способностью живо схватывать и ясно удерживать въ памяти видѣнное онъ соединялъ необыкновенную любознательность, которая увлекается не однимъ поразительнымъ, но небрежуетъ и о быкновеннымъ и вездѣ дѣятельно ищетъ новаго и хочетъ знать причины явленій. Оттого — такъ обширенъ кругъ его наблюденій, и они переданы такъ умно, живо и отчетливо! Мы нисколько не преувеличимъ дѣла, сказавъ, что изъ всѣхъ источниковъ внутренней исторіи балтійскихъ Славянъ — ни одинъ, по важности своей, не можетъ быть поставленъ на ряду съ Гербордовымъ Діалогомъ.

„Chronica Sclavorum“ — Гельмольда [пис. въ 1172 г.]¹³. Будучи священникомъ въ Босовѣ [? въ Гольштиніи], Гельмольдъ зналъ сосѣднихъ Славянъ по личному опыту и личнымъ сноше-

11. Удальрикъ не могъ принять участія въ первой миссіи по причинѣ болѣзни.
12. Рецензія Кёрке у Перца въ Monum. G. his. Scr. t. XX и отдѣльно 1868 рец. Jaffé „въ Biblioth. rerum germ. t. V и отдѣльно, В 1869. Одновременно съ настоящимъ трудомъ появляется въ свѣтъ и наше особое изслѣдованіе о „Жизнеописаніяхъ“ Оттона бамбергскаго въ отношеніи славянской исторіи и древности. Пр. 1874.
13. По рецензіи Lappenberg'a у Перца въ Monum. Germ. his. Scr. t. XXI и отдѣльно, Han. in 8°, 1868.

няиъ съ ними: какъ миссіонеръ, онъ, кажется, прошелъ вмѣстѣ съ епископомъ Герольдомъ—Вагрию [I, 82—84]¹⁴, многое видѣлъ, многое замѣтилъ и добросовѣстно передалъ въ своей Хроникѣ. Его извѣстія о Руянахъ и Бодричахъ идутъ, конечно, отъ стороннихъ свидѣтелей; но они достовѣрны не менѣе его собственныхъ. Количество свѣдѣній, сообщаемыхъ Гельмольдомъ по внутреннему быту Славянъ, вообще довольно значительно, но большинство ихъ относится къ древностямъ религіознымъ и только немногія — прямо или косвенно — говорятъ о правовомъ бытѣ и его порядкахъ.

„Historia Danica — Саксона Грамматика [пис. между 1181—1208 гг.]¹⁵. Саксонъ былъ клерикъ и писецъ знаменитаго архіепископа Абсалона. Онъ сопровождалъ послѣдняго¹⁶ въ походахъ противъ Славянъ и, по его побужденію и подъ его руководствомъ — написалъ свою поэтическую Исторію. Собираетъ народныхъ преданій въ первыхъ X книгахъ, Саксонъ становится на болѣе твердую почву исторіи только съ XIюй, а съ половиною XIVюй его произведеніе получаетъ всю цѣну современныхъ историческихъ мемуаровъ. Случайныя замѣтки о внутреннемъ бытѣ Славянъ [Руянъ, Поморянъ и Лютичей] встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ „Датской Исторіи“; но важнѣйшее находится именно въ XIV книгѣ, въ описаніи послѣдней борьбы Руянъ съ Датчанами за политическую и религіозную свободу. Весьма вѣроятно, что или самъ Саксонъ велъ подробный дневникъ всего происходившаго и видѣннаго, или пользовался подобнымъ дневникомъ главнаго героя событій, архіеп. Абсалона; — иначе трудно понять необычайную обстоятельность разсказа, сохранившаго такія мелочи, которыя очень легко забываются. Саксоново изображеніе быта Руянъ и особенно религіозныхъ учрежденій ихъ — въ своемъ родѣ образцовое и по вѣрности и по отчетливости наблюденія; даже и тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ довѣряться чужому голосу, онъ былъ счастливъ удачею, попадая къ руководителямъ знающимъ и правдивымъ. Хотя Саксонъ Грамматикъ не представляетъ прямыхъ указаній на порядки правнаго быта Славянъ, но многія изъ отмѣченныхъ имъ явленій не мало способствуютъ къ объясненію ихъ.

14. Лацпенбергъ [Pref. p. 2] полагаетъ болѣе вѣроятнымъ, что Гельмольдъ не принималъ участія въ путешествіи Герольда, а только получилъ отъ него подробныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, эта часть разсказа Гельмольдова писана или подъ диктантъ очевидца, или — самимъ очевидцемъ и участникомъ путешествія.

15. Рецензія Р. Е. Müller'a и J. M. Velschow'a, Нав. 1839—58, 2 v.

16. Такъ можно заключать изъ характера разсказа, носящаго на себѣ всѣ признаки очевидца.

Грамоты¹⁷. Этотъ родъ историческихъ источниковъ открывается одновременно съ открытіемъ достовѣрной исторіи балтійскихъ Славянъ и умножается по мѣрѣ распространенія у нихъ христіанства и нѣмецкой колонизаціи. Древнѣйшія грамоты — всѣ безъ исключенія — нѣмецко-римскаго происхожденія: по большей части — это жалованные и утвердительные акты на земли и трибутъ епископскимъ діоцессамъ, аббатствамъ, монастырямъ и церквамъ, идущіе отъ папъ, императоровъ, королей и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ властителей. Грамоты туземныхъ, славянскихъ князей начинаются только со времени официальнаго принятія христіанства и заведенія и нѣмецкихъ порядковъ. Характеръ ихъ — тоже церковно-административный. Жалованные акты городамъ возникаютъ еще позднѣе. Древнихъ частныхъ гражданскихъ актовъ, договоровъ и сдѣлокъ — нѣтъ вовсе. Какъ бы ни была значительна и высока историческая важность грамотъ, для эпохи предшествовавшей введенію христіанства, для внутренняго быта ея — онѣ даютъ очень не много, одни случайныя, отрывочныя указанія и неясныя намеки! Ислѣдователь языческой культуры Славянъ стоитъ здѣсь на чрезвычайно зыбкой почвѣ: отъ поздняго онъ долженъ дѣлать заключенія о древнемъ. Покажѣсть онъ имѣетъ дѣло съ древней топографіей и бытомъ экономически — хозяйственнымъ — его заключенія могутъ быть и обильны и тверды; но, вступая въ область внутренней жизни, правовыхъ отношеній и порядковъ, ему приходится съ безотраднымъ трудомъ собирать мелкія крохи и ежеминутно осматриваться, чтобы не сдѣлать ложнаго шага, не усвоить старинѣ — новыхъ и чуждыхъ ей порядковъ.. Конечно, христіанство и Германизація внутренне не скоро измѣнили исконной строй славянской жизни: старые обычаи и учрежденія еще долго жили и правили жизнью, но — совершенно въ другой области, чѣмъ та, которой касаются „грамоты“. Грамоты —

17. Мы пользовались слѣдующими собраніями грамотъ: *Meklenburgisches Urkundenbuch*, hrsg. v. d. Verein für meklenbur. Geschichte und Alterthumskunde, Bd. I—II, Schw. 1868—4, 4°; *Codex Pomeraniae diplomaticus* ed. Hasselbach et Cosegarten. t. 1, Gr. 1843—1862, 4°; *Pommersches Urkundenbuch*, bearb. u. hrsg. v. Klempin, t. 1, Stett., 1868, 4°, содержитъ въ себѣ регесты дополненія и исправленія къ *Codex'u* Козегартена; *Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen unter den eingebornen Fürsten*, hrsg. und mit erläuternden Abhandlungen.. begleitet von C. G. Fabricius t. I—II, Str. 1841—1843. Въ сборникѣ Dreger'a: *Codex diplomaticus oder Urkunden*, so die Pommersch Rugianischen etc.. Stett. 1748 — для насъ была важна лишь одна грамота 1249, данная Яковомъ, папскимъ легатомъ и намѣстникомъ въ Польшѣ, Пруссіи и Помераніи, стр. 286 sq.; остальные всѣ вошли въ собранія Козегартена и Клемпина.

есть выражение новаго церковно — официального быта, а послѣдній могъ представить очень мало такого, что связывалось бы съ старыми порядками язычества, или указывало на нихъ. Указанія — есть, но, повторимъ, немногія и глухія. При употребленіи грамотъ, какъ источниковъ славянскаго быта — необходимо было имѣть въ виду древность и происхождение ихъ. Мы ограничились только древнѣйшими актами, приблизительно до половины тринадцатаго столѣтія. Ограниченіе, конечно — произвольное, но оправдываемое тѣмъ, что съ этого времени въ юридической жизни балтійскихъ Славянъ наступаетъ полный перевѣсъ нѣмецкаго начала. Славянскій бытъ еще свѣтитъ коегдѣ и потомъ, но такимъ тусклымъ, блуждающимъ огнемъ, что довѣриться ему — опасно. Касательно происхожденія памятниковъ — замѣтимъ, что мы отдавали предпочтеніе актамъ туземнымъ и менѣе полагались на грамоты римско-нѣмецкія: первые, по крайней мѣрѣ — стоятъ на родной почвѣ и исходятъ отъ дѣйствительности, вторыя нерѣдко составлены по готовымъ канцелярскимъ формулярамъ, общимъ для всѣхъ странъ и народовъ, куда простиралась власть духовныхъ и свѣтскихъ правителей.

Таковы наши главные источники. Менѣе значительныхъ, а равно и польскихъ и чешскихъ пособій — не указываемъ особо: они обозначатся — каждый въ своемъ мѣстѣ и при своемъ случаѣ.

Не можемъ, однако пройти здѣсь молчаніемъ еще двухъ пособій, изъ которыхъ одно было бы богаче и важнѣе всѣхъ прочихъ, если бы дошло къ намъ въ своемъ древнемъ, неспорченномъ и непоблѣкомъ образѣ. Разумѣемъ языкъ. Когда нѣмецкая любознательность остановилась на языкѣ балтійскихъ Славянъ и стала собирать матерьялъ его, онъ находился въ періодѣ вымиранія — и не только въ отношеніи грамматическаго строя, но и лексикальнаго содержанія. Старые славянскіе термины правнаго быта и отношеній, не находя издавна поддержки въ жизни, исчезли почти безъ остатка; уцѣлѣли только слова, относящіяся къ хозяйственному быту, образу жизни и отчасти къ семейнымъ отношеніямъ. Указаніями языка мы тѣ. обр. могли пользоваться преимущественно въ первой, вводной части нашего труда и очень немного, лишь въ двухъ-трехъ исключительныхъ случаяхъ — во второй. Слова и культурные термины нами указываются только такіе, которыхъ древность и относительная самостоятельность представлялись несомнительными и которые, потому, имѣютъ всю цѣну свидѣтелей быта и культуры славянскаго періода жизни народа ¹⁸. Другое по-

18. Ссылки на сборники, гдѣ находится какое нибудь слово — мы не считали необходимыми: довольно будетъ замѣтить, что матерьялъ извлеченъ нами

собіе — собственно археологическій матеріалъ. Запасы его, собранные трудами частныхъ лицъ и ученыхъ Обществъ уже не малы, но ученая обработка его — вообще гадательна и рѣдко возвышается до степени исторической достовѣрности. Потому и самый матеріалъ еще не достигъ необходимыхъ условій историко-этнографическаго источника и можетъ быть принятъ во вниманіе только въ значеніи вѣроятнаго, объяснительнаго пособия. Если бы главною задачею нашего труда было разсмотрѣніе древностей матеріальной культуры балтійскихъ Славянъ, то невниманіе къ этому пособию было бы явнымъ пробѣломъ и весьма чувствительнымъ недостаткомъ изслѣдованія; но служебное, вводное значеніе первой части труда, гдѣ разсматривается матеріальная культура — измѣняетъ характеръ вопроса. Имѣя цѣль представить только общіе выводы изъ достовѣрныхъ фактовъ, мы могли на этотъ разъ оставить археологическій матеріалъ почти нетронутымъ: отсюда не могло произойти никакой порухи или ущерба для дѣла, а скорѣе — прямая выгода опредѣленности.

Читатель видитъ скудость пособій, которыми мы располагаемъ... Пусть еще вспомнитъ онъ, въ какой недобрый часъ приходилось чужеземнымъ анналистамъ, историкамъ и миссіонерамъ наблюдать условія и порядки внутренняго быта балтійскихъ Славянъ.. Время было слишкомъ тревожное для послѣднихъ. Ожесточеніе борьбы возмуцало и извращало обычный ходъ жизни, произволъ становился правомъ, право не находило простора для дѣйствія. Среди такого броженія изслѣдователю бываетъ иногда очень трудно найтись и отличить въ источникахъ дѣйствіе временной исторической причины отъ обычныхъ поступковъ „по закону свату,“ отъ дѣйствій правовыхъ. Его отчасти выручаютъ пособія другихъ славянскихъ племенъ, которыя въ жизни были счастливѣе балтійскихъ и владѣютъ древними письменными памятниками своего права;

изъ слѣдующихъ трудовъ: Pful — „Pomniki Polobjan Slowjansćiny“ въ *Časopisъ Maćicy serbskeje*, 1863, p. 28—67, 69—188, Nro. 27, 28; 1864, p. 141—196, 199—241, Nro. 29, 30; Schleicher: *Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache*, Spb. 1871; Бодуэнъ-де-Куртене: *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*, Лейп. 1870. Въ послѣднемъ сочиненіи обращено вниманіе и на слова, находящіяся въ грамотахъ балтійскихъ Славянъ, впрочемъ—для цѣлей грамматическихъ. Что касается до фонетической передачи словъ, представлялось умѣстнымъ передавать ихъ русскимъ письмомъ въ дѣйствительныхъ или предпологаемыхъ формахъ. Ошибки и неправильныя догадки были, конечно, при этомъ неизбежны. Чтобы ослабить ихъ и дать возможность найти болѣе правильныя формы, мы присоединяли къ гадательнымъ реставраціямъ и оригиналы, т. е. уродливыя формы, въ какихъ полабскія слова были переданы нѣмецкими собирателями.

но только — отчасти; ибо и здѣсь мы не найдемъ ни одного памятника [за вычетомъ русскихъ Договоровъ съ Греками], въ строгомъ смыслѣ принадлежащаго языческой эпохѣ. Древнѣйшіе постановленія чешскаго и польскаго права носятъ на себѣ уже несомнѣнные слѣды христіанскаго, церковнаго вліянія, а чрезъ него и римскаго элемента. Далѣе. Область древне-славянскаго права такъ еще мало изслѣдована въ культурно-историческомъ отношеніи, что изслѣдователь почти во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ этого рода бываетъ предоставленъ своему собственному опыту и силамъ. По многимъ предметамъ онъ не только не найдетъ никакихъ удовлетворительныхъ объясненій, но даже и простаго указательнаго сбора матерьяла. До всего онъ долженъ доходить непосильнымъ собственнымъ трудомъ. Самый важный вопросъ, безъ основательнаго рѣшенія котораго все древнее право Славянъ [а съ нимъ и культура ихъ] представляется въ какомъ то сомнительно-непрочномъ освѣщеніи, вопросъ о вліяніи чужеземнаго права и учрежденій на славянскія — едва затронуть...

Вотъ, если нужно, нѣкоторыя извинительныя причины тѣхъ недостатковъ, которыя, конечно — въ обилии, встрѣтятся читателю въ предлагаемомъ изслѣдованіи. Другія — падаютъ на личную долю и отвѣтственность автора. И онъ усердно проситъ всѣхъ не о снисхожденіи, а о справедливой строгости къ нимъ и исправленіи ихъ, потому что, говоря словами Яна Гуса: „*a primo studii mei tempore hoc mihi statui pro regula, ut quotiescunque sanio rem sententiam in quacunque materia perciperem, a priori sententia gaudenter et humiliter declinarem, sciens, quoniam illa quae scimus, sunt minima illorum, quae ignoramus.*“ [De trinitate].

Земля и народъ.

Съ той поры, какъ начинаются твердыя свидѣтельства положительной исторіи, мы находимъ Славянъ обладателями южнаго побережья балтійскаго моря, приблизительно—отъ Лабы по Вислу¹⁹.

Обширный край этотъ во многихъ частяхъ своихъ находился еще въ первобытномъ состояніи и былъ мало воздѣланъ рукою человѣка: огромные, дѣвственные буковые и дубовые лѣса, непроходимыя пуши и болота тянулись и по окраинамъ и внутри страны²⁰.

19. Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизациі балтійскаго поморья, нѣкоторые изслѣдователи утверждали, что основное населеніе страны—исконокъ вѣка, непрерывно—было и оставалось иѣмецкимъ, что дружины Славянъ, покоривъ его, составили высшее, численно незначительное сословіе его, которое, въ качествѣ представителя, скрыло отъ глазъ исторіи германскую природу и языкъ низшаго слоя, основнаго народонаселенія. Съ особенною обстоятельностью эта гипотеза изложена и развита К. Ф. Фабриціемъ [см. его ст. „Über das frühere Slaventhum der zu Deutschland gehörenden Ostseeländer“ Schw. 1841, а также и въ VI т. Jahrbücher d. Vereins f. meklenb. Gesch. u. Alterthumskunde, p. 1—59] и поддерживается братомъ его, извѣстнымъ издателемъ „Руянскаго Дипломатарія“ [Urkunden zur Gesch. d. Fürst Rügen, II, p. 36—7, 44, 72—4; cf. его же: Studien zur Gesch. der Ostseeländer. II, B. 1859, p. 3]. Патриотическая гипотеза эта встрѣтила, однако, такое основательное опроверженіе со стороны Козегаргена [Codex Pom. diplom. p. 316—321] и Волля [ст. „Ueber die Volkssprache der Nordwestlichen Slavenstämme“ въ Jahrbücher des Vereins f. meklenburgische Gesch. u. Alterthmsk. Jhrg. IX, Schw. 1844, p. 1—17], что представляется совершенно излишнимъ снова вдаваться въ ея разсмотрѣніе. Ср. также Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern, I, H. 1839, p. 152.
20. Основательное разсмотрѣніе южнаго балтійскаго побережья въ естественно-историческомъ отношеніи читатель найдетъ въ книгѣ Barthold'a: Geschichte v. Rügen etc. I, p. 5—85. О лѣсахъ и болотахъ „Славаніи“ говорятъ Widukindus, Res gestae, II, 4, III, 45; Adamus brem: Gesta II, 18; Helmoldus, Chronica I, 37; Ebo, Vita Ottonis III, 4; Martinus Gallus Chronicon III, 1, у Вѣльскаго въ Monumenta Poloniae hist. I, p. 464—5; Chronicon Petershusan. у Раумера въ Regesta hist. bran-

сообщая ей характеръ дикой заключенности, уединенія отъ сосѣдей и внутренняго разобщенія въ отдѣльныхъ частяхъ. Обширная полоса земли, окруженная съ сѣвера моремъ, съ запада, юга и востока пустошами и дремучими лѣсами, представляла много естественнаго разнообразія, много благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій для дѣятельности человѣка. Природа вообще щедро одѣлила ее своими дарами: твердая обитаемая почва отличалась необычайными богатствами, рѣдкимъ обиліемъ водъ, большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ, рѣдкою роскошью растительности, плодородія и живности. Свидѣтели почти не находятъ словъ, чтобы достаточно изобразить богатство естественныхъ произведеній края. Адамъ бременскій передаетъ молву своего времени, что „Славанія“ очень богата полевыми плодами²¹, Адельготъ, епископъ магдебургскій, [ок. 1110] говоритъ, что страна язычниковъ [т. е. Славянъ] обильна мясомъ, медомъ, мукою и птицею, и—если воздѣлать ее, то богатства ея будутъ таковы, что съ ней несравнится никакая иная земля²²; миссіонеръ Сефридъ съ явнымъ воодушевленіемъ отзывается о Поморьѣ, что оно невѣроятно обильно рыбой, добываемой какъ изъ моря, такъ и изъ рѣкъ, озеръ, заводей и прудовъ: на одинъ денаръ²³ можно было, по его словамъ — купить цѣлый возъ свѣжихъ, жирныхъ и вкусныхъ сельдей. Въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, вепри, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ излишество масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля, маъ и всякаго рода овощи, — и еслибы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина, фиговое дерево, ее можно было бы назвать обѣтованною землею— по богатству плодоносныхъ деревьевъ.. Вообще Сефридъ не зна-

denb. В. 1836, sub 1147 an. N°. 1108; Saxo Grammaticus, Historia ed. Mülleri, I, p. 888—4, 921, 976; а также и многія грамоты, напр. Cod. dipl. Pomer. N°. 33, 34, 36, 39, 40, 60, 61, 65, 69, 71, 81, 85, 86, 88 etc.

21. „Haec regio [=Sclauania] cum sit armis, uiris et frugibus opulentissima“. Adami Hr. Gesta II, 18.

22. „Gentiles isti [—Slau] pessimi sunt, sed terra eorum optima carne, melle, farina, auibus et si excolatur, omnium de terra ubertate prouentuum, ita ut nulla ei possit comparari. Sic aiunt illi quibus nota est“. Adalgorii Epistola, пом. въ Martene et Durand: Veterum scriptorum amplis. collectio, t. I., Pag. 1724, p. 627; скажемъ къ случаю, что сомнѣнія въ подлинности письма еп. Адельгорія, Raumer Regesta S. 1110 an. p. 126—7 — должны быть названы по малой мѣрѣ—недоказанными. Со стороны славянскаго быта епискола даетъ скорѣе поводъ къ заключенію обратному.

23. „Серебряный денаръ — пѣназь составлялъ 12 часть солида или скляза т. е. равнялся $4\frac{1}{12}$ нѣмецкаго новаго пѣенинга. См. nn. Ursinus'a къ его переводу Dithmars Chronik. Dresd. 1790, p. 320.

еть иной страны, которая предлагала бы обитателям такое обилие рыбы, дичи, всяких хлѣбовъ и полевыхъ плодовъ, которая была бы такъ богата медомъ, пастбищами и травами²⁴. Гельмольдъ называетъ обширную землю Славянъ—богатою хлѣбомъ и удобствами тучныхъ пастбищъ, обильною рыбой, живностью и всякимъ добромъ²⁵. Наконецъ, о природныхъ богатствахъ страны ясно свидѣтельствуя и дарственные грамоты туземныхъ князей: здѣсь колонисты приглашаются въ плодороднѣйшую землю, щедро одаренную плодами, скотомъ, птицею, рыбою, молокомъ и медомъ; имъ отдаются села и деревни со всѣми удобствами жизни: съ богатыми лѣсами, лугами, полями и рыбными ловлями²⁶.

24. „Piscium illic tam ex mari quam ex aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilis. Carratamque pro denario recentis acciperes allecis; de cuius sapore uel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferine: ceruorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et triciti, cum canano et papauere et cuncti generis legumine. Atque si uitem et oleam et ficum haberet, terram esse putares reppromissionis propter lignorum habundantiam fructiferorum“. *Herbordi Dialogus* II, 41. „Terra ipsa piscium et ferarum copiosam incolis prebet habundantiam; omnigenumque frumentorum et leguminum siue seminum fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior“. *Ibid.* II, 1. cf. II, 21.

25. „Quia autem terra [Wagirensium] deserta erat, misit [comes Adolfus] nuncios in omnes regiones . . . ut quicumque agrorum penuria artarentur, uenirent cum familiis suis, accepturi terram optimam, terram spaciosam, uerem fructibus, redundantem pisce et carne et commoda pascuorum gratia. Dixit que Holsatis et Sturmariis . . . „transmigrate in terram desiderabilem, et incolite eam, et participamini deliciis eius, eo quod uobis debeantur optima eius, qui tulistis eam de manu inimicorum“. *Helmoldi Chronica*, I, 57. „Confluerent de terris suis homines Teutonici ad incolendam terram [Sclauorum] spaciosam, fertilem frumento, commodam pascuorum ubertate, abundantem pisce et carne et omnibus bonis“. *Ibid.*, I, 87. Въ другомъ мѣстѣ — о землѣ Глинязъ [Lini Linoges] . . . „perlatum est ad Mistue, quod gens quedam foret e uicino, fertilis omnibus bonis“. *Ibid.* I, 37; cf. *Ibid.* I, 12; *Annales Quedlinb.* в. а. 997. О рыбныхъ богатствахъ страны Гельмольдъ говоритъ во II кн. гл. 12; сравни *Sax. Gram. Hist. Dan.* p. 857, 869, и многія грамоты, особ. *Cod. N° 46, 75* и *Ebbonis Vita Ottonis* III, 4.

26. . . . „Nec uille licet inculte amenitate tamen situs. ubertate glebe. uenationis. aucupationis et piscationis copia, et pratorum abundantia cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circum eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium. et siluosa et sicut scribitur de terra reppromissionis lacte et melle manantia“. *Codex Pom. dipl. N° 29*, cf. *N° 50*. О природныхъ богатствахъ страны говорится во многихъ грамотахъ.

Находимъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые старыя термины языка,

На первый взгляд можно подумать, что эти отзывы заключаютъ въ себѣ преувеличеніе²⁷; но полная справедливость ихъ доказывается самой исторіей; ибо только имѣя въ виду природныя богатства края, можно объяснить себѣ, почему такъ долго и упорно стремились Нѣмцы къ обладанію славянскимъ побережьемъ балтійскаго моря, почему, наконецъ—и [нѣмецкая] колонизація страны совершилась такъ охотно и быстро.

Распространеніе природныхъ богатствъ было, однако, не равномернo. Приведенныя свидѣтельства имѣютъ въ виду счастливыя мѣстности; но не мало было и такихъ, гдѣ природа открывалась человѣку своею суровою, непривѣтливою стороною. Это, говоря словами памятниковъ — „loci horroris et uaste solitudinis“, мѣста безплодныхъ пустынь, болотъ и дикихъ лѣсовъ²⁸, занимавшихъ иногда очень значительныя пространства, мѣста, гдѣ тяжелый трудъ человѣка приносилъ лишь скудные плоды, гдѣ заботы и потребности его не имѣли простора и рѣдко шли далѣе заботъ о дневномъ существованіи.

Природа съ подобными разнообразными условіями не могла не обнаружитъ и соотвѣтственнаго разнообразнаго вліянія на бытъ и образъ жизни обитателей.

Естественная производительность края, съ богатымъ избыткомъ вознаграждавшая трудъ, способна была породить не одно домашнее довольство и благосостояніе, но и вызвать промышленную дѣятельность и торговую предприимчивость. Географическое положеніе страны вполне благоприятствовало этому: она занимала тѣ. сѣз. средину европейскаго материка, соединяя югъ и западъ съ сѣверомъ; большія рѣки облегчали сообщеніе внутри ея, сосѣднее море открывало далѣе свободный путь къ рынкамъ Даніи, Швеціи и русскаго Сѣвера. Торговая дѣятельность являлась какъ бы не-

обозначающіе предметы растительной и животной природы края: ими до нѣкоторой степени условливается движеніе самой культуры. Изъ родовъ деревьевъ извѣстны: думбъ [tumb, dumb] — въ собственномъ смыслѣ quercus и вообще дерево, какъ въ яз. древнеславянскомъ; ядла [jǫdla, gadela, jedla]-ель, ясень [josena, gossin], вольха [wilscha], липа [leuro], букъ [boic, bauk], бреза [brésa, brese]; изъ ягодъ: молина [moleiné], смордлина [amordeleine]. Изъ звѣрей: дивый волъ [deiwa boala]-олень, дива корва [deiwa korwǫ, —kurwa]-оленица; дива коза [deiwa tjesá], дива свиная [deiwa schweinang]; зайиць [sogans, sojangs, sogangs], лисица [leisseitz, leisseítska, leiseitz, leiscitzja], вепрь [wǫper], вонкъ [wanck, yuk]. О дикихъ быкахъ см. Adami brem. Gesta IV, 31.

27. Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern I, p. 482 sq.

28. Herborði Dialogus II, 10; Meklenburgisches Urkundenbuch, N° 100, 255; Codex Pomer. dipl. N° 60, 106; Saxo Grammaticus Hist. p. 928.

избѣжнымъ слѣдствіемъ природно-географическихъ условій и отношеній. вмѣстѣ съ тѣмъ, на сѣверѣ, у моря жизнь необходимо должна была получить болѣе широкое развитіе, чѣмъ внутри страны и на окраинахъ: населеніе, стѣсненное съ запада и юга врагами, уходило отъ опасныхъ мѣстъ и стремилось къ морю, которое давало просторъ его дѣятельности и поощряло ее удачею. О послѣдствіяхъ торговыхъ сношеній и знакомства съ иноземными народами — нѣтъ надобности распространяться: они никогда не проходятъ даромъ, какъ вообще для образованности, такъ и для направленія частныхъ сторонъ народной дѣятельности; замѣтимъ только, что жесткость народнаго характера и та суровая, независимая энергія его, которыми въ средніе вѣка такъ славно было имя „сѣверныхъ язычниковъ“, кромѣ вліянія воспитательной школы исторіи [см. ниже, стр. 24 sq.] должны быть во многомъ объясняемы и постояннымъ общеніемъ народа съ моремъ и его опасностями; равнымъ образомъ — морскіе разбои Славянъ были слѣдствіемъ столько же знакомства ихъ съ сѣверными викингами, сколько и географическаго положенія при морѣ, которое манило къ легкой добычѣ и въ своихъ безчисленныхъ заливахъ и островахъ открывало надежное убѣжище для пирата.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что легкое удовлетвореніе нуждъ челоѣка, поощряя трудъ и предприимчивость, увлекая мысль и силы его, могло имѣть и свою невыгодную сторону и произвести своего рода гибельную политическую и общественную безпечность и апатію: отдавшись самодовольно однимъ интересамъ, народъ легко забываетъ о другихъ, еще болѣе существенныхъ, особенно — если его природный характеръ наклоненъ къ беззаботности, если эти интересы требуютъ уступокъ и жертвъ нѣкоторыми удобствами, излюбленными обыкновеніями и привычками.

Не менѣе рѣшительно должно было быть вліяніе природныхъ условій тамъ, гдѣ они оказывались неблагоприятными для развитія соціальныхъ отношеній. Зброшенные судьбой среди болотъ, пустошей и лѣсовъ, отчужденные не только отъ иноплеменныхъ народовъ, но и отъ близкихъ родичей, нѣкоторыя племена неизбѣжно должны были одичать и остаться на весьма недалекой ступени соціального развитія. Правственное коснѣніе и консервативный застой бывають обыкновеннымъ слѣдствіемъ такого уединеннаго положенія. Здѣсь уже рѣшительно нѣтъ мѣста для мысли и дѣятельности политической, для предпріятій общественныхъ: первыя ограничиваются мелкими раздорами и ссорами съ ближайшими сосѣдами, вторыя выражаются грабежомъ и разбоемъ. Соединеніе такихъ племенъ въ прочный соціально-государственный союзъ мо-

жетъ совершиться только посредствомъ внѣшней, чуждой силы, но не посредствомъ внутренняго, изъ нихъ самихъ исходящаго, объединяющаго начала: до послѣдняго они не вырастаютъ.

Отмѣченныя здѣсь природныя вліянія, какъ откроется далѣе, вполне оправдались жизнью и исторіею балтійскихъ Славянъ.

Взглянемъ теперь на народъ, обозначимъ важнѣйшія племена и мѣста жительства ихъ, ходъ ихъ исторіи, образъ жизни и характеръ.

Мнѣніе Шафарика, что балтійскіе Славяне вышли изъ земель привислянскихъ и распространились съ Востока на Западъ²⁹ — представляется вполне вѣроятнымъ, такъ—какъ на ближайшее родство ихъ съ вѣтвью Славянъ привислянскихъ указываетъ уже самое тожество особенностей языка тѣхъ и другихъ. Но когда произошло это переселеніе, или вѣрнѣе — расселеніе, на это не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній въ источникахъ³⁰. Достоверная исторія знаетъ Славянъ, какъ обитателей балтійскаго поморья, но не какъ — насельниковъ пришельцевъ.

Въ источникахъ VIII—XII в. страна носитъ этнографическое наименованіе земли Вендовъ [Vinedaland, Veonodland, Vindland], Славіи, Славании [Selauia, Sclauania]. Народы, сидѣвшіе на ней признаются свидѣтелями за народы одного рода и племени, за ближайшихъ родственниковъ. Мы перечислимъ ихъ, слѣдуя направлению съ Запада на Востокъ, т. е. по предполагаемому старшинству ихъ переселенія.

Вагры [Wagri, Waigri, Waari]. Племя сидѣло въ крайнемъ сѣверо-западномъ углу между моремъ, рѣками Сваленой и Свентиной

29. Šafařík: Slowanské starozitnosti, Pr. 1857, §. 43, pag. 834 sq.

30. Домислы Шафарика, Ibid. p. 836 sq., что такое переселеніе должно было произойти въ періодъ времени между III и V столѣтіями—заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія, но догадками, хотя бы и остроумными—нельзя замѣнить недостатокъ историческихъ данныхъ. Онѣ имѣютъ всѣ условія вѣроятности, но достоверными ихъ назвать нельзя. Тоже, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о результатахъ попытокъ опредѣлить нѣродность древнѣйшаго индо-европейскаго населенія балтійскаго поморья: вѣ р о я т н ы м ъ представляется, что относительно древнѣйшихъ обитателей страны были Нѣмцы, но кто захотѣлъ бы идти далѣе этой вѣроятности, кто приметъ ее за доказанный историческій фактъ и на немъ захочетъ основать дальнѣйшія историко-этнологическія заключенія, тотъ поступитъ вопреки правиламъ строгой науки. Къ слову о спорномъ вопросѣ—замѣтимъ, что приверженцами мнѣнія о древнѣйшемъ славянскомъ заселеніи балтійскаго поморья являются люди, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ узкомъ славянскомъ патріотизмѣ, см. предисловіе Латама къ книгѣ Kemble *Notae ferales*, L. 1863; а также его изданіе и комментарий къ Тацитовой „Германіи“.

— съ одной стороны и Травной — съ другой. Часть племени помѣщалась на островѣ Фембрѣ [Imbria]. Принадлежали ли Вагры къ слѣдующей этнографической особи Оботритовъ, какъ часть ихъ, или составляли отдѣльное цѣлое — изъ источниковъ не видно.

Оботриты [Abodriti, Apdrede, Abtrezi] — по толкованію Шафарика = Бодричи, простирались отъ р. Травны, Билой и Лабы, гдѣ проходилъ извѣстный „саксонскій предѣлъ“ [limes Saxoniae], къ востоку по р. Варну. Племя подраздѣлялось на: а) собственныхъ Оботритовъ, называвшихся иначе Ререгами [Beregi] и занимавшихъ сѣверную часть страны; б) Полабовъ [Polabingi, Polabi], обитавшихъ между рр. Билой и Лабой до Звѣринскаго озера, рр. Стѣра и Эльды; въ источникахъ до нач. IX в. часть Полабовъ встрѣчается подъ именемъ Смелдинговъ [Smeldingi, Smeldingon] — по Шафарiku = Смолинцы, они жили у нынѣшняго Дѣмица; наконецъ — в) Варновъ [Warnabi], сидѣвшихъ на востокъ отъ Ререговъ, между моремъ и р. Варной.

Особыя группы племенъ составляли: 1) Линоны или Лины [Linones, Linoges, Linaa, Linagda] — по толкованію Шафарика = Глиняне, обитавшіе на правой сторонѣ р. Лабы, около нын. Путища; 2) Древане [Dreuanı], жившіе на лѣвой сторонѣ р. Лабы, насупротивъ Линовъ; 3) Бетенцы [Bethenz, Bethenici] — по Шафарiku = Вѣтницы, Вѣтники, о которыхъ извѣстно только, что они сосѣдили съ Линами и находились на восточномъ берегу р. Лабы; 4) Моричане [Morizani, Morize], область которыхъ простиралась отъ Плавскаго озера на востокъ до р. Гаволы и отъ верхней Неболы на югъ до Безунтскаго лѣса.

Лютичи, называвшіеся иначе — Велетовыми и Вильцами [Lutici, Leuticii, Weletabi, Wilzi] — сидѣли отъ рѣки Варны до рр. Одры и Гаволы, а также — на островахъ Узномѣ и Волынѣ (?). Они дѣлились на четыре главныхъ племенъ: а) Кичанъ [Kusini], по объясненію Шафарика — Хижанъ, обитавшихъ между моремъ и рр. Варной и Рекеницей; б) Чрезпѣнянъ [Circipani, Zerezipani], простиравшихся отъ тробельскихъ болотъ и р. Рекеницы до р. Пѣны и Неболы, и выше — до Парумскаго озера; в) Редарей [Riadri, Redari, Rederarii, Retharii] — по толкованію Шафарика — Ратарей, жившихъ отъ р. Пѣны до Одры въ плодородной холмистой странѣ нынѣшней Старьградской области, и г) Доленчанъ, Доленцовъ [Tholensani, Tholenzi], обитавшихъ на сѣверо-западъ отъ Редарей, между Доленскимъ озеромъ и р. Пѣною, въ Укермаркѣ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лютичами находились: 1) Гаволяне [Heuelli, Nehfeldi, Heueidun], называвшіеся иначе Стодора-

нами, — по рѣкѣ Гаволѣ и Спревѣ; къ нимъ принадлежали еще Спреване и Брежане; и 2) Укране [Verani] — на востокъ отъ Доленцовъ и Редарей по рѣкѣ Укрѣ до р. Одры или поморянскаго [штетинскаго] озера; сѣверная отрасль ихъ [?] называлась Рѣчанамъ [Riezani, Ritzani].

Ране или Руяне [Rani, Rugiani, Rugi, Raengjar] занимали островъ Рую или Руану. Этнографически они, кажется, стояли ближе къ Поморянамъ, чѣмъ къ Лютичамъ.

Поморяне [Pomerani, Pomorani, Maritimi] сидѣли на огромномъ пространствѣ отъ Одры до Вислы. Существовали-ли внутри этого племени какія частныя подраздѣленія — неизвѣстно; но въ политико-географическомъ отношеніи страна дѣлилась на двѣ почти равныя части: переднее и заднее Поморье, границей служила рѣка Персанта³¹.

Вотъ всѣ важнѣйшія племена балтійскихъ Славянъ³². Кромѣ ихъ въ источникахъ упоминаются еще нѣсколько мелкихъ, какъ Дошане [Doxane], Любичи [Leubuzi], Земчичи [Zemzici], Лѣтичи [Liezizi], Нелитичи [Nielitici] итд.; но они извѣстны только по именамъ, и даже можно думать, что нѣкоторые изъ этихъ наименованій относились не къ племенамъ въ собственномъ смыслѣ, а къ округамъ, жупамъ или родовымъ поселкамъ³³.

31. Шафарикъ, *Slow. star.* p. 761—2, отдѣляетъ Поморянъ отъ прочихъ балтійскихъ Славянъ и рассматриваетъ ихъ, какъ одну изъ вѣтвей племени польскаго. На это — сколько знаемъ — не существуетъ достаточныхъ оснований. Напротивъ, Поморяне всегда стояли ближе къ своимъ заодранскимъ родичамъ, чѣмъ къ Полякамъ. Польскіе анналисты, Мартинъ Галль, Кадлубекъ и Богухвала — рассматриваютъ ихъ, какъ племя, совершенно отдѣльное отъ Поляковъ. Попытка Доминика Шульца, см. его соч. *O Pomorzai zaodrzańskiem*, *Warsz.* 1850, p. 4—58, подтвердить доказательствами мнѣніе Шафарика — не выдерживаетъ строгой критики.
32. Кромѣ лужицкихъ Сербовъ, которые хотя и были ближайшими родичами Славянъ балтійскихъ, но, говоря строго, не должны быть къ нимъ отнесены, какъ часть къ цѣлому.
33. Подробныя ссылки на источники для древней географіи балтійскихъ Славянъ читатель найдетъ у Шафарика, *Slow. staroż.* p. 871 sq. §. 44, влеченія — въ „приложеніяхъ“ с. 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24. Со времени Шафарика, рассматривавшаго съ особеннымъ вниманіемъ эту часть славянскихъ древностей, вопросъ не много подвинулся впередъ. Лучшій очеркъ предмета принадлежитъ датч. Петерсену, въ его статьѣ: „Die Züge der Dänen nach Wenden“, помѣщ. въ *Mémoires de la Société des Antiquaires du Nord*, *Cop.*, 1836—39, p. 87—133. Петерсенъ слѣдуетъ преимущественно сѣвернымъ источникамъ. Сочиненія по тому же предмету Квандта: „Zur Urgeschichte der Pomoranen“ и „Die Liutizen und Obdruten“, помѣщ. въ *XII. t. Baltische Studien*, 1868, p. 121—347, содержатъ въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но, къ сожалѣнію, страдаютъ отъ очень запутаннаго

Общее количество народонаселения определить, конечно, невозможно; но в источниках встречаются несколько указаний, которые дают повод думать, что край, несмотря на многие дѣса и пустоши, былъ вообще заселенъ не бѣдно. Такъ, Эйнгардъ замѣчаетъ, что Вильцы очень полагались на свою многочисленность, что въ походѣ Карла V. противъ Чеховъ участвовали полчища безчисленныхъ Славянъ. Въ битвѣ у Лунчина, по извѣстію Видукинда, сражалось безчисленное множество Славянъ, однихъ убитыхъ было 120—200 тысячъ. О многочисленности Славянъ по разнымъ случаямъ говорятъ и другіе свидѣтели, Метенскія анналы, Лиутпрандъ, Адамъ бременскій, Ордерикъ Виталій, Гельмольдъ³⁴. Принявъ при этомъ къ свѣдѣнію показанія древнѣйшихъ грамотъ, изъ которыхъ рѣдка не называетъ множества сель, деревень, угодій, рынковъ и корчемъ, мы, даже и тогда, когда въ приведенныхъ показаніяхъ захотимъ увидить преувеличеніе или фразу — кажется все таки будемъ имѣть право заключить, что современники считали балтійскихъ Славянъ народомъ очень многочисленнымъ, что страна ихъ [regio Sclauorum] была дѣйствительно — заселена не рѣдко, покрайней мѣрѣ — въ своихъ плодородныхъ мѣстахъ, по теченіямъ рѣкъ и озерамъ.

и неяснаго изложенія. Самый же важный трудъ принадлежитъ Виггеру, въ его книгѣ: *Mecklenburgische Annalen, bis zum Jh. 1066, Schw. 1860, 4°*, стр. 100—122, эскурсъ „Zur Topographie der Slavenländer“. Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать на книгу Виггера, какъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, рѣдкихъ явленій въ области науки Славянскихъ Древностей. Мы ей обязаны очень многимъ.

34. „Gens illa [Wiltzorum], quamvis bellicosa et in sua numerositate confidens, impetum exercitus regii diu sustinere non ualuit“. Einhardi Ann. s. a. 789; Imperator... aliam partem [exercitus] per Saxoniam dirigens ut.. cum Saxonibus et innumerabilibus Sclauis.. in Sclauos prorumperet“. Ibid. s. a. 805.
- „Cum pauci non praeualerent aduersus innumerabiles reuersus est [legatus] ad exercitum, referens, quia barbari non plures haberent equites, peditum uero innumerabilem multitudinem... fuere qui dicerent barbarorum ducenta milia caesa“, Widukindi Res gestae Sax. I, 36 [Корвейскіе и вевлинбургскіе Анналы, S. an. 920, 939 полагаютъ 120 тысячъ].
- „Duces gentis asperae Sclauorum... uenerunt... pagnatores quasi centum millia“. Annales Metens., apud Pertz Monum. G. h. I, p. 330.
- „[Hugo] Sclauorum gentem innumeram subiugauit“, Liudprandi Ant. An. III, c. 21.
- „Multa milia paganorum [Circipanorum] hinc inde prostrati sunt, plures abducti in captiuitatem“, Adami Brem. Gesta, III, 21.
- „In ea [Leuticia] populosissima natio consistebat“ etc. Orderici Vitalis Historia eccl. pars II, l. IV, c. 7, acc. Migne Paris, 1855, p. 317.
- „Conuenerunt omnes [Sclau]... ut expugnarent Ranos, et fuerunt innume-

Переходя къ движенію исторіи балтійскихъ Славянъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе.

Вмѣстѣ съ началомъ положительной исторіи средневѣковой Европы ясно обозначились и условія, необходимыя для прочнаго историческаго существованія и развитія народовъ.

Это—Государство и Христіанство.

Внѣ государственнаго союза и христіанской религіи все болѣе и болѣе становилось невозможнымъ достигнуть ни внѣшней крѣпости, ни мирныхъ связей съ другими народами. Сколь бы ни были велики мужество и отвага разрозненныхъ, чуждыхъ государственнаго наряда—племенъ, они не могли выдержать борьбы съ организованными силами враждебныхъ государствъ; какими бы природными доблестями и чистыми нравами ни отличались язычники, все же они были дѣтьми погибели, отверженцами человѣчества и не могли войти въ дружественное общеніе съ христіанскими народами. Понятно, что выполненіе означенныхъ условій было обязательно для каждаго народа, желавшаго устоять среди борьбы и пользоваться выгодами мирнаго развитія. Иначе—ему предстояло неминуемое паденіе: безъ прочныхъ основъ государственнаго союза и Христіанства—жизнь его должна была истощиться въ тревогахъ дня и безсильной борьбѣ за существованіе.

Изъ славянскихъ племенъ, населявшихъ западную Европу, Чехи и Поляки во время позаботились о своемъ будущемъ: рано принявъ Христіанство и соединясь въ государственные союзы, они тѣмъ надолго обезпечили себѣ независимую исторію и выгоды безопаснаго существованія и развитія.

Иное находимъ у балтійскихъ Славянъ.

Со временъ глубокой древности славянскія племена заняли балтійское Поморье и ближайшія къ нему земли между Лабою и Вислою. Вмѣстѣ съ добрыми качествами своей природы, общественнаго и семейнаго быта, они принесли съ собою въ новое отечество и исконные, роковыя политическіе недостатки: безотчетную привязанность къ старымъ порядкамъ вообще и къ формамъ разнчнаго политическаго существованія въ особенности, привычку жить интересомъ дня безъ заботы о будущемъ и какую то врожденную антипатію къ политическому расчету и предпріятію. Эти

rabiles quasi agna maris“, *Helmoldi Chronica*, I, 38. cf. *Herborði Dialogus*, II, 5.

О степени населенности края см. также любопытныя соображенія Билова въ его соч. *Geschichtl. Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen*. Greif. 1848, p. 5—6 и Гизебрехта *Wendische Geschichten*, I, p. 14—15.

недостатки, усиленные и развитые б. м. вліянієм природнихъ условій, отозвались на ходѣ исторіи балтійскихъ Славянъ печальными послѣдствіями. Несмотря на волюющую потребность безопаснаго и прочнаго существованія, несмотря на убѣждающіе примѣры сосѣдей, они—какъ были, такъ до конца и остались въ язычествѣ, племенной розни и внутреннихъ усобицахъ, безъ дѣятельнаго сознанія шаткости своего положенія, безъ принятія мѣръ къ лучшему устройству его. Задачи времени—не были ими сознаны. Отвергнувъ Христіанство и форму государственной жизни, окруженные отовсюду врагами, балтійскіе Славяне оказались безъ кормила въ настоящемъ, безъ возможности имѣть будущее: всѣ пути къ дальнѣйшему независимому движенію въ исторіи были для нихъ закрыты. Имъ оставалось безцѣльное, исполненное смуты и тревогъ—настоящее, месть за обиды и борьба со врагомъ за дневное существованіе.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ запомнить исторія, мы—находимъ балтійскихъ Славянъ въ непрерывной борьбѣ съ сосѣдами, Нѣмцами, позднѣе—съ Датчанами и Поляками. Откуда возникла эта многовѣковая кровавая славяно-германская тяжба, что было основнымъ двигающимъ началомъ ея—указываетъ знаменитый Видундъ: „transeunt sane, говоритъ онъ, dies plurimi his [i. e. Saxonibus] pro gloria et pro magno latoque imperio, illis [i. e. Sclauis] pro libertate ac ultima seruitute certantibus“ [R. G. S. II, 20]. Для Нѣмцевъ, какъ видно, въ началѣ это былъ вопросъ политическаго властолюбія и страсти къ корыстному поработенію, для Славянъ же—вопросъ жизненнаго существованія, которое для нихъ не имѣло ни смысла, ни цѣны безъ свободы и независимости. Вотъ почему они, выражаясь словами того же историка, „nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes“ [ib.].

Завязанная борьба въ дальнѣйшемъ развитіи, усложнила и отчасти измѣнила интересы враждующихъ сторонъ. Выйдя на дорогу исторіи воспитанными среди насилій, Славяне не могли уважать свободы и спокойствія сосѣдей: они платили тѣмъ же, что получали. Набѣги и грабежи стали обычнымъ занятіемъ ихъ жизни. Какъ только затруднялись внутреннія отношенія Имперіи, какъ только въ ней оказывались смуты и ослабѣвалъ порядокъ, такъ немедленно подымались полчища Славянъ и производили свои опустошительные набѣги. Со времени паденія Франскаго государства, нѣмецкія области жили въ постоянномъ страхѣ предъ „славянскимъ неистовствомъ“. При такомъ положеніи не только затруднялись, но и становились почти невозможны прочныя успѣхи граждан-

ственности и дальнѣйшаго развитія. Да къ тому же еще — богатства земли „язычниковъ“ влекли къ невольному искушенію и возбуждали корыстные инстинкты расы... Вотъ почему „славянское неистовство“, необходимость смирить непокойную, разрушительную энергію язычниковъ, овладѣть ихъ землею — были предметомъ серьезной заботы и предпріятій нѣмецкихъ Императоровъ. Выполнить трудную задачу стремились различными путями: завоеваніемъ Славянъ, введеніемъ и распространеніемъ между ними Христіанства, наконецъ — поощреніемъ возникновенію и утверженію среди нихъ государственной власти³⁵. Мѣры оказались недѣйствительными. Мало того, онѣ только усилили „неистовство язычниковъ“. Весь результатъ завоевательныхъ предпріятій Нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ ограничивался побѣдами и грабежемъ. Славяне съ виду покорялись, обѣщали принять Христіанство, жить въ мирѣ и платить дань; но какъ скоро побѣдители возвращались домой, побѣжденные снова принимались за прежнее удалое ремесло, не стѣняясь данными обязательствами³⁶.

Покорить Славянъ завоеваніемъ было невозможно. Сама дѣятельная, покрытая лѣсами и болотами, страна ихъ и огромное протяженіе, на которомъ сидѣли они, полагали тому неборимую преграду. Можно было опустошить нѣкоторыя, открытыя и доступныя, области ихъ можно было уничтожить, примучить и увлечь въ рабство десятки и сотни тысячъ людей, но этимъ достигалось совершенно противное тому, къ чему стремились. Оправившись отъ пораженія и подкрѣпивъ себя свѣжей силой другихъ родственныхъ племенъ, Славяне снова подымались грозными мстителями за разоренную землю отцовъ, за убитыхъ или поработенныхъ близкихъ. Къ жадѣ добычи присоединялась неодолимая жажда мести.

Столь же безуспѣшны были попытки Нѣмцевъ ввести Христіанство и утвердить государственную туземную власть среди Славянъ. Не смотря на политическій консерватизмъ и привязанность къ старой языческой религіи, какими отличались балтійскіе Славяне, все же, быть можетъ, при другихъ условіяхъ эти попытки принесли бы добрые плоды, но съ ними вмѣстѣ входило столько постороннихъ своекорыстныхъ расчетовъ, столько началъ, враждебныхъ славянской жизни и разрушительныхъ для нея, что всѣ эти усилія Нѣм-

35. Нѣкоторые, какъ напр. Оттонъ II и Конрадъ приходили даже къ рѣшенію вовсе истребить родъ сѣверныхъ язычниковъ, что было въ духѣ времени и національнаго характера, но не въ духѣ благоразумія и удобоисполнимости.

36. Этимъ слѣдуетъ объяснить, почему средневѣковые лѣтописцы такъ часто называютъ Славянъ: „infideles, mutabili, perfidi, infidi“, и т. д. Helm. I 14, 25; Thietm. VI, 18. Annales Quedlinb., s. 997.

цевъ могли вызвать только ожесточенное противодѣйствіе. Поэтому — несправедливо, думаемъ, поступаютъ тѣ историки, которые противодѣйствіе Славянъ введенію Христіанства и государственной организациі объясняютъ одною привязанностью ихъ къ старымъ, исконнымъ порядкамъ жизни, однимъ духомъ политическаго и религіознаго застоя³⁷. Эти причины — были далеко не главными причинами противодѣйствія. Христіанство вносилось къ Славянамъ не въ чистомъ видѣ, а съ римско-нѣмецкою идеею политическаго порабощенія и трибута: съ Христіанствомъ и церковно-административнымъ раздѣленіемъ страны, своекорыстнымъ стремленіемъ Нѣмцевъ открывалось широкое поле для жатвы. Лѣтописцы эпохи, Адамъ бременскій и Гельмольдъ, люди въ глубинѣ души преданные нѣмецкому дѣлу и искренно убѣжденные въ законной справедливости славянскаго трибута, съ негодованіемъ говорятъ о чрезмѣрной жадности Саксовъ къ добычѣ и деньгамъ, о томъ, какъ Нѣмцы обременяли Славянъ тяжелыми налогами и данью, какъ разоряли страну и тѣснили ихъ³⁸. Понятно, почему въ умахъ Славянъ идея новой религіи неразлучно соединилась съ идеею поли-

37. Usinger: Deutsch—dänische Geschichte, B. 1863, pag. 27 sq.

38. „Bernardus dux, tam auitate humilitatis quam paternae religionis oblitus, primo quidem per auaritiam gentem Winulorum crudeliter opprimens, ad necessitatem paganismi coëgit“. Adami brem. Gesta Hamab. ecclesiae, II, c. 46. „Sed cum diuerso modo et tunc et nunc in gente Winulorum dux et episcopus laborent, duce scilicet pro tributo, pontifice uero pro augenda christianitate laborantibus, uidetur mihi iam dudum studio sacerdotum christianam religionem ibidem conualuisse, si conuersionem gentis auaricia principum non praepediret“, ib. II, 69. „Nostri cum triumpho redierunt, de christianitate nullus sermo, uictores tantum praedae intenti“, ib. III, 21. „Audiui etiam, cum ueracissimus rex Danorum sermocinando eadem replicaret, populos Sclauorum iamdudum procul dubio facile conuerti posse ad christianitatem, nisi obstitisset auaricia Saxonum: „quibus, inquit, mens pronior est ad pensionem uectigalium, quam ad conuersionem gentilium“. Nec attendunt miseri, quam magnum periculum suae cupiditatis luant, qui christianitatem in Sclauania primo per auariciam turbabant, deinde per crudelitatem subiectos ad rebellandum coegerunt, et nunc salutem eorum, qui uellent credere, pecuniam solam exigendo contempnunt“. ib. III, c. 22 cf. II, 40. „Dux Saxonum Bernardus, totus auaricia infectus, Sclauos . . tantis uectigalium pensionibus aggrauauit, ut nec memores Dei nec sacerdotibus ad quiquam essent beneuoli“, etc. . . Hel m o l d i Chronica, I, 18. „Vnde cognosci potest Saxonum insatiabilis auaritia, qui . . semper proniores sunt tributis augmentandis, quam animabus Domino conquiendis“. Ibid. I, 21. [„Dux Henricus] in uariis expeditionibus, quas adhuc adolescens in Sclauiam profectus exercuit, nulla de Christianitate fuit mentio, sed tantum de pecunia“. . . Ibid. I, 68. Cf. I, 83, 88; II, 2, 5. Saxonis Gram. Hist. ed. Müller, I, p. 814—15.

тического рабства, грабежа и мучений, почему они не только относились къ Христіанству съ упорнымъ противодѣйствіемъ, но, даже и обращенные — снова отпадали въ темное язычество и рѣшались лучше погибнуть, чѣмъ быть христіанами и платить подати Саксамъ³⁹.

Тоже должно сказать и о попыткахъ ввести и установить между Славянами — государственный нарядъ. Переходъ отъ племенной розни въ организованное государство — вообще труденъ для народа, испоконъ вѣка привыкшаго къ неограниченной свободѣ: для него яснѣе стѣснительная, враждебная сторона государственныхъ порядковъ, чѣмъ выгоды ихъ. Здѣсь же, къ тому еще, онъ видѣлъ, что вмѣстѣ съ Государствомъ вводилось и Христіанство съ неизбѣжнымъ тяжелымъ трибутомъ, и подчиненіе Нѣмцамъ, что послѣдніе покровительствовали утвержденію власти изъ корыстныхъ видовъ, „*tributis suis augmentandis*“ — какъ говоритъ Гельмольдъ⁴⁰. Правда, у нѣкоторыхъ племенъ княжеская власть устанавливается и пускается, по видимому, твердые корни, но привязанность народа

39. *Sclavi seruitutis iugum armata manu submouerunt, tantaque animi obstinatio, libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa soluere Saxonum principibus. Hanc sane contumeliam sibimet parturiuit infelix Saxonum auaritia, qui cum adhuc uirium suarum essent compotes, et crebris attollerentur uictoriis, non recognouerunt, quia Domini est bellum et ab ipso est uictoria, quin potius Sclauorum gentes, quas bellis aut pactionibus subegerant, tantis uectigalium pensionibus grauauerunt, ut diuinis legibus et principum seruituti refragari amara necessitate cogerentur*“, *Helmol di Chronica I, 26, 34.* „*Principes nostri—говорили Прибиславъ еп. Герольду—tanta seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita...*“ etc. *Ib. I, 88.*

„*Qui [Wirikindus] protestatus plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori seruitutis iugo iam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ab eo doctrine uerbum reciperet; sed prius mortis occasum quam seruitutis huiusmodi onus subire paratam esse*“. *Ebbonis Vita Ottonis III, 8.*

„*Apud christianos—говорили Поморяне—fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priuantur oculis et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis...* *Herbordi Dialogus, II, 26. Cf. грам. 1158, Meklenb. Urk.-Buch. N°. 65; Adami Brem. Gesta III, 50.*

40. „*Principes Sclauos seruare solent tributis suis augmentandis*“. *Helmol di Chronica, I, 56, cf. 65.* „*Audientes uniuersi Sclauorum populi quod surexisset inter eos princeps, qui dicat sabiacendum christianis legibus et tributa principibus soluenda, uehementer indignati sunt, conueneruntque omnes una uoluntate ut pugnarent aduersus Heinricum et statuerunt in locum eius, qui erat cristicolis oppositus omni tempore*“. *Ibidem, I, 84.*

къ старому быту, къ старой розни долго не даетъ ей возвыситься до объединяющаго государственнаго значенія; князья почти всегда возвращаются на старыи путь предводителей удалыхъ дружинъ, т. е. въ качествѣ воеводъ руководятъ набѣгомъ и добываніемъ добычи. Когда же войны съ Гейнрихомъ Львомъ и Польшею усилили и расширили кругъ дѣйствія княжеской власти, она пыталась соединить разрозненныя силы для отпора врагу, но время было упущено: враги сложились въ крѣпкія государства, о твердыню которыхъ разбивались всѣ союзныя предпріятія поздно образумившихся Славянъ.

Какъ видно, историческія обстоятельства сложились для балтійскихъ Славянъ крайне неблагоприятно. вмѣсто того, чтобы пробудить ихъ отъ безпечности и застоя, они возвели ихъ инстинктивную привязанность къ старымъ порядкамъ и язычеству до сознательной политической апатеозы, вмѣсто убѣжденія въ необходимости принятія Христіанства и образованія государственнаго союза, они въ корнѣ подорвали ихъ довѣріе къ этимъ формамъ жизни, въ условіяхъ которыхъ единственно возможно было историческое развитіе.

Исторія балтійскихъ Славянъ отсюда принимаетъ такъ сказать неисторическій характеръ: въ ней много энергическаго, иногда болѣзненнаго, движенія, но нѣтъ движенія впередъ, нѣтъ въ собственномъ смыслѣ политическихъ стремленій. Нескончаемыя домашнія усобицы, междуплеменные раздоры⁴¹, набѣги и грабежи сосѣдей и наконецъ, борьба за независимое существованіе и законы отцовъ — вотъ основныя, вѣками повторяющіяся, явленія исторіи балтійскихъ Славянъ въ періодъ ихъ политической самостоятельности.

Но пока въ этомъ безцѣльномъ броженіи совершаются судьбы ихъ, пока на это уходятъ лучшія силы племенъ, сосѣди — враги слабаются въ могучія, прочныя государства. На югѣ и западѣ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго — выступаютъ отдѣльныя средоточія мѣстныхъ силъ, отдѣльныя государства, на сѣверѣ укрѣпляется Данія, на востокѣ — Польша. Для всѣхъ ихъ — одинаково важенъ славянскій вопросъ, одинаково видна необхо-

41. Это печальное явленіе, наказывающее какъ мало балтійскіе Славяне понимали свое положеніе и необходимость дружнаго между собою союза — проходитъ чрезъ всю ихъ исторію, cf. Einhardi Vita Caroli magni c. XII, его же Annales s. 808; Widikundi Res gestae S. III, 54; Adami brem. Gesta III, 21; Helmoldi Chronica I, 21, 24, 71; II, 12; Saxonis Gram. Historia p. 838; Ebbonis Vita Ottonis, III, 5; Herborði Dialogus III, 2, 81; Arnoldi Lub. Chronicon III, 4. etc.

димость положить ему немедленное рѣшеніе. Борьба принимаетъ постоянный и ожесточенный характеръ, когда среди нея мирно водворяется нѣмецкое христіанство. Оно рѣшаетъ побѣду, не рѣшенную оружіемъ; за утвержденіемъ въ странѣ его духовныхъ полчищъ — слѣдуетъ вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ и быстрое усвоеніе чужеземныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ, а за этимъ вскорѣ и оканчивается независимая исторія истомленныхъ борьбою балтійскихъ Славянъ. Безпечное племя поплатилось за свою оплошность потерю роднаго языка и прирожденной народности.

Остановимся и сдѣлаемъ общій выводъ о вліяніи исторической жизни на бытъ и характеръ балтійскихъ Славянъ: онъ кажется, ясенъ.

Какими бы добрыми и мягкими свойствами ни отличалась природа племени, но постановленное среди такихъ тревожныхъ, раздражающихъ историческихъ обстоятельствъ, среди такой непрестанной суровой воинской обстановки, въ какихъ проходила жизнь балтійскихъ Славянъ, оно неминуемо должно загрузѣть и утратить мягкость нравовъ. Постоянная опасности существованія и несчастія ожесточаютъ и дѣлаютъ равнодушнымъ къ страданіямъ другихъ. Въ тревогахъ воинскаго быта менѣе возможно развитіе частной семейной жизни, чѣмъ общественной, менѣе имѣютъ мѣсто мирныя занятія земледѣлія, чѣмъ случайной добычи, менѣе признается способность мирнаго труда, чѣмъ способность вѣшной силы, отвага и удача... Наконецъ, при общемъ воинскомъ направленіи жизни, религія должна необходимо получить соотвѣтствующій грозный характеръ и особое развитіе. Ничто такъ не укрѣпляетъ суевѣрія, какъ неизвѣстность будущаго, невѣрность успѣха и страхъ неудачи. Отданный на произволъ судьбы язычникъ-воинъ естественно стремится найти опору въ своихъ богахъ и дѣлаетъ ихъ непосредственными участниками своихъ предпріятій; въ его бытѣ они имѣютъ несравненно болѣе дѣйствительное значеніе, чѣмъ въ прочной, подверженной незначительнымъ и мелкимъ случайностямъ, жизни мирныхъ племенъ.

Переходимъ къ образу жизни народа.

Съ той поры, какъ славянское населеніе балтійскаго Поморья становится извѣстно исторіи, оно живетъ уже въ формахъ полнаго и прочнаго осѣдлаго быта. Осѣдлая жизнь, можно думать, установилась здѣсь съ весьма давняго времени; по крайней мѣрѣ въ нравахъ, привычкахъ и наклонностяхъ народа, насколько они видны изъ источниковъ — нельзя подмѣтить никакихъ опредѣленно-явныхъ слѣдовъ или живыхъ воспоминаній кочевой, броднической жизни. Войны и шедшее за ними „бремя невыносимаго опусто-

шенія“ нерѣдко возмущали спокойствіе осѣдлаго быта, вынуждая жителей оставлять насиженные гнѣзда и искать болѣе безопасныхъ убѣжищъ⁴²; но это не было возвратомъ къ давно забытому, непосѣдному существованію номадовъ, а временнымъ волненіемъ массы или простою замѣною мѣста осѣдности. Осѣдлыя привычки народа, его инстинктивная, безпечная привязанность къ старымъ мѣстамъ были столь сильны, что, по минованіи грозы, онъ нерѣдко собирался снова къ роднымъ опаснымъ пепелищамъ и становлялъ задержанное врагомъ теченіе прежней жизни, мало заботясь о томъ, что будетъ впереди⁴³.

Простѣйшимъ и, говоря исторически—первоначальнымъ видомъ осѣдности была осѣдность сельская⁴⁴. Потому ли, что свидѣтели не имѣли случая близко ознакомиться и вникнуть въ устройство славянскихъ сельбищъ, или потому, что послѣднія не представляли на ихъ взглядъ ничего особеннаго, отличнаго отъ нѣмецкаго строя, только извѣстія ихъ о формахъ сельской осѣдности на балтійскомъ Поморьѣ ограничиваются одними голыми упоминаніями о нихъ. Свидѣтельства исторіи, зорко устремленныя на крѣпость и городъ, какъ бы пренебрегаютъ поселкомъ и деревней: они обращаютъ на нихъ вниманіе только когда рѣчь зайдетъ о поземельной собственности, владѣніи и доходахъ съ нихъ, т. е. только въ общемъ юридически-экономическомъ отношеніи.

Соединивъ немногіе намеки и показанія источниковъ, касающіеся образованія, внѣшняго устройства и формы сельской осѣдности у балтійскихъ Славянъ, приходимъ къ слѣдующимъ, достовѣрнымъ или очень вѣроятнымъ, заключеніямъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ, а также среди лѣсовъ, пушей и топкихъ болотъ — населеніе жило разрозненно, отдѣльными поселками и хуторами, въ бѣдныхъ, непрочныхъ хижинахъ⁴⁵. Такой образъ жизни прямо вытекалъ изъ тревожныхъ историческихъ обстоятель-

42. Ebonis Vita Ottonis, II, 18; III, 4; Herborði Dialogus II, 13; Helmoldi Chronica I, 83, 88; II, 5; Saxo Gram. Historia I. XIV, p. 928.

43. Herborði Dialogus II, 13, 38; Ebonis Vita Ottonis, II, 18.

44. Въ языкѣ сохранилось слово сидлейште [sideleist]; хотя оно отмѣчено въ въ значеніи собственнаго мѣстнаго имени, но нѣтъ сомнѣнія употреблялось первоначально въ общемъ нарицательномъ смыслѣ мѣста осѣдности.

45. „[cruce signati] inuenerunt [trans flumen Alba] terram inuiam et ualde aquosam paludibus plenam, habitatores non simul commorantes, sed dispersos, ut non facile inueniri possent“. Chron. P. Petershus. apud Raumer Regesta his. brand. s. an. 1147, nn. 1108, p. 189.

„nec in construendis edificiis operosi sunt [Slau]i quin potius casas de uirgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias“, Helmoldi Chron. II, 13.

ствъ времени: расточенные и запуганные вторженіями враговъ и войнами, обитатели шли и садились врознь, укрываясь по безопаснымъ, уединеннымъ и мало доступнымъ пристанищамъ и основывая тамъ свои одинокія обиталища. Чѣмъ болѣе извѣстный край подвергался тревогамъ войны, тѣмъ шире въ немъ должна была быть распространена подобная форма розничной осѣдлости. Но какъ бы ни было, однако, значительно ея распространеніе, во всякомъ случаѣ ее нельзя разсматривать, какъ господствующую норму осѣдлаго общежитія балтійскихъ Славянъ, или какъ типическое выраженіе степени бытового развитія народа: она — явленіе случайное, вынужденное частными условіями исторической жизни, но не коренной необходимый фактъ народной культуры. Источники очень рѣдко говорятъ объ этой формѣ осѣдлости: по ихъ указаніямъ господствующими родами сельскаго общежитія были села или деревни⁴⁶, т. е. болѣе или менѣе обширныя соединенія различныхъ семей или родовъ, сидящихъ на одной какой нибудь мѣстности.

Большинство селъ и деревень на балтійскомъ Поморьѣ, какъ кажется, образовалось путемъ не родового нарощенія, а дружиннаго завладѣнія, т. е. изъ частныхъ владѣній отдѣльныхъ лицъ, дружинниковъ, которые заняли свободную землю или овладѣли ею оружіемъ, и постепенно привлекли сюда насельниковъ⁴⁷. Были, впрочемъ, и сельбища родовныя, хотя съ достовѣрностью ихъ можно указать очень немного⁴⁸. Образованіе новыхъ селъ и деревень происходило также подъ вліяніемъ промышленныхъ и торговыхъ стремленій и вслѣдствіе централизаціи

46. „uillae, nīci, uiculi, ruga“; въ языкѣ: въ сь [wāa, wāaa, wessi].

47. Такую догадку мы позволяемъ себѣ сдѣлать на томъ основаніи, что въ грамотахъ и прочихъ источникахъ балтійской древности встрѣчается поразительно мало деревень и селъ съ отечными, патрониміальными окончаніями на шти, нчъ, нчи и очень много съ суффиксами притяжательными. Подобная формація сельбищъ нашла бы себѣ непременно соответствующее выраженіе въ именословѣ, какъ это мы видимъ у всѣхъ другихъ Славянъ, преимущественно же юго-западныхъ. Явленіе заслуживаетъ быть замѣченнымъ; оно, какъ увидимъ, находитъ подтвержденіе и въ фактахъ юридическаго быта.

48. Латинскія формы грамотъ очень рѣдко позволяютъ различать патрониміальные суффиксы: ишти, нчи отъ суффикса иште, ище; потому указать съ достовѣрностью родовыя селенія бываетъ очень затруднительно. Вотъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ грамотъ: Slauboriz [Cod. Pomer. dipl. N° 24, pas.], Sclatkouiz, Spasceuz, Miriuiz [ib. N° 37], Zelizlauiz [N° 55], Miroslaucece [N° 29], Sorauitz, Charnetiz, N° 60] etc...

святых и мѣсть защиты ⁴⁹. Въ XI—XII вв. села и деревни Славянъ на балтійскомъ поморьѣ представляли уже довольно развитую и устроенную форму жизни. Изъ грамотъ видно, что кругъ деревенскаго хозяйства не былъ тѣсенъ, къ нему принадлежали пастбища, охоты и рыбныя ловли, мельницы, различныя зданія, рынки съ корчмами, гдѣ производились торги и взимались пошрины, итп. Поземельная собственность деревень является опредѣленно довольно точными границами, что указываетъ на развитыя аграрныя отношенія и условія ⁵⁰. Не всѣ села и деревни имѣли значительный объемъ: большинство, конечно, состояло ихъ немногихъ дворовъ съ необходимыми службами; но существовали и сельбища обширныя, такъ можно заключать изъ показаній грамотъ, которыя довольно часто упоминаютъ объ отчужденіи въ пользу церквей и монастырей только половины или даже третьей части сель и деревень ⁵¹. Что развитіе сельской осѣдлости балтійскихъ Славянъ не было низкимъ, это видно — наконецъ, и изъ нѣкоторыхъ глухихъ упоминаній Гельмольда и Саксона Грамматика ⁵².

Если справедливо, что округлая, подковообразная форма деревень и сель составляетъ прототипъ древне-славянской сѣверной осѣдлости, отличающій ее отъ нѣмецкой, то можно думать, что она была распространена въ это время на всемъ балтійскомъ поморьѣ; по крайней мѣрѣ замѣтные остатки ея встрѣчаются не въ одномъ Люнебургѣ, но и въ Мекленбургѣ и въ Помераніи ⁵³. Отно-

49. Таковы по большей части селенія, находившіяся вблизи городовъ и крѣпостей. Каждая дарственная грамота называетъ ихъ въ большомъ количествѣ, см. напр. Codex Pomer. dipl. N° 6, 7, 16, 24, 28, 37, 60, 69, 70, 78, 88 etc.; Saxo Gram. Hist. p. 987; cf. Herborði Dialogus II, 14, 26.
50. „uillae cum appendiciis, utilitatibus, attinenciis, hoc est: areis, edificiis, mancipiis, terris cultis et incultis, pascuis, pratis, campis, exitibus et redditibus, siluis, uenationibus, aquis, aquarumque decursibus, molendinis, piscationibus, uis et inuis, cum foro, taberna et theloneo“. Вотъ общія формулы, которыми грамоты очень часто обозначаютъ собственность и имущество деревень; см. напр. грам. 1182 г. у Козегартена, Codex P. N° 50, у Клемпи на Urkundenbuch, N° 90; cf. N° 24, 26, 40, 43, 88, 86, 38, 58, 62, 77, 78, 105, 109 etc.; Meklenburgisches Urkundenbuch, I. N° 22, 81—82, 96, 111, 113, 114.
51. Codex Pomeraniae diplom. I, N° 24, 43, 56, 60, 73 etc. cf. Fabricius Urkunden, II, p. 35.
52. Helmoldi Chronica I, 14; Saxonis Gr. Historia l. XIV. p. 981, 983, 749, 763, 860, 892.
53. Jacobi: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856; Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer. B. 1859, II, p. 72; Hammerstein-Loxten: der Bardengau, Han. 1869, p. 633 sq. Вопросъ объ округлой формѣ деревень еще далеко не рѣшенъ. Сочиненіе Якоби есть трудъ эвктаста, чутьемъ, кажется, попавшаго на истину. Подковообразныя селенія

сительно назначенія подобнаго устройства — вѣроятнымъ представляется мнѣніе Якоби, что цѣлью его было доставить жителямъ безопасность въ случаѣ нападенія враговъ и дикихъ звѣрей⁵⁴.

Внутреннія усобицы и вторженія внѣшнихъ враговъ рано должны были вызвать въ населеніи страны заботу объ упроченіи своего существованія, о постоянной защитѣ. Слѣдствіемъ этого было возникновеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, крѣпостей или городковъ [castra, urbes, ciuitates], за стѣнами которыхъ, въ случаѣ вражяго нападенія, жители могли найти безопасное убѣжище. Городки возводились въ защищенныхъ самою природою мѣстностяхъ, болшею частью — на возвышенностяхъ, среди болотъ: болѣе или мѣе просторная площадь, пустая, или застроенная зданіями, обносилась округлымъ землянымъ валомъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ и бревнами. Здѣсь обыкновенно помѣщались и святилища. Въ мирное время городки оставались пусты, но во время войны или нападенія враговъ, сюда собирались и сносили свое имущество жители и, подъ покровомъ боговъ, отстаивали свое существованіе и независимость⁵⁵. Чѣмъ болѣе страна подвергалась нападеніямъ, тѣмъ болѣе бывало въ ней городковъ: уже въ X столѣтіи у Оботритовъ ихъ было 53, у Вильцовъ — 95 итд⁵⁶.

находятся и въ Чехахъ, см. Wosel: Pravek země české, P. 1868, p. 283. Находятся ли они гдѣ въ другихъ мѣстахъ, бывшихъ занятыми или занимаемыхъ Славянами, и въ какой степени, — доселѣ мало изслѣдовано. А при такомъ положеніи вопроса — преждевременно и выводить рѣшительное заключеніе объ исключительной принадлежности Славянамъ этого рода сельскаго устройства.

54. Jacobi: Slaven- und Teutschthum, p. 60 sq.

55. Въ языкѣ удержалось наименованіе подобныхъ городковъ и мѣста ихъ: гордъ [ghôrd, bgôrd, ggord, chôrd] = замокъ, укрѣпленіе и гордиште [chorteisde]. Ссылки на письменныя и археологическія извѣстія о городкахъ см. ниже, стр. 35—6, nn. 58—59.

56. Въ извѣстномъ географическомъ баварскомъ отрывкѣ 9—10 ст., „Descriptio ciuitatum et regionum“ находимъ слѣдующія извѣстія о городкахъ балтійскаго поморья: „Isti sunt qui propinquoires resident finibus Danaorum, quos uocant Nortabtrezi, ubi regio, in qua sunt ciuitates LIII. per duces suos partite. Vuilzi in qua ciuitates XCV. et regiones IIII. Linaa est populus, qui habet ciuitates VII. Prope illis resident, quos uocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent ciuitates XI. Iuxta illos sunt qui uocantur Hehfeldi qui habent ciuitates VIII. Iuxta illos est regio quae uocatur Surbi, in qua regione plures sunt, quae habent ciuitates L..“ и далѣе: „Isti sunt qui iuxta istorum [scil. Merehanorum] fines resident. Osterabtrezi in qua ciuitates plus quam C sunt Lunsizi, ciuitates XXX, Dadosesani, ciuitates XX. Milzane, ciuitates XXX. Besunzane, ciuitates II. Verizane, ciuitates X. Fraganeo, ciuitates XL.“ Слово ciuitas — едва ли здѣсь можетъ быть толковано въ другомъ смыслѣ,

Образецъ такихъ укрѣпленій представляютъ Аркона и Кореница на островѣ Руянѣ, обстоятельно описанныя Саксономъ Грамматикомъ⁵⁷. Можно полагать, что и тѣ. изв. городища, разсѣянные во множествѣ по землямъ, занятымъ Славянами — суть остатки подобныхъ религіозно-оборонительныхъ укрѣпленій⁵⁸.

Иной родъ укрѣпленій возникъ вслѣдствіе потребности обезопасить внѣшніе предѣлы страны: по границамъ земли и не вдалекѣ отъ нихъ возводились особыя крѣпости [municipia, castra, urbes, castella], снабженныя уже постоянною стражею. Сюда также, по старому обычаю, при вѣсти объ опасности — стекались съ своимъ имуществомъ окрестные жители. Кромѣ того подобныя же укрѣпленія, въ виду потребности болѣе прочной защиты — строились и внутри страны — или цѣлымъ округомъ, или князьями и другими владѣтельными лицами⁵⁹. Въ исторически извѣстное время на балтійскомъ Поморьѣ преобладаютъ послѣдніе два рода укрѣпленій; защита посредствомъ небольшихъ земляныхъ городковъ относится болѣе ко времени предшествовавшему.

чѣмъ крѣпостной городокъ, burg. см. Виггеръ, loco citato p. 123
Географическія объясненія къ именамъ племенъ—см. у Ледебура: „Die slavische Völkertafel d. St. Emmeramer Handschrift,“ въ Märkische Forschungen, II, В. 1844, p. 72—82.

57. „Munimentum [sc. Arkon] habitatore uacuum serarumque duntaxat claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humanae tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset uallatum“... Saxonis Gramm. Historia danica, lib. XIV, p. 742; устройство Арконы ib. p. 822; о Кореницѣ ibid. p. 841 sq. . . „locus pacis tempore desertus“.

58. Полезный сводъ извѣстій славянскихъ городищахъ читатель найдетъ въ книгѣ Wocel'a Pravěk země české, P. 1868, p. 388 sq. . . О лужицкихъ городищахъ отмѣтимъ любопытныя свѣдѣнія въ новомъ трудѣ Андрѣ: Wendische Wanderstudien. St. 1874, p. 98—132, ст. „Heidenschanzen und Steinwälle der Lausitz“.

59. Einhardi Ann. s. an. 808; Thietmari Chronicon I, 9; VIII, 4; Widdukindi Res gestae III, 45; Annales Hildesheim s. an. 996, 1098; Martini Galli Chronicon II, 3, 31, 44, 48; III, 1, 4, 18, 28; Herborði Dialogus II, 5, 14, 19; III, 10; Ebonis Vita Ottonis II, 5, 6; III, 23; Helmoldi Chronica I, 18, 34, 48, 56, 62, 87, 88, 92; II, 2; Kadlubkonis Chronica II, 22, 24, III, 2, 6, 14; Arnoldi Lub. III, 4; VI, 18; Saxonis Gramm. Historia, p. 766, 830, 873, 879, 884, 891, 953, 981, 984; Knytlinga Saga c. 125, 127, 129. Рисунки старыхъ укрѣпленій см. Cosegarteni Codex Pomer. diplom. I, p. 33—4 [Tab. I], 211; по литературѣ предмета должно указать слѣдующее: превосходный экскурсъ Виггера: „Wendische Burgwälle in Mecklenburg“, въ его Mecklenburgische Annalen, p. 122—127, и статьи Гизебрехта старшаго: „Die Landwehre der Pommern und der Polen zu Anfang des zwölft. Jhrhund.“. — въ Baltische Studien XI, H. 1, p. 147—190; „Das Pommersche Landwehr an der Ostsee“, ibid. XII, II, 1—29; „Die Landwehre der Luitizer und der Pommern auf beiden Seiten der Oder“,

Съ теченіемъ времени, интересы развивавшагося общежитія, промышленности и торговли произвели существенныя измѣненія въ бытовомъ устройствѣ. Городки и крѣпости, отличенныя удобствами природнаго положенія, привлекли къ себѣ постоянное населеніе, которое постепенно усаживалось вокругъ тверди или стѣнъ стараго города [castellum, arx, munitio] и, разросшись до значительнаго количества, обводило свои жилища вторичнымъ укрѣпленіемъ, валомъ, палисадомъ, ровомъ, наполненнымъ водою. Такъ образовался новый городъ или мѣсто—въ древнемъ значеніи этого слова. Слѣдующіе притоки населенія селились уже за этими стѣнами и образовывали подгородъ [suburbium, vicus], которая, смотря по торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ, получала большій или меньшій объемъ и нерѣдко также бывала обводима укрѣпленіемъ⁶⁰. Все вмѣстѣ составляло городъ — въ обширномъ значеніи этого термина [ciuitas, oppidum, urbs].

Таковъ, говоря вообще, былъ естественный ходъ образования города у сѣверо-западныхъ Славянъ. Первоначальнымъ зароды-

ibid. p. 105—117; „Luitizische Landwehre“, ibid. p. 143—188; „Die Landwehre in Pommern“, ibid. XII; I, p. 60—66; „Pommersche Landwehre östlich der Persante“, ibid. p. 67—103; „Die Burgwälle der Insel Rügen“, ibid. XII, II, 156—177; „Die Landwehre in Pommern“, ibid. p. 178—184; „Burgwälle“, ibid. XIII, II, 159—162; о городищахъ въ Мекленбургѣ можно найти много свѣдѣній въ повременникѣ: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, издающемся вмѣстѣ съ годовыми отчетами [Jahresberichte] съ 1836. См. также ст. Даниловича: „Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ“ въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, т. IV, М. 1841, стр. 173 sq., 183 sq. и предисловіе Клеммина къ книгѣ Краца: Die Städte d. Prov. Pommern, p. IX sq.

60. Исторія образованія городовъ у сѣверо-западныхъ Славянъ еще очень темна. Правильное изслѣдованіе предмета очень затруднено крайнею подвижностью и непостоянствомъ латинской терминологіи источниковъ, которые безъ различія обозначаютъ одними и тѣми словами и развитее города, и крѣпости, и городки, и укрѣпленія. Можно, конечно, ожидать многого отъ чисто археологическихъ разысканій, но до сихъ поръ — успѣхи ихъ незначительны. Лучшее, и доселѣ единственное, общее сочиненіе по внутренней исторіи славянскихъ городовъ принадлежитъ проф. Даниловичу, это: „Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія“, помѣщ. въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, изд. г. Погодинымъ, т. IV, кн. 2—3, М. 1841 p. 155—299. По исторіи поморскихъ городовъ можно указать на превосходный трудъ Kratz'a: Die Städte der Provinz Pommern, Ber. 1865, съ пред. Клеммина. Въ археологическомъ отношеніи полнаго вниманія заслуживаетъ монографія Геринга: „Beiträge zur Topographie Stettins in älterer Zeit“ въ Baltische Studien, t. X, 1 Heft, St. 1844, p. 1—86. Мѣста изъ источниковъ о городахъ балтійскихъ Славянъ указаны въ слѣдующемъ примѣчаніи.

шемъ его послужилъ военный городокъ, крѣпость, и, несмотря на всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія своего устройства, несмотря на то, что городъ становится мѣстомъ обширнаго общезжитія, промышленной и торговой дѣятельности, онъ долго удерживаетъ и значеніе оборонительной крѣпости — и еще долѣе, иногда даже до нашихъ дней, сохраняетъ въ своемъ строѣ ясныя слѣды таковаго происхожденія и былаго военного значенія.

Тагъ-какъ для образованія и развитія города не достаточно однихъ твердынь, а необходимы и выгодныя природныя условія, способныя соединить населеніе, возбудить и поощрить интересъ его промышленной и торговой предпримчивости, то понятно, почему всѣ важнѣйшіе города балтійскаго поморья сосредоточивались на сѣверѣ страны, у моря, при большихъ заливахъ, на островахъ, по теченію большихъ рѣкъ, впадающихъ въ море. Здѣсь открывался свободный путь къ иноземнымъ рынкамъ и вообще — просторъ для всякаго рода дѣятельности. Таковы были: Старьградъ — у Вагровъ; Милкильнъ — у Оботритовъ; Дыминъ, Волегощъ, Узномъ и Вольтъ [славная Юмна, Винета] — у Вильцовъ; Штетина, Камина, Колобрега и Бѣлградъ — у Поморянъ. Хотя города балтійскихъ Славянъ и не были собственно городами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли теперь понимать значеніе этого слова, а скорѣе представляли распространенную форму поселеній религіознаго, военно торговаго и промышленнаго характера, хотя сравнительно съ огромностью территоріи число ихъ можетъ показаться незначительнымъ, тѣмъ не менѣе они довольно близко удовлетворяли интересамъ общезжитія той эпохи. Нѣкоторые изъ городовъ были очень обширны, многолюдны и хорошо устроены, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ: они имѣли улицы, помосты, площади, большіе дома и всякія строенія, бывали обведены высокими земляными валами, которые укрѣплялись частоколомъ и другими деревянными сооруженіями. О крѣпости славянскихъ городовъ неоднократно свидѣтельствуютъ многіе писатели. Непобѣдимость твердынь Штетинны вошла даже въ пословицу у сосѣднихъ народовъ⁶¹.

61. Einhardi Ann. s. 789, 809; Widukindi Res gestae, I, 35, 36; II, 21; III, 45; Thietmari Chronicon I, 6; III, 9; VI, 17; VII, 15; Adami bremensis Gesta II, 12, 18, 57; III, 19, 50; Herbordi Dialogus II, 5, 24—6, 32, 84, 38; III, 1, 2, 4, 6—10, 14, 22, 24; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7—9, 12, 15, 18; III, 1—3, 5, 7, 8, 15—17, 18, 20; Martini Galli Chronicon II, 2, 22, 28, 39; Kadlubkonis Chron. II, 22; III, 2, 6; Helmoldi Chronica I, 4, 9, 14, 16, 18, 48, 65; Arnoldi Lubic.

При обилии въ странѣ—рѣкъ и озеръ сношенія между мѣстами осѣдлостей происходили главнымъ образомъ — путями водными; впрочемъ, не было недостатка и въ устроенныхъ твердыхъ дорогахъ: грамоты и другіе источники нерѣдко указываютъ такіе пути сообщенія, которые облегчались сверхъ-того многими мостами. Забота о поддержкѣ послѣднихъ, какъ увидимъ далѣе, составляла важную статью общественной администраціи ⁶².

Какъ племя осѣдлое на плодородной, богатой почвѣ, балтійскіе Славяне не могли остаться чуждыми земледѣльческимъ занятіямъ. Правда, по мѣрѣ приближенія къ положительной исторической эпохѣ, подъ вліяніемъ тревожныхъ обстоятельствъ жизни, при частыхъ опустошительныхъ вторженіяхъ враговъ внутрь страны, успѣхи земледѣлія затруднялись и слабѣли, и пахарь нерѣдко навсегда оставлялъ свои поля и становился промышленникомъ или пиратомъ ⁶³; правда, въ странѣ находилось еще много пустошей, лѣсовъ и болотъ, къ которымъ не касалась рука земледѣльца и которые впервые были воздѣланы уже нѣмецкими колонистами ⁶⁴; но тѣмъ не менѣе основное славянское населеніе было и удержалось земледѣльческимъ ⁶⁵. Страсть къ легкому приобрѣтенію добычи и промысловая дѣятельность увлекали много силъ, но еще болѣе ихъ оставалось при исконныхъ занятіяхъ земледѣліемъ. Выше [стр.

Chronica II, 4; III, 7; Saxonis Gram. Historia pp. 480, 763, 797—8, 817, 822, 881, 885, 857—8, 864; 866—7, 879, 890—2, 921—3, 985, 995; Annales Palid. s. an. 1164, 1177; Annales Hildesheim. s. an. 1110; Miracula beati Egidii apud Pertziun Monum. G. h. XII, p. 320. Объ устройствѣ городовъ см. приведенныя выше [пп. 61] сочмн. Даниловича стр. 189 эк. и Геринга р. 9—20.

Въ языкѣ, кромѣ вышеуказаннаго, гордъ — собственно замокъ, burg — употреблялось для наименованія города слово вѣка [weika, weicka].

62. Adami Brem. Gesta II, 18, 19; Thietmari Chronicon IV, 9; Herbordi Dialogus II, 21, 25; III, 2; Ebonis Vita Ottonis: II, 9; III, 20; Codex Pomeraniae diplomaticus N° 24 [Klempin's P. Urk. V, N., 45], 34 [61], 36 [62], 38 [68], 62 [110], 73 [127], 77 [103]; Mecklenburgisches Urkundenbuch I, N° 111, 223, 225 et cet. 0 мостахъ говорятъ очень многія грамоты, cf. Saxonis Gram. Historia, p. 798, 857—8, 864, 884, 924, 927. Въ языкѣ: моустъ [möst] = Dammstrasse; степзя [stácia, stazia] — степзя, дорога; понтъ [pünt, pungt, punct] — путь, дорога.

63. ... „recenti adhuc etate latrocinialis consuetudo adeo apud eos [Slauos] inualuit, ut ommissis penitus agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus... Helmoldi Chronica, II, 13. cf. ibidem, I, 56, 83; II, 5.

64. Это ясно изъ нѣмецкихъ наименованій мѣстностей, гдѣ вторая часть термина состоитъ изъ слова—hagen. См. Wigger, въ Jahrbücher d. Vereins für mekl. Geschichte, Bd. XXVIII, 1868, Schw. p. 27.

65. Einhardi Ann. s. an. 808, 809.

16—17] мы имѣли случай привести свидѣтельства Сефрида о томъ, что Поморяне воздѣлывали пшеницу, коноплю, макъ, всякія сѣмена, овощи и плодовые деревья. Въ другихъ мѣстахъ своего итинерарія тотъ же свидѣтель-очевидецъ рассказываетъ о жатвахъ [серпами], какъ объ обыкновенномъ занятіи народа, о превосходномъ пивѣ, которое, конечно, выдѣлывалось изъ ржи или ячменя⁶⁶. Изъ Хроники Гельмольда видно, что балтійскіе Славяне не только имѣли обработанныя поля и запасы хлѣба, но и считались народомъ преимущественно земледѣльческимъ: подать, взимаемая съ нихъ въ пользу правительства, состояла главнымъ образомъ въ зерновомъ хлѣбѣ и льнѣ. Тоже подтверждаютъ и грамоты⁶⁷. Наконецъ, Саксонъ Грамматигъ много разъ упоминаетъ о жатвахъ, полевыхъ работахъ и хлѣбахъ Руянъ, Лютичей и Поморянъ⁶⁸. Впрочемъ, если бы у насъ вовсе не было такихъ ясныхъ свидѣтельствъ, то достаточно и однихъ фактовъ религіозной древности балтійскихъ

66. Herborði Dialogus II, 1, 23, 41; III, 4, 29; cf. Ebonis Vita Ottonis II, 6; III, 22.

67. [Heinricus] „precept Sclauorum populo, ut coleret uir agrum suum et exereret laborem utilem“... Helmoldi Chronica I, 34; „Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam palleis excussam, aurum ... fossis abdunt“, ibid. II, 13; „Quicquid in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt“, ibid. I, 82; „Dabatur pontifici anuum de omni Wagirorum siue Obotritorum terra tributum, quod scilicet pro decima imputabatur, de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini“... Ibidem, I, 12; cf. c. 14; „Et precepit dux Sclauis, qui remanserant in terra Wagirorum, Polaborum, Obotritorum, Kicinorum, ut soluere reditus episcopales, qui soluuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est de aratro tres modios siliginis et duodecim nummos monete publice. Modius autem Sclauorum uocatur lingua eorum curitce. Porro Sclauicam aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis“... ibid. I, 12, 83, 86, 87. Cf. Saxonis Historia, lib. XIV, p. 834. Въ грамотѣ Оттона, 949 г. [Cod. P. N° 7, Mek. Urk. B. N° 15] епископству бранденбургскому опредѣляется: „tres modios tritici“; въ грамотѣ папы Иннокентія II, 1140 [Codex N° 16, Klempin N° 30] устанавливается: „de tota Pomerania usque ad Lebam fluuium de unoquoque arante duas mensuras annone“; грам. 1158 и 1174 [Meklenb. Urk. Buch, N° 65, 113]: „census Sclauorum de unco tres mensuras siliginis qui dicitur Kuriz, solidus unus, toppus lini“; грам. 1191 [ibid. N° 151]. „II magnas mensuras annone... I tritici bracti, alteram siliginis“,.. въ грамотѣ Яромара I [Cod. N° 71, Fabricius II, N° 3] 1193: modium frumenti de quolibet aratro unum eciam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus“.. О земледѣльческихъ налогахъ въ Поморьѣ см. Bilow'a: Geschitliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen. Gr. 1848. p. 6 sq. 10, 18—20.

68. Saxonis Gram. Historia, p. 748, 766, 802—3, 892, 977—8, 931—3; Knydlinga Saga c. 120. Incerti auctoris Chronica slauica c. I, apud Lindskog, Script. Fr. 1609, p. 203.

Славянъ, чтобы утвердить за ними значеніе кореннаго земледѣльческаго народа. Религія и въ этомъ отношеніи служитъ вѣрнымъ показателемъ быта и культуры. Празднества балтійскихъ Славянъ совершались въ земледѣльческія годовщины, весною—при посѣвѣ, и осенью—по сборѣ хлѣба; а существенная часть бого-служебнаго обряда состояла въ гаданіи, предвѣщаніи и мольбѣ объ успѣхѣ будущей жатвы⁶⁹.

Зерно превращалось въ муку на водныхъ или ручныхъ мельницахъ, мѣсилось и пеклось въ хлѣбы, которые нерѣдко шли за мѣтовую единицу⁷⁰.

Важную часть земледѣлія составляло огородничество и садоводство⁷¹.

Вообще, устранивъ частныя уклоненія и случайности, объясняемыя обстоятельствами исторіи, должно признать, что земледѣльческія занятія у балтійскихъ Славянъ имѣли не только широкое распространеніе, но и были главными, господствующими занятіями. Въ остаткахъ языка уцѣлѣло много старыхъ славянскихъ земледѣльческихъ терминовъ; они показываютъ, что народъ стоялъ въ этомъ отношеніи нисколько не ниже прочей европейской культуры того времени, что вопросъ о вліяніи славянскаго земледѣлія на нѣмецкій экономическій бытъ вовсе не такъ страненъ, какъ онъ кажется нѣкоторымъ ученымъ германофиламъ⁷². Балтійскимъ Славянамъ извѣстно было воздѣлываніе всѣхъ важнѣйшихъ родовъ хлѣба, огородныхъ и садовыхъ растений и всѣ способы употребленія ихъ на пользу человѣка, какіе вообще были извѣстны въ то время⁷³.

69. Herbor di Dialogus II, 14; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 3; Saxonis Gram. Hist. p. 824—5; Guillelmi Malbesbur. Gesta regum Anglorum II, 189, apud Wigger Meklenb. Annalen, p. 70.

70. „Molendina, loci molendinorum super riuos“ — очень часто упоминаются въ грамотахъ, см. Codex Pomer. diplom. N° 26, 43, 45, 52, 56, 73, 77, 107 etc.; Meklenb. Urk. Buch N° 95, 111, 151... Страннымъ поэтому представляется мнѣніе Гизебрехта, Wendische Geschichten I, pag. 18, повторяемое и многими другими, что балтійскіе Славяне знали только родъ ручныхъ мельницъ.

Печенье хлѣбы упоминаются въ грамотахъ Codex Pomer. dipl. N° 26, 43, 56, 72, 74, 96 etc.

71. Adami brem. Gesta II, 18; Herbor di Dialogus II, 1, 41, см. выше pag. 16—17, nn. 24.

72. Sprengel: „Ueber d. Einfluss der wendisch. Nation auf den Anbau des östlich. Deutschlands“ въ журн. Крузе: Deutsche Alterth. I, Heft VI, pag. 2 sq. Основательно о состояніи земледѣлія у балтійскихъ Славянъ разсуждаетъ Якоби: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856, p. 119—141.

73. В о р а т ь, в о р е н а л ь н д а, в о р е [woarat, woarad, woaróna luntj, wirrel]; [при этомъ словѣ одинъ изъ собирателей замѣчаетъ: „ist dieses Orts eine Art das Land umzuackern mit 2 Ochsen“]; р и л ь я, [rühljaa], р а т о й,

Кромѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ занятіемъ народа было рыболовство. Грамоты и другіе источники много разъ упоминаютъ о значительныхъ рыболовляхъ, находившихся по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Существованіе особыхъ поселеній рыбаковъ также указываетъ на значительность промысла. Главный родъ рыбы былъ сельдь, ловившійся преимущественно въ Ноябрь у Руяны и по заливамъ въ огромномъ количествѣ. Кромѣ него упоминаются и многіе другіе роды рыбы. Рыба приготовлялась впрогъ: солилась, вялилась и сушилась ⁷⁴.

Занятіе скотоводствомъ условливались плодородіемъ страны, ея богатыми, тучными пастбищами. Сефридъ говоритъ, что въ По-

[ratoj, rottü, rato], радъло, радълиця [radelj, radly, rotlü, radeleicia, radlaicaist, radleitzjaa], плоугъ, плоужн [plauk, plause], сіять, сііе [ssye, ssüe, syöt], барна [rõgna] = боропа; гробля [grubléi, grubloij]; роды хлѣба: янчмень [gansnum, jazmin, jansmin], жито [seiti, seito], вовевъ [wias, wubbyes, wüas, wiwäs], пресо [pressi, prusu], рожь [rasc, rassi, raäsch, raz]; пашениця [pissineiza, pesineicia, pasinaitzia, pasinaicia]; вообще — зернь [siornj]; лёнь [laang, lgán, lion]; гумно [tjeimene, geim]; жеть [setzt]; сарпъ [sarpe]; коса [koossa, dschüsa, tscüssa, tjesa], снпъ [snip, snup]; цѣпъ [zérou, tzerou, seroi], слама [schlamma, slana, slamai, slamü]; млатъ, мальница, мальникъ [mlaht, mahlneicia, malnéicia, mahlneitz, mahlник, malnic], мельница водена, вѣтарница [mahlneicia woádena, wetarneicia]; мунка [munka, mooke], сладъ [slade] = malz; печь хлѣбъ [pütz kiaube], тѣсто [dgósti], пекаръ, пекарница [peckar, peikarneicia]; хлѣбъ [theibe], скѣба = хлѣбъ [skaiayba, stjeiba, skiaube].

Относительно садоводства и огородничества: думбница [dumbeiza], вогардъ [woagard, wogaart, waggört, waugörd, wakoort] = садъ; яблоко [júblün, júbka, jaárke], грушъ, — къ, — шьва [graussey, greiswöy, grauk, grauck, chruc, gräuck], вишня [weysnói, weisnoi, woissoigna]; сливена [schleiwenoí, scheiwenoí, steiwénja]; садовина [sadoweina] — вообще зеленъ, плоды; бобъ [rab, pubay, bürou, boipey], горхъ [gorchey, ggorch, gorgoi, karg], [о податъ горохомъ см. грамоту 1218 г. Mekl. Urk. Buch. N° 242: „nouem modios pisorum“]; рѣпа [gero, gera], лукъ [lauk]; наконецъ замѣтимъ воздѣлываніе хмеля [schemigl, chimil].

74. „Piscaturae, piscationes, clausurae piscium, piscaria, capture piscium“ — упоминаются въ грамотахъ безчисленно, см. Codex Pom. N° 24, 26, 29, [uilla piscatorum] 84, 86, 43, 45, 50, 56, 60, 61, 71, 73, 88, 99, 107 et caeter. Mekl. Urk. B. N° 22, 95, 111, 135, 143, 148, 152 etc. cf. supra, pag. 16—17, свидѣтельство Сефрида; Ebonis Vita Ottonis III, 4, 17; Helmodi Chronica II, 82 [supra pag. 39, п^o 67] и II, 12: „Accidit... maximam institorum multitudinem eo [въ Руяну] conuenisse piscationis gratia. In Nouembri enim flante uehementis uento multum illic halec capitus“... Saxonis Gram. Historia p. 824, 857, 869—70 [halec e captura]. О соленыхъ рыбахъ см. Martini Galli Chronicon II, 28 in Monum. Polon. his. ed. Bielowski I, pag. 447. См. также о рыбномъ промыслѣ замѣчанія Fabricius'a Studien zur Gesch. d. wendisch. Ostseeländer, II, p. 61 sq. 73; „pisces cuiuscunque generis“.

морьѣ разводились овцы, бараны, козы, свиньи и коровы⁷⁵. Особенно же славились кони и быки. Кони составляли даже предметъ религіознаго вниманія и культа; количествомъ ихъ измѣрялась сила, богатство и могущество знатныхъ людей въ Поморьѣ⁷⁶. Быки служили главнымъ рабочимъ скотомъ и были столь замѣчательны, что уже съ довольно ранней поры бычья голова заняла почетное мѣсто на гербѣ оботритскихъ князей, а потомъ — и самаго города и области Мекленбурга⁷⁷.

О разведеніи всякаго рода домашней птицы упоминаютъ многіе источники: грамоты, еписк. Адельготъ, Гельмольдъ и термины языка⁷⁸.

Пчеловодство принадлежало также къ обыкновеннымъ занятіямъ обитателей. Изъ грамотъ видно, что при деревняхъ су-

Ales, Rumbos uel Esoces“ грам. 1178 Codex Pom. № 46; „salmo et sturio“ въ грам. 1198, № 75. Ibid. Въ языкѣ находимъ слѣдующія названія рыбъ: следъ [slid, slide] штужа [stjaucka], вунгоръ [wundjirr, wundjor].

75. Herbor di Dialogus II, 41, v. supra, pag. 16—17, nn. 24. Meklenburgisches Urkundenbuch гр. 1168, № 148; 1202, № 173; 1209, № 190; Saxonis Grammatici Historia, p. 860, 884, 922—3. Въ языкѣ: корва [korvo, korvu], яловица [juliweicia, goliweicia], волъ [woal, bola, boala, vallo], телян [tilang, tila], вовья [woitza, wūcia, wuzia, witzia, wuzja], скупъ [szub, stjip], ягнян [gojenang, gonegang], свинья [schweinja, sweinang, sweinya, schweina], вебрь [wiper], порсян- [por-sang]; жребаць, —иця, жребян- [zribac, zrebeica, zribeicia, zribang, schribang], конь [tjun, tyün], кобыла [tschüpogla]; общее наименованіе скотъ [skidt, skjöt, stjöh].

76. Herbor di Dialogus II, 33; Saxonis Gram. Hist. p. 826—7. Thietmari Chronicon VI, 17; Annales August. sub an. 1068, apud Pertz, Monum. V, 128.

„Fortitudo et potencia nobilium et capitaneorum secundum copiam uel numerum estimari solet caballorum. „Fortis inquit — et potens est ac diues ille; tot uel tot potest habere caballos“ . . . sunt autem magni et fortes equi terre illius [Pomeraniae]“, Herbor di Dialogus II, 33. Гизебрехтъ, Wendische Geschichten I, p. 16—17, считаетъ эту сильную породу коней — чужеземною, нѣмецкою. Я не вижу для этого — оснований, крайней мѣрѣ выставленное имъ никакъ не можетъ быть признано за основаніе. См. также въ отношеніи славянской культуры коня интересную, хотя нѣсколько фантастическую, ст. Бейера „Die wendische Schwerine“ въ Jhrb. der mekl. Gesells. t. XXXII, 1867, p. 58 sq.

77. Ebo nis Vita Ottonis III, 10, 21. Древнѣйшее изображеніе бычьей головы встрѣчается на печати грамоты Борвина, 1220, Meklenb. Urk. B. № 268.

78. См. supra pag. 16 „. . . mactant [Slau] diis suis hostias de bobus et ouibus“, Helmoldi Chronica I, 52; въ грамотѣ 949, Codex Pom. dipl. № 7: „duos porcellos, duas anseres, decem gallinas“, въ грам. 1158, Mek. Urk. B. № 65: „census Slauorum de unco . . . pullus unus“. Въ языкѣ: гонсь, гонска: [gons gunga, gums, ggunsgska?], курян- [tjeirang, tjaurang, tscheiran], пилъ [pagla, paila = [утка.

ществовали пасѣки и пчельники, что съ меда и воска шла извѣстная часть князю и церкви⁷⁹. Едва ли, потому, можно думать, что медъ и воскъ добывались преимущественно въ ихъ дикомъ, лѣсномъ видѣ. Медъ, сваренный и искусно приготовленный, былъ господствующимъ напиткомъ и своимъ пріятнымъ вкусомъ удивлялъ чужеземцевъ [ниже, стр. 56 пп. 116].

При обилии въ лѣсахъ дикихъ звѣрей: свиней, вепрей, оленей, дикихъ быковъ [зубровъ], медвѣдей, волковъ, лисицъ—естественно должна была существовать и охота на нихъ. Кажется, впрочемъ, что этотъ родъ занятій не получилъ особенно широкаго распространения у балтійскихъ Славянъ, не сталъ промысломъ въ собственномъ смыслѣ слова; по крайней грамоты и другіе источники не часто упоминаютъ объ охотахъ⁸⁰. Охота принадлежала къ частнымъ занятіямъ и потому не получила особаго значенія въ экономическомъ бытѣ народа.

Весьма важную вѣтвь промышленности составляло солосвареніе. Большія и малыя солосварни находились въ разныхъ мѣстахъ, у рѣки Гильды [нынѣш. Рыкъ], возлѣ Гостькова, въ странѣ Доленцовъ итд., но главнымъ мѣстомъ ихъ была Колобрега, производившая выдѣлку соли въ огромныхъ размѣрахъ. Она, кажется, снабжала этимъ необходимымъ предметомъ не только весь сѣверъ, но и Польшу и Русь⁸¹. Изъ родовъ ремесленной дѣятельности у балтійскихъ Славянъ извѣстны: тканье полотна, служившаго часто и вмѣсто денежной единицы, выдѣлка кожъ, тканье сукна, впрочемъ—довольно грубаго, ибо тонкія ткани были за-

79. „medones, decimatio mellis, mellificia, truncus apum, urne collate in uillis, urna mellis, cera de tabernis, lapis cere“, etc. См. Codex Pom. dipl. N° 7, 13, 51, 60, 61, 64, 75, 82, 89, 91, 175, 225 etc. Cf. Raumer: Regesta hist. Brandebur. B. 1886, s. an. 965, 978, 1004, 1178; Thietmari Chronicon VII, 13; Herborði Dialogus II, 1, 41, supra pag. 16—17. Guillelmus Malmesburiensis у Витгера, въ Meklenburg. Annalen, p. 70; Saxonis Hist. D. p. 824 sq. 862, 865; Даниловичъ: Историческій взглядъ на древн. образов. Славян. городовъ, I. с. p. 228 sq.; въ языкѣ: мотица [moteicia] = матка, пчела [zela, dschéla], воуль [waul], воскъ [woask, woska], медъ [mêd, medang].

80. „decimatio pellidariorum, mard et uulpinum; uenatio, aucupatio“: Codex Pomer. N° 13, 29, 50, 60, 61, 103, 225; Mekl. Urk. B. N° 22. По норвежскимъ лѣтописцамъ Чрезпѣяне платили Свантовиту ежегодно отъ рала „uulpinam pellem“, Pertz Monum. Scr. III, s. 1114. Cf. Helmoldi Chronica I, 82.

81. „sartagine, census salis de sartaginibus, salina, tugurium salis, puteus salis“ etc.: Codex Pom. dipl. N° 16, 24, 26, 29, 34, 36, 43, 50, 52, 56, 63, 73, 86, 88, 99, 107 et sq.; Meklenb. Urk. B. N° 95, 111, 114, 135, 168, 247, 550, 563; Helmoldi Chronicon I, 77. См. также соч. Hehn'a: Das Salz, B. 1873, p. 20 sq.

возня и цѣнились въ странѣ очень высоко; шитье всякаго рода платья и одежды⁸². Плотничье ремесло было довольно развито: зданія и дома — при рѣдкости дикаго камня и незнакомствѣ съ искусствомъ выжигать кирпичь — строились преимущественно изъ дерева, они иногда выводились въ два и м. б. нѣсколько этажей и бывали очень обширны; дома менѣе зажиточныхъ людей были, конечно, мазаные: основу для стѣнъ составляли наклонно вбитыя колья, промежутки которыхъ забивались соломой или паклей и замазывались глиною; кровли дѣлались изъ тростника. Гельмольдъ, правда, говоритъ, что Славяне [въ Вагріи] не заботятся о постройкѣ жилищъ своихъ и, только повинуваясь необходимости имѣть защиту отъ дождя и непогоды, сплетаютъ свои хижины изъ вѣтвей и хвороста, и потому очень мало доражать ими⁸³; но такое извѣстіе, какъ мы уже замѣчали [выше стр. 31—2], должно быть понимаемо не въ общемъ значеніи, а какъ историческая случайность, какъ слѣдствіе временной непрочности самой жизни. Гончарное производство не шло далѣе выдѣлки отъ руки на свободномъ огнѣ необходимыхъ сосудовъ: гончарный кругъ и печь были неизвѣстны. Объ обработкѣ металловъ, золота, мѣди, желѣза — можно до нѣкоторой степени заключать какъ изъ

82. Apud Ranos... quicquid in foro mercari uolueris, panno lineo comparabis". Helmoldi Chronica I, 38; Ebonis Vita Ottonis III, 1, који употреблялись между прочимъ для щитовъ: Saxonis Gram. Hist. p. 761; Herbordi Dialogus I, 36, II, 28. Грамота 1189 г. Meklenb. Urk. V. N° 148. Въ отношеніи ремесленной дѣятельности языкъ предлагаетъ слѣдующіе термины: приять, прияде [prangat, eprangat, brangde, brangdja, prodka], врьтено [writene], кундѣль [kundiglia, kundeglia]; ткать, ткачь [tackat, tocatsch, takats, tacaika, tatzecka], ерсона [krēna], човникъ, челнокъ [tzaunack], глава, главка [klawa, glawka], вунтокъ [wuntok], вортидло [worteidle]; сукно [zeickna, saukna, saucnia, saukene, sauckneh]; платно [platná, plaatna, platne]; вальня [wolné], клобучникъ, клобучня [klibauzeick, klibauznik, kliboúznia]; успа [wáusne, wausna], чръвепикъ [sriwenik, zriwenik] = сапожникъ; ягла [gagla], шидло [saidlu].

83. Herbordi Dialogus: II, 24, 31; III, 5; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 7; Saxonis Gram. Historia p. 867, 841. Мазанки до сей поры удержались у простаго народа балтійскаго поморья. Извѣстіе Гельмольда приводимъ здѣсь вполнѣ: „recenti adhuc etate latrocinalis consuetudo adeo apud eos inualuit, ut omissis penitus agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus, unicum spem et diuitiarum summam in nauibus habentes sitam. Sed nec in construendis edificiis operosi sunt, quin potius casas de uirgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias... Nec quicquam hostili patet direptioni nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam iudicant", II, 18. Въ языкѣ: изба [gasaba, jazaba], вѣжа [wisé, wisa], горница [twarneicia, dwarneic], дъверь [diwar], окно [wakenow], ворта [vórda].

существованія оружія и многихъ металлическихъ вещей домашняго обихода, такъ и изъ того, что нѣкоторыя изображенія боговъ [идолы] были изъ золота и мѣди⁸⁴. Конечно, многія вещи были не туземнаго происхожденія: художественная бронза, серебро и золото могли одинаково заходить изъ Даніи и Швеціи и съ Юга — путемъ ли торговли, или какъ добыча при войнахъ и грабежахъ; но предметы житейской необходимости, вѣроятно, производились въ самой странѣ⁸⁵.

Подобное развитіе промышленной дѣятельности едвали было возможно безъ поощрительнаго вліянія торговли. Къ ней вызывало уже одно срединное географическое положеніе страны, соединявшей сѣверъ и востокъ съ западомъ и югомъ, богатой морскими и рѣчными судоходными путями сообщенія. Торговля балтійскихъ Славянъ, можно полагать — началась очень рано. Древнѣйшія свидѣтельства о ней представляютъ арабскія диргеми VIII—XI, находимыя въ большомъ количествѣ на балтійскомъ поморьѣ и по ближнимъ островамъ. Конечно, отсюда будетъ слишкомъ смѣло заключать, что балтійскіе купцы непосредственно торговали съ мусульманскимъ востокомъ, или что мусульманскіе торговцы сами заходили въ прибалтійскія страны [послѣднее, впрочемъ — не невозможно]; но фактъ развитыхъ торговыхъ сношеній Славянъ съ русскимъ востокомъ [и сѣверомъ?], гдѣ арабская монета долгое время была единственнымъ родомъ денегъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію⁸⁶. Въ началѣ IX в. торговля бал-

84. О состояніи гончарнаго искусства Славянъ можно заключать изъ археологическихъ раскопокъ, см. ст. Липша: „Über die Graburnen der Kegelgräber“ въ *Jhrbüch. f. meklenb. Gesch.* t. XI, 1846, p. 353 sq. „Die Graburnen der Wendenkirchhöfe“, *Ibid.* t. XII, 1847, p. 421 sq., *Adami brem. Gesta* II, 18; *Widukindi Res Gestae* III, 68; *Ebonis Vita Ottonis* II, 13; III, 1, 10; *Saxonis Gram. Hist.* p. 823—4.

85. Археологическія отношенія Даніи и Швеціи къ балтійскимъ Славянамъ — вопросъ еще нетронутый въ наукѣ, по крайней мѣрѣ — намъ неизвѣстно никакого особаго труда по этому предмету. А между тѣмъ — вопросъ очень важенъ для опредѣленія степени самостоятельности славянской культуры. Что обработка желѣза существовала у балтійскихъ Славянъ, это можно было бы заключать, между прочимъ, изъ грамоты 1136, *Codex Rom.* N° 13, въ которой упоминается „*decimatio ferri*“, если бы существовало ручательство, что грамота составлена по дѣйствительности, а не по готовому напечатаемому формуляру.

Въ языкѣ уцѣлѣли слѣдующія старыя наименованія металловъ: золото [zlata], серебро [zrebrj, srebrj', zrebri], желѣзо [siljosi, zilgosi, silosub, vilgosi], олово [algof].

86. Древнѣйшій періодъ балтійской торговли на основаніи найденныхъ въ прибалтійскѣхъ монетъ и нѣкоторыхъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей разсматривали: *Rasmussen: De Orientis commercio cum Russia et Scandina-*

тійскихъ Славянъ съ западомъ была настолькоъ значительна, что Карль Великій счелъ необходимымъ сдѣлать о ней государственное постановленіе⁸⁷. Эйнгардъ передаетъ, что Оботриты уже тогда имѣли на берегу моря особый торговый портъ⁸⁸. XI в. былъ, кажется, самымъ цвѣтущимъ временемъ балтійской торговли. Средоточіемъ ея является городъ Волынь. Слѣдуя рассказамъ людей бывалыхъ, купцовъ — Адамъ бременскій передаетъ, что объ этомъ знаменитомъ городѣ [Jumne, Julin] ходитъ сильная, едва вѣроятная молва, будто онъ болѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Европѣ и обитаемъ Славянами, Греками [Русскими] и варварами. Саксонскіе пришельцы также пользуются равнымъ правомъ сожительства подъ условіемъ не обнаруживать своего христіанства. Городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, всѣ пріятное и рѣдкое тамъ находится. Отсюда, суда въ короткій срокъ ходятъ въ Дыминъ, къ устью Пѣны, а также и къ Руянамъ; отъ нихъ въ Семландію, находящуюся въ обладаніи Пруссомъ. Сухимъ путемъ отъ Гамбурга или Лабы къ Волыню приходишь на седьмой день, а морскимъ путемъ отсюда доходишь къ Шлезвигу и Альденбургу [Старьграду] и, подъ парусами, на четырнадцатый день достигаешь Острогарда на Руси⁸⁹. Допустивъ, что извѣстіе Адама объ огром-

uia medio aeuo, Haun. 1825; Bohlen: „Ueber den wissenschaft. Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen“ въ Archiv oder Preuss. Provinzialblätter Bd. XIV, 1835, pag. 318—28, 427—42. [переп. также въ histor. litter. Abhand. der kön. deutsch. Königsber. Gesellsch. t. IV, 1836, p. 3—56]; Ledebur: Ueber die in d. baltisch. Ländern in der Erde gefund. Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient. . ., В. 1840, p. 44, 70; основательнѣе же всѣхъ В. В. Григорьевымъ въ ст. „О купеческихъ монетахъ VIII, IX, X, и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ“ въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей т. I, 1844, p. 126 sq, 147, 157 sq. и Савельевымъ въ его соч. Мухамеданская Нумизматика въ отношеній русской исторіи, Спб 1847. Здѣсь, стр. 55 sq. передано сочин. Ледебура съ замѣчательными дополненіями и объясненіями.

87. Въ капитуляріи Карла Великаго, 805—6 г.: „De negotiatoribus qui partibus Sclanorum . . pergunt, quousque procedere cum suis negotiis debeant, id est partibus Saxoniae usque ad Bardaenovic, ubi praenideat Hredi, et ad Schezla, ubi Madalgaudus praenideat; et ad Magedoburg praenideat Aito . . Et ut arma et brunias non ducant ad uenundandum“... Pertz, Monumenta Leges, I, 133.
88. „Godefridus . . priusquam reuerteretur [изъ земли Оботритовъ] destructo emporio, quod in Oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur, et magnam regno illius commoditatem uectigalium persolutione praestabat, translatisque inde negotiatoribus . . . ad portum Sliesthorp uenit.“ Einhardi Annales Laurish. sub. anno 808.
89. „Vltra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit, ditissimus amnis Sclauaniae regionis. In cuius ostio, qua Scyticas alluit pa-

ности Волына — преувеличено, все же изъ приведенныхъ мѣстъ открывається и становится несомнѣннымъ существованіе обширной внѣшней торговли поморскихъ Славянъ, простиравшейся далеко на востокъ и западъ. Опустошенія Гейнриха Льва въ странѣ Оботритовъ, Болеслава Кривоустаго и Вальдемара I въ Помераніи и Руянѣ нанесли чувствительный ударъ этой цвѣтущей торговой дѣятельности, и хотя Отгонъ бамбергскій [1123—27] еще засталъ бодрое ея продолженіе, хотя и грамоты XII—XIII неоднократно говорятъ о ней⁹⁰, тѣмъ не менѣе съ этого времени постепеннаго пониженія и упадка славянской жизни на балтійскомъ поморьѣ начинается и постепенный упадокъ славянской торговли. Она возрождается, но уже въ чужихъ формахъ, на пользу и преуспѣяніе чуждой національности, чужаго просвѣщенія. Предметами внѣшней торговли балтійскихъ Славянъ служили столько же и свои, туземныя произведенія, сколько и завозныя. Последнія, франкскіе и саксонскіе товары, не только покупались для собственнаго употребленія, но и перепродавались, кажется, далѣе на сѣверъ и востокъ⁹¹; а пушной товаръ, шедшій изъ Руси, Литвы и Пруссовъ, передавался на западъ⁹². Изъ домашнихъ продуктовъ вывозились

Indes, nobilissima ciuitas Iumne celeberrimam praestat stacionem barbaris et Graecis, qui sunt in circuito. De cuius praesonio urbis, quia magna quaedam et uix credibilia recitantur, uolupte arbitror pauca inserere digna relatu. Est sane maxima omnium quas Europa claudit ciuitatum, quam incolunt Sclauui, cum aliis gentibus, Graecis et barbaris. Nam et aduenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen christianitatis titulum ibi morantes non publicauerint... Vrbs illa mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nichil non habet iocundi aut rari.. Ab illa ciuitate breui remigio traicitur, hinc ad Dyminem urbem, quae sita est in hostio Peanis fluiuii, ubi et Runi habitant; inde ad Semland prouinciam, quam possident Pruzi. Iter eiusmodi est, ut ab Hammaburg uel ab Albia flumine septimo die peruenias ad Iumne ciuitatem per terram; nam per mare nauim ingrederis ab Sliaswig uel Aldinburg, ut peruenias ad Iumne. Ab ipsa urbe tendens quartodecimo die ascendes ad Ostrogard Ruzziae. Adami brem. Gesta II, 19. „Ad quam stationem [Bircam in Sueonia] solent omnes.. Sclauorum naues.. pro diuersis commerciorum necessitatibus solempniter conuenire“, ibidem I, 62, cf., III, 57.

90. Herbor di Dialogus, II, 39, 40; Ebonis Vita Ottonis, II, 15; cf. Helmoldi Chronica I, 76, 83; Codex Pom. dipl. N° 56, 65. Основательное изложеніе исторіи балтійской торговли можно найти въ популярной книгѣ Falkе: Die Geschichte des deutschen Handels I, L. 1859, p. 45 sq. 87 sq.

91. Не ради же домашняго потребленія Волынь былъ „mercibus omnium septentrionalium nationum locuples“. Изъ Шлезвига нѣмецкіе корабли ходили и „in Sclauaniam“, Adami brem. Gesta IV, 1.

92. „Semi uel Pruzzi pellibus habundant, quarum odor letiferum nostro orbi propinavit superbiae uenenum. Et illi quidem ut stercora haec habent ad nostram credo dampnationem, qui per fas et nefas ad uestem anhelamus

полотно, рыба, соль, хлѣбъ, дѣсь и — можетъ быть — янтарь⁹³; но особенно сильно была распространена торговля челядью, рабами⁹⁴. Внутренняя торговля шла также очень дѣятельно: города и важнѣйшія селенія имѣли рынки, на которые въ урочное время собирався изъ окрестныхъ мѣстъ народъ для купли и продажи. Судя по тому, какое видное мѣсто занимали эти торги въ финансовой администраціи страны и княжскихъ доходахъ, можно полагать, что они были не незначительны⁹⁵. Домашняя торговля въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно — была мѣновая. Выше [стр. 43, пп. 82] мы указали мѣсто изъ Хроники Гельмольда объ употребленіи въ Руянѣ холста вмѣсто денегъ. Простой народъ, дѣйствительно, могъ во многомъ обходиться этою и подобными единицами цѣнности, но торговля предпріятія требовали звонкой монеты. Денегъ своего, туземнаго чекана балтійскіе Славяне не имѣли и пользовались чужеземными, сначала арабскими диргемами, потомъ

*marturinam, quasi ad summam beatitudinem. Itaque pro laneis indumentis quae nos dicimus faldones, illi oferunt tam preciosos martures*⁹⁶. *Adami Vrem. Gesta* IV, 18; cf. то же о Шведахъ, *Ibidem* IV. 21.

93. *Cod. Rom. dipl. N° 99*; о вывозной торговлѣ хлѣбомъ упоминается въ грамотѣ 1258, *Codex Rom. dipl. N° 488*; о торговлѣ дѣсомъ *Mekl. Urk. V. 1188, N° 149*. Торговля янтаремъ не засвидѣтельствована источниками прямо, но предполагать существованіе ея — вполне умѣстно. Мартинъ Галль, *Chronicon* II, 28, упоминаетъ о „богатствахъ моря“, *diuitiae marinae, награвленныхъ въ Колобрегѣ воинами Болеслава, Bielowski: Monumenta Poloniae histor. I, p. 447*. Едва ли это могло быть что иное, кромѣ янтаря или товаровъ, шедшихъ изъ за моря.
94. [Otto] „*monuit [Stetinenses] ut omnes christianos nec uenderent, nec interficerent*..“ *Herbordi Dialogus* II, 33; [relique Sclauorum Obotritorum] „*congregatim ad Pomeranos siue ad Danos fugere cogentur, quos illi nichil miserantes Polanis, Sorabis atque Boemis uendiderunt*“, *Helmoldi Chronica*, II, 5; „*Audiui a referentibus, quod Mikelenburg die fori de captiuitate Danorum septingente numerate sint anime, omnes uenales, si sufficissent emptores*“, *Ibidem* II, 13. Cf. извѣстіе Мартина Галля о томъ, что Поморяне продавали польскихъ плѣнныхъ варварамъ, *Chronicon* II, 35, у Бѣдѣвскаго въ *Monumenta etc. I, p. 451.*, *Vita Anskarii c. 15, 36, ap. Pertz, Mon. II, 700, 720; Thietmari Chronicon VI, 21.*
95. „*nos [проповѣдники бамбергскіе] bis in ebdomada, in diebus sc. mercatus, per medium fori, populo ex omni prouincia conueniente, crucem portauimus*“, *Herbordi Dialogus*, II, 26; „*sacerdos... mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur*“.. etc.; *ibidem* III, 4; „*die dominica conuenit uniuersus populus ad forum Lubicense*“, *Helmoldi Chronica* I, 83; „*quo [Aldenburg] omnis terra die dominica, propter mercatum conuenire solebat*“, *ibid. I, 69*; cf. I, 94; II, 13, см. пред. выноску. Упомянутія о внутреннихъ торгахъ въ грамотахъ многочисленны, см. *Codex Pomer. diplom. N° 16, 24, 26, 43, 45, 50, 52, 53, 63, 73, 107 etc. Mekl. Urk. Buch N° 95*. О финансовомъ значеніи торговъ мы

монетою саксонскою [бардевикскою и др.] и польскою⁹⁶; большого недостатка въ монетѣ, кажется, не было: грамоты, вмѣстѣ съ натуральными повинностями — нерѣдко называютъ и повинности денежные; другіе источники, по разнымъ поводамъ, свидѣтельствуютъ, что деньги въ странѣ вовсе не были рѣдкостью⁹⁷. Цѣнность золотой и серебряной монеты въ болѣе древнее время опредѣлялась по вѣсу, что было весьма естественно при совмѣстномъ обращеніи денегъ разнородныхъ системъ⁹⁸.

Географическое положеніе Славянъ у моря и торговая предприимчивость рано сдружили ихъ съ опасностями мореходной жизни и образовали изъ нихъ отважныхъ пловцовъ. Они имѣли многочисленный флотъ, состоявшій изъ большихъ и малыхъ кораблей, легкихъ на ходу и нерѣдко носившихъ значительное количество товаровъ, пѣшихъ и конныхъ людей⁹⁹. Какъ далеко ходили Славяне по морю — сказать съ опредѣлительною точностью трудно; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что съ одной стороны они бывали въ

распространился ниже. См., впрочемъ — Д а н и л о в и ч а : „Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ“, loco citato, p. 239 яд.

96. См. выше, стр. 45, nota 86; „[Slavi fatebant] ciuitati Corbeiae . . . annuatim se debere . . . bis terdena nomismata Bardenwicensis monetae simillima uel propria“, etc., *Annales Corbeien. s. an. 1114*, ap. Pertz, *Monum. G. hist. Scrip.* III; бамбергскимъ миссіонеромъ, отправлявшимся въ Поморье, Болеславъ „monetam illius terre [sc. Poloniae] liberalitate contulit ingenua“, *Herbordi Dialogus* II, 9; „denarii poloniensis monete“ упоминаются въ поморскихъ грамотахъ, какъ единица данн, см. *Codex Pomer. dipl. N° 24*.
97. *Codex Pomer. dipl. N° 8*; 9, 10, 16, 24, 26, 34, 36, 40, 43, 45, 52, 53, 56 etc. *Vita Anskarii* c. 19, ap. Pertz *Mon. II*, 703; *Adami brem. Gesta* III, 21; *Annales Hildesh. s. an. 1036*; *Herbordi Dialogus*, II, 30, 41; III, 2; *Ebonis Vita Ottonis*, III, 9, 12, 13; *Helmoldi Chronica* I, 12, 14, 18, 21, 38, 71, 83, 87; *Saxonis Grammatici Historia*, lib. XIV, p. 804, 817, 825, 834, 893; lib. XVI, p. 928, 987 etc.
98. Этимиъ объясняется, почему нерѣдко находятся монеты разрыванныя, см. *Giesebrecht: Wendische Geschichten* I, p. 33 и В. В. Григорьева ст. „о куваческихъ монетахъ“, loco citato, p. 154—6.
99. *Ebonis Vita Ottonis*, III, 5; *Helmoldi Chronica* I, 36, 63, 64, 86; II, 13; *Saxonis Gram. Historia*, lib. XIV, p. 704: „Sclauorum expeditio inusitatae multitudinis classe“; p. 729: „eadem nox Sclauos, ad Hallandiam mille quingentarum nauium classe appulsos, naufragio obruit“; 739: „aduersus infinitam Sclauorum classem“; 830: *Kazimarus claudendi amnis gratia* quinquaginta nauium classem eius principio obiicebat“; 872: „a Sclauis aduersum Daniam ingentem classem esse contractam“; cf. lib. XVI, p. 677, 860—1, 879, 969, 976—7; „*Burizlaus sexcentes naues habens*“, *Knytl. Saga* c. 128; „*Rettibur Vindorum rex . . . adduxit trecentas liburnas uendicas, quarum singulae quadragenos quaternos uiros binosque equos uehebant*“, *Historia Haraldii Gilii et Magni Caeci* c. 11, in *Scr. hist. Island. VII*.

русскомъ Новгородѣ, съ другой — въ Англии и Нидерландахъ¹⁰⁰. Подъ увлекающимъ вліаніемъ бурнаго движенія скандинавской жизни, подъ давленіемъ разбойничьей опустошительной политики западныхъ сосѣдей, удалые разбѣзды Славянъ по морю получили и не мирное направленіе: въ народѣ развились страсти пиратовъ. Приобрѣтеніе добычи посредствомъ разбоя и грабежа стало для многихъ ремесломъ или обыкновеннымъ занятіемъ, которое тѣмъ болѣе уважалось, что съ нимъ соединялась не только личная отвага и доблесть, но нерѣдко и высшія, національныя и религіозныя цѣли: обязанность отмстить за обиду и почтить божество принесеніемъ ему богатой жертвы изъ добычи. Чѣмъ обстоятельнѣе источники входятъ въ изображеніе событій исторіи балтійскихъ Славянъ, тѣмъ чаще слышится голосъ ихъ объ этомъ грозномъ направленіи народной дѣятельности. Адамъ брем. передаетъ, что въ его время острова Фембра и Руяна были полны пиратами и свирѣпѣйшими разбойниками, которые никому не давали пощады изъ проходящихъ: другіе обыкновенно продавали плѣнниковъ, а они убивали ихъ; жизнеописатели еп. Оттона, Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ, монахъ Теодорихъ и др. много разъ говорятъ о пиратскихъ экспедиціяхъ и опустошительныхъ разбояхъ, каковымъ въ особенности подвергалась отъ Славянъ Данія и принадлежавшіе ей острова¹⁰¹. Тѣснимые отовсюду врагами, не находя спокойнаго

100. Šafařík *Slewanské starožitn. ed. princ.*, 1837, p. 887 sq.; Гильєрддингъ: *Исторія балтійскихъ Славянъ* М. 1855, p. 66 sq.

101. „*Ambae hae insulae [Фембра и Руяна] pyratibus et cruentissimis latronibus plene sunt et qui nemini parcant ex transeuntibus. Omnes enim, quos alii uendere solent, illi occidunt*“, *Adami brem. Gesta III*, 18; „*Gens ista [Pomerani], terra marique bellare perita, spoliis et raptu uiuere consueta*“, *Herbordi Dialogus II*, 1; „*hic ciuis Stetinensis [Wirtschachus] . . . frequenter in prouinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat*“, *Ebonis Vita Ottonis III*, 2; cf. *Ibidem III*, 13; „*omne hoc hominum genus [Winulorum populi], . . . piraticas exercentes predas, ex una parte Danis, ex altera Saxonibus infestum*“. *Helmodi Chronica I*, 2; „*fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens oculi, uexans regionum adiacentia terra marique*“, *ibid. I*, 52; cf. *ibidem I*, 67; „*agebant [Sclau] piraticas incursationes in terram Danorum*“, *ibid. I*, 68; „*erat illic [iuxta flumen Crempine] pyratum familiare latibulum*“ . . . „*ecclesie in terra Polaborum . . . predas Sclauorum necdum inhibere poterant, siquidem adhuc mare transfretabant et uastabant terram Danorum, necdum recesserant a peccatis patrum suorum*“, *ibid. I*, 88; „*rogauit rex [Danorum Waldemar] ducem [Heinricum] ut faceret sibi pacem de Sclauis, qui sine intermissione uastabant regnum eius*“, *ibid. I*, 86; въ 1168 году Гейнрихъ, разсерженный отъязомъ Вальдемара въ дани, призвалъ славянскихъ князей и „*mandauit, ut ultionem facerent de Danis. Vocati sunt et dixerunt: assumus, et obaudierunt ei cum letitia qui misit illos. Et amoti sunt uectes et ostia quibus iam*

угла въ землѣ отцовъ, Славяне бросались на море и въ разгульной жизни пирата, въ разбоѣ и грабежѣ стремились найти удовлетвореніе подавленныхъ потребностей и правъ жизни¹⁰². Добрая природа племени отдалась страсти и исказилась: не одна Данія, не одни враги-чужеземцы, въ отношеніи которыхъ всякій грабежъ и разбой могъ быть названъ только справедливымъ возмездіемъ, чувствовали тяжелую ругу „славянскаго неистовства“: страсть грабежа, повальная болѣзнь добычи нерѣдко приводила въ забвеніе и естественныя узы народности, одна часть племени ополчалась на

pridem conclusum erat mare, et erumpebat uadens et inundans et intentans excidium multis Danorum insulis et regionibus maritimis. Et instaurate sunt predonum naues, et occupauerunt in terra Danorum insulas opulentas, et saturati sunt Sclauī post diutinam inedia diuitiis Danorum incrassati inquam sunt, impingnati sunt, dilatati sunt“, *ibidem*, II, 18. Выписывать извѣстія Саксона Грамматика о пиратскихъ грабежахъ, Славянъ — не находимъ возможнымъ: ими полна вся XIV книга его „Исторія“; вотъ голыя указанія, стр.: 664, 676, 687, 704, 736, 789, 741, 800, 813, 844 sq., 848 sq., 854, 871 sq., 874, 889—90, 920, 977 etc. Укажемъ здѣсь одно малоизвѣстное, но очень важное свидѣтельство невѣдомаго автора [по всему вѣроятію — датчанина XII—XIII в.]: „Pomerani Sclauī est gens indomita. pugnaх et praeda uiuens et danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyraticeo apparatu predas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et iudicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc poganzant uicinisque gentibus pacem non metentes“.. etc. у *Maciejowskiego*: *Historja prawodawstw Słowiańskich*, t. VI, W. 1858, p. 390—1. Сравни еще: *Widukindi Res gestae* II, 20. *Thietmari Chronicon* III, 10; *Annales Hildesh.* s. an. 993, 995, 997; cf. *Wigger*, p. 51, *Annales Quedlinb.* s. an. 997; *Theodoricus monachus: De regibus uetustis noruagie* C. XXIV, apud *Langebek, Scriptores* V, p. 332; *Adami Brem. Gesta* II, 40—1; III, 25; *Martini Galli Chronicon* I, 25; II, 33, 49, *Kadlubkonis Chronicon* II, 26; III, 8; *Helmoldi Chronica* I, 14, 34, 35, 53, 65; II 11, 12, 14.

102. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова князя Прибыслава, сказанныя имъ еписк. Герольду въ отвѣтъ на увѣщаніе принять христіанство: „qualiter ingrediemur hanc uiam, tantis malis irretiti?.. Principes enim nostri tanta seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita. Ecce hoc anno nos, habitatores breuissimi anguli huius, has mille marcas duci persoluimus, porro comiti tot centenaria, et necdum euicimus, sed cotidie emungimur et premimur usque ad exinanitionem. Quomodo ergo uacabimus huic religioni noue, et edificemus ecclesias, et percipiamus baptismum, quibus cotidiana indicitur fuga? Si tamen locus esset quo diffugere possemus. Transeuntibus enim Trabenam, ecce similis calamitas illic est, uenientibus ad Penem fluium, nichilominus adest. Quid igitur restat, quam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut que culpa nostra, si pulsī patria, turbauerimus mare, et acciperimus uaticum [т. е. добычу] a Danis siue insistoribus, qui mare remigant? Nonne principum erit hec noxa, qui nos propellunt“. *Helmoldi Chronica* I, 88.

4*

другую, грабила и работила ее, и сама, въ своей чередѣ, подвергалась той же участи: западные Лютичи грабили восточныхъ и Оботритовъ, Поморяне — Лютичей, Штетинцы — прочихъ Поморянъ¹⁰³ итд. Корыстный эгоизмъ рушилъ основы, на которыхъ коренилась жизнь племени. Война принадлежала къ тому же удалому ремеслу, какъ и разбой: каковы бы ни бывали первыя побужденія ея, она предпринималась и велась главнымъ образомъ ради добычи и, при счастливомъ исходѣ — всегда заканчивалась грабежомъ и раздѣломъ награбленнаго между участниками¹⁰⁴. Войско состояло преимущественно изъ пѣхоты, конница сравнительно была немногочисленна; ее составляли, какъ кажется, дружины князей и богатыхъ воеводъ. Постояннымъ, можно думать, былъ только послѣдній родъ войска, пѣхота же собиралась, подобно русскимъ войскамъ, на данный случай изъ народонаселенія, способнаго владѣть оружіемъ¹⁰⁵. Выходя на войну, балтійскіе Славяне обыкновенно бывали легко вооружены. Вслѣдствіе ли дѣйствовавшаго запрещенія Карла Великаго ввозить къ нимъ брони [см. выше, стр. 46 прим. 87], или по иной причинѣ, славянскіе воины рѣдко употребляли тяжелыя доспѣхи; каждый конникъ — по словамъ Сегрида — сражался безъ щитоносца, носилъ плащъ и щитъ, и довольно ловко и бодро исполнялъ свои воинскія обязанности. Вооруженіе состояло въ сѣкирахъ, мечахъ, ножахъ, коньяхъ [метательныхъ] и лукахъ; щиты были кожаные. Войска имѣли военныя трубы, значки и цвѣтныя знамена, на которыхъ иногда

¹⁰³ Einhardi Vita Caroli M. c. 12; Ebonis Vita Ottonis, III, 3, 5, 23; Herborði Dialogus III, 2; Helmoldi Chronica I, 14, 37; cf. supra, pag. 29, nn. 41.

¹⁰⁴ „Ad vesperum dux [Wortizlaus] multa onustus preda cum suis omnibus reuertitur. Nobis [sc. predicatoribus] inspicientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeri, cum ad diuersos dominos pro ratione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant“. Herborði Dialogus III, 2; „uictores [Rani] aurum et argentum in erarium Dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur“, Helmoldi Chronica I, 36.

¹⁰⁵ „... barbari non plures habent equites, peditum uero innumerabilem multitudinem“, Widukindi Res Gestae I, 36; cf. ibid III, 54; Thietmari Chronicon III, 11; Ebonis Vita Ottonis, III, 5; Herborði Dialogus, II, 11, 21, 28; Martini Galli Chronicon III, 1, у Вѣдѣвскаго въ Monumenta Poloniae I, p. 464; Helmoldi Chronica I, 36, 68, 92; II, 34; Saxonis Gram. Historia, p. 705, 861, 974; о томъ, какъ собирались войска видно изъ словесія Болеслава съ Поморянами, Herborði Dialogus II, 80, и изъ многихъ грамотъ, см. ниже, въ отдѣлѣ „повинностей народа“; cf. Annales Corbeiensis s. an. 1114.

изображались грозныя божества¹⁰⁶. Хотя источники и говорят о некоторой опытности Славянъ въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе — военное искусство стояло у нихъ гораздо ниже, чѣмъ у ихъ сосѣдей: оно не имѣло никакой организаціи. Обыкновенная тактика ихъ заключалась въ военныхъ хитростяхъ: они любили засады и неожиданныя, мгновенныя нападенія, преимущественно въ ночное время. Дѣйствуя по большей части толпой, въ разсыпную, они бросались на враговъ то спереди, то сзади, то съ крыльевъ, предавались притворному бѣгству, отступали, стараясь разъединить силы противника, и снова возвращались въ бой. Въ открытой борьбѣ они не могли долго и устойчиво держаться¹⁰⁷, — и потому-то Саксонъ Грамматикъ называетъ ихъ нападенія — сильными болѣе видомъ, чѣмъ дѣломъ¹⁰⁸. Такой образъ веденія битвы — очень не далеко отъ военнаго искусства первобытныхъ временъ и близко

106. „Caeteri ex eadem cohorte [Sclauorum] corpus clypeolis tecti, praelongis ensibus aeriue coloris parmulis utebantur, quas belli tempore aut in tergum repellentes aut impedimentorum gerulis dantes, abiectis pectorum munimentis expositisque ad discrimen omne corporibus, districtis Martem mucronibus intenderunt“.. Saxonis Gram. Histor. lib. VIII, pag. 379. Саксонъ взялъ свое извѣстіе, несомнѣнно — изъ саги; при этомъ издатель [П. Е. Мюллеръ] замѣчаетъ, что и исландская сага [Sögubrot] согласуется съ Саксономъ въ описаніи славянскаго вооруженія.

„Vnusquisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strenue sic militie sue officium exequens“, Herbor di Dialogus, II, 23; Hel moldi Chronica I, 34; Saxonis Gram. Historia p. 705; впрочемъ вожди носили и панцири и шлемы, см. Historia Magni Boni c. 38 въ собр. Scr. hist. Island. t. VI; Hel moldi Chronica I, 87; божества въ Петрѣ были „galeis atque loriceis terribiliter uestiti“, Thietmari Chronicon VI, 17. О вооруженіи см. Adami brem. Gesta. II, 18; III, 50. Herbor di Dialogus, II, 11, 24, 31—33; III, 5, 16—18, 22; Ebonis Vita Ottonis, II, 7; III 1, 4, 15, 16, 18, 19; Saxonis Gram. Historia p. 705, 751, 762, 803, 823—4, 827, 840—1, 858, 885, 924, 927, 977, 979, 980; Knytl. Saga c. 76; Vita Altmanni c. 1, in Pertzii Monum. XII. О знаменахъ, знакахъ и трубахъ, см. Thietmari Chronicon III, 11; VI, 17; VII, 47; Brunonis Epistola ad Heinricum II, apud Wigger-Meklenburg. Annalen, p. 56; Ebonis Vita Ottonis III, 3; Hel moldi Chronica, I, 38; Saxonis Gram. Historia p. 880 sq.

107. Orderici Vitalii hist. ecclesiast. Pars II, lib. IV, c. 7, ed. Migne p. 317; Herbor di Dialogus II, 1; Widukindi Res gestae, I, 86; Thietmari Chronicon IV, 25; Adami brem. Gesta, III, 25; Hel moldi Chronica, I 35, 87, 92; II, 8, 13 [„Sclaui clandestinis incursibus maxime ualent“]; Kadlubkonis Chron. III, 14 ed. Mulkowski Crac. 1864, p. 78, 79; Saxonis Gram. Historia, p. 619, 676, 705—6, 750—2, 759, 761, 768, 848, 876.

108. „Sclauorum irruptio specie quam re formidabilior existere solet“, Saxonis Gram. Historia, p. 761; cf. Ibidem, p. 751.

напоминает картину военной тактики южных Славянъ, представленную императоромъ Маврикіемъ [VII в.]¹⁰⁹. Она годилась для внезапныхъ разбоевъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, но оказывалась совершенно несостоятельною тамъ, гдѣ со стороны враговъ дѣйствовало правильно устроенное, организованное войско. Въ осадномъ и оборонительномъ искусствѣ нужда заставила Славянъ усвоить многія усовершенствованія того времени: имъ извѣстны были осадныя постройки, разныя оборонительныя орудія, метательныя машины, фортификаціонныя укрѣпленія итд.; потому ихъ крѣпости и города выдерживали иногда долговременныя осады многочисленныхъ непріателей¹¹⁰.

Торговая и промышленная дѣятельность, морскіе и сухопутные разбои и войны составляли главные источники обогащенія народонаселенія. Они были столь обильны, что страна — по извѣстіямъ современниковъ — почти не знала бѣдности: о Поморьѣ шла молва, что тамъ не было ни нищихъ, ни бѣдняковъ; а если и были, то они находились въ сильномъ презрѣніи¹¹¹. Когда епископъ Бернгардъ явился для проповѣди въ Волынъ, Волынцы, видя его наружное убожество, не повѣрили, чтобы онъ былъ посланникомъ истиннаго Бога, полного славы и богатства; они приняли его за обманщика, пришедшаго ради корыстныхъ цѣлей. Успѣхъ пропо-

¹⁰⁹. По латинскому переводу Scheffer'a: „neque ordinem nouerum [Sclaui et Anti] nec coniunctim curant pugnare uel in locis nudis planisque se ostendere. Sique accidat, ut in pugnam contra ire ausint, conclamantes simul parum se mouent, et si hostes clamori eorum respondeant, aduertunt cellerime. Si uero non, uertuntur, neque curant collato pede uim suorum aduersariorum experiri. Verum tendunt in syluas, a quibus plurimum adiuuantur, ut qui apprime sciant praeliari inter angustias. Sed et non raro praedam offerunt cum simulatione quapiam pauoris, uelut desererent eam, conceduntque in syluas, iisque, qui superueniunt et circum praedam uagantur, magnum afferunt detrimentum, strenue regressi. Hocque diuersimode ac ultro facere student, ut sit uelut esca, qua hostes capiant“. Mauricii Strategicum XI, c. 5, apud Šafárik, Slov. Starož. ed. 1837, p. 969—70.

¹¹⁰. Martini Galli Chronicon II, 48; III, 26, apud Bielowski Monum. Poloniae histor. p. 458, 483; Helmoldi Chronica I, 25—26, 57, 82; Saxonis Grammatici Historia p. 799, 830, 864 sq. 885, 927 sq., 978—9, 999; Arnoldi lub. Chronica III, 7. cf. supra nota 49. cf. Annales Egmondiani s. a. 1164.

¹¹¹. „Otto, qui terram Pomeranorum, fama ferente, opulentam audierat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari“. etc. Herborði Dialogus II, 7; „nec aliquis egenus aut mendicus apud eos [Ranos] aliquando repertus est.“ Helmoldi Chronica, II, 12; cf. Saxonis Grammatici Historia p. 984; Ebonis Vita Ottonis III, 9: „opulentissima regna Pomeranorum.“

вѣди Оттона бамбергскаго во многомъ зависѣлъ отъ того, что По-моряне уважили въ немъ богатаго человѣка¹¹². Вообще, богатство давало не одну матерьяльную, но и нравственную силу: люди наиболѣе богатые имѣли и наиболѣе вліянія въ дѣлахъ общественныхъ¹¹³. Какъ велики бывали богатства отчасти видно изъ имущества, принадлежавшаго храмамъ, и добычи, которая доставалась врагамъ Славянъ¹¹⁴. Конечно, распредѣленіе богатствъ было далеко не равномерное: они сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, и простой народъ едва-ли имѣлъ значительную часть въ нихъ; но въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важно это господство плутократическаго начала: оно, какъ увидимъ, не мало отразилось и въ правовой жизни балтійскихъ Славянъ.

Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и остаткамъ старыхъ славянскихъ терминовъ рѣчи, домашній хозяйственный бытъ и его обстановка были просты, но не бѣдны. Зажиточный Славянинъ владѣлъ орудіями, утварью и многими иными предметами, необходимыми въ обиходной жизни¹¹⁵. Яства и вообще пища бывали разнообразны и многочисленны. Вина, по словамъ Сефрида

112. Ebonis Vita Ottonis II, 1—3; III, 9; Herborði Dialogus II, 7, 14.

113. Ebonis Vita Ottonis II, 8—9; III, 2, 16.

114. Herborði Dialogus II, 32; Helmoldi Chronica I, 36, II, 12; Saxonis Grammatici Historia p. 825, 845: „regem septem aequalis magnitudinis arcae, consecrata deorum numini pecunia refertae, a Rugianis allatae sunt“; cf. p. 752, 801, 886, 924; Annales Magdeburgenses sub an. 1169; Knytlin. Saga, c. 122; Annales Quedlinbur. s. an. 997, Monum. V, 73.

115. *клада* [klada] = *fass*, *скудѣль?* [sgittál, stjittál?] *вумборакъ*, [wumbarak, wunberack], *горнакъ* [ggórnaek] = *горшокъ*, *котелъ*, *котлики* [tgúttgál, tschúttshóol, tgúttlik, tjúttlik, tschúttlig, kutlik], *корыто* [tjereita, -e, tyereitza], *решето* [rišete, resete, rissete], *рака*, *раквица* [rakai, roatgay, roackweizla], *ключъ* [kilgauz, kiljutz, kloitz]; *сѣкиръ*, -а [tsytjer, sikar, sétjar, ssitjaria, zitjaria, ziettjar], *ножь* [nuz, nis, nús], *ножицы* [núsaitze, núsaitze], *клетки* [klesta, klesda, kléste], *видлы* [weidlo, weidloy, weitloy, weitloi], *гребли* [grublei, grubloi]; *свѣча*, *свѣчникъ* [swetzia, swesca, schwezza, swéznick]; *постеля*, -я [pustila, pestilija, póstuhl, pústiglia], *рончикъ* [runznik], *гребень?* [griwin], *щеть* [ssatsit, sazut]; *зеркадло* [serrjudlo, -e, sartjódelá], *стекляникъ* [saglinic], *лажца* [lasseit, lazan]; *кругъ*, -жа [crois, krauska, kreuska, croisko]. Cf. supra, pag. 44, pp. 82. Изъ остатковъ языка видно, что у балтійскихъ Славянъ была опредѣленная система мѣръ: *корець* [tjératz, sjeratz, kuritz], — это довольно часто упоминаемый въ грамотахъ и у Гельмольда терминъ „Curitze, kuritz“ = *modius*, Mehl. Urk. Buch N° 65, 113, Helmoldi Chron. I, 87; слово встрѣчается одинаково почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ; *кона* [tyipa], *локоть* [litgitt], *санжмя* [zangama, zangaman], *пасмян льна* [pósmang, posma].

— не знали и не старались добывать его; зато — умѣли пригото- влять другіе хмельные напитки, превосходные меды и пиво¹¹⁶.

О костюмѣ извѣстно немногое. Верхняя одежда, плащ — была коротка, доходя только до колѣнъ, шляпа имѣла особую форму, отличную отъ нѣмецкой; обувь — кожаная; волосы и борода под- стригались. Мужчины носили украшенія, браслеты-обручи и коль- ца; женщины — мониста, состоявшія изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ¹¹⁷.

Таково было состояніе матерьяльной культуры балтійскихъ Сла- вянъ въ эпоху, предшествовавшую христіанству. Перехода къ изображенію нравственнаго ихъ быта, считаемъ необходи- мымъ припомнить, что отзывы о немъ идутъ отъ чужеземцевъ: имъ трудно было не только возвыситься надъ непріязненнымъ пристрастіемъ и антипатіей расы, но даже просто отличить су- щественныя черты и явленія отъ временныхъ и случайныхъ. Для нѣмцевъ, Датчанъ, отчасти Поляковъ — балтійскіе Славяне представлялись народомъ дикимъ, свирѣпымъ, лукавымъ и лжи- вымъ, вѣроломнымъ и непостояннымъ¹¹⁸. Такими, дѣйствительно,

116. *Herbordi Dialogus* II, 41; *Ebonis Vita Ottonis* III, 7; *Helmoldi Chronica*, I, 82, 83, см. ниже стр. 58, nn. 122—4. *Guillelmi Malmesbur- riensis Gesta regum Anglorum* II, 189, apud Wigger *Mekl. Annal.* p. 70. „Vinum nec habent nec querunt, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta, uina superant Falernica“, *Herbordi Dialogus* II, 1, cf. *ibid.* II, 14. Подъ словомъ „merum“ напитокъ, находившагося въ рогахъ Свантовита, *Saxonis Gramm. Historia* p. 824, должно, конечно — разумѣть также медъ; cf. *supra*, pag. 16—17, nn. 22, 24. Въ языкѣ: варена мунка [*wore- namunka*] = *gesotten Mehl*; масло? [*mooskum, mostie, mostge, mosca*], олея [*olaja, olja*], саръ = сыръ [*szaro, saroo, sarou*], мѣдъ [*meda*], пиво [*poowi, peiwo, peiwi*].

117. *Ebonis Vita Ottonis* II, 13; *Helmoldi Chron.* I, 38; *Saxonis Gram. Hist.* p. 823—4; *Historia Magni Boni*, с. 34 въ *Scripta Hist. Island. t. VI*; въ лицевомъ „Саксонскомъ Зерцалѣ“ XIV в. изд. Моне, Ватт'омъ и Вебер'омъ, *Teutsche Denkmäler*, Heid. 1820, f. находится и нѣсколько изо- браженій Славянъ: въ отличіе отъ Саксовъ они представлены съ коротко остриженными волосами; одежда — или простая, короткая, съ косымъ во- ротомъ — рубаха, подпоясанная, или родъ камзола съ вырѣзанными внизу язы- ками [жестонами], ноги отъ обуви вверхъ перевиты лентообразною повязкою, шапки высокія, остроконечныя или съ закругленнымъ верхомъ. Въ языкѣ: клубукъ [*klibick, klubuk, clubuc, klupe*], нитъ оша [*netnosa*] = чулокъ, черевъ [*zriwei, zriv, zriw, zriwoi, zriwe, schriwe*], ронкавица [*ronkaweiz, runkaweiza*]; парстенъ [*parstin, parsten, porstin*], монисто [*mimeista*].

118. *Annales Hildesheim.* s. an. 992 [*Pertz. Mon. V*, 69]; *Annales Qued- linburg.* s. an. 997 [*Pertz. Mon. V*, 73]; *Thietmari Chron.* VI, 18; *Martini Gallii Chron.* in *Prooem.*; *Herbordi Dialogus* II, 3, 4, 24, 30, 33; III, 37; *Ebonis Vita Ottonis* II, 1, 7, 40; III, 3, 5, 13, 14, 23; *Hel-*

были они въ отношеніи своихъ враговъ; но едва-ли подобныя качества могутъ быть признаны за основныя черты народнаго характера. Это—плодъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, знаменія времени насилія, неправды и озлобленія; это—пороки одичалаго существованія, но не основныя свойства порокомъ развращенной природы. За историческими наносами сами враги не могли не замѣтить и не признать болѣе свѣтлыхъ качествъ славянскаго характера. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ говоритъ Видукинъ о любви Славянъ къ свободѣ, для которой они жертвовали всѣми другими благами, о необыкновенной простотѣ и суровости ихъ быта, о привычкѣ къ тяжелымъ трудамъ¹¹⁹. Свободолюдіе, незнавшее ограниченій, и потому ставшее отчасти причиною ихъ гибели, отмѣтило исторію ихъ чертами отваги и мужества, и приобрѣло имъ славу храбрыхъ воителей и доблестныхъ защитниковъ отечества¹²⁰. Среди безысходныхъ тревогъ, способныхъ порушить и извратить всѣ исконныя основанія и порядки жизни, Славяне — какимъ то чудомъ — удержали многія добрыя качества лучшихъ временъ: добродушную простоту¹²¹, честность, гостепріимство. Адамъ бременскій передаетъ о Волынцахъ, что не было народа нравомъ и гостепріимствомъ честнѣе и благодушнѣе ихъ; Сефридъ рассказываетъ о Поморянахъ, что между ними господствуетъ такая правда и общительность, что имъ вовсе неизвѣстны кража и обманъ: у нихъ не видно ни замковъ, ни ключей, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, и весьма дивились, когда увидѣли запертыми въюки и сундуки бамбергскихъ миссіонеровъ. Плате свое, деньги и все дорогое они хранятъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его. Ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый отецъ семейства имѣетъ свой отдѣль-

moldi Chronica I, 14, 25, 36, 52; *Meklenb. Urk. Buch* грам. 1162 г. № 74.

119. „Illi [s. Slavi] nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiuscemodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu lenissimo assuetum; et quod nostris graui onere esse solet, Slavi pro quadam uoluptate ducunt“, *Widukindi Res gestae* II, 20; cf. *ibid.* III, 53.

120. *Einhardi Annales* s. an. 789; *Thietmari Chronicon*, V, 5; VIII, 4; *Adami bremens.* III, 21; IV, 18; *Martinus Gallus Chronicon* II, 48; III, 26, apud *Bielowski, Monum. P. h. I*, p. 458, 483; *Saxonis Gram.* p. 838: „Tanto siquidem patrii munimenti caritate tenebantur, ut eius ruinarum socii quam superstitēs existere praeoptarent“.

121. „rusticitas Slauiка“, *Herbordi Dialogus*, III, 30; cf. *ibid.* II, 26: „simplicitas plebis“; cf. II, 14.

ный домъ, опрятный и честный, назначенный для угощенія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: снимаются одни, немедленно ставятся другіе . . , чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія вкисителей; и въ какое время кто ни захотѣлъ бы поѣсть — чужіе гости или домочадцы — ихъ ведутъ ко столу, гдѣ стоитъ все готово¹²². Софридъ и Удабрькъ, миссіонеры-свидѣтели — указываютъ и самые примѣры подобной общительности и гостепрѣимства¹²³. Гельмольдъ хвалитъ многія добрыя качества Руянъ, въ особенности — ихъ гостепрѣимство и заботу о престарѣлыхъ родныхъ и немощныхъ. Онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости ходившей въ то время молвы о привѣтливомъ гостепрѣимствѣ Славявъ, какъ они — наперерывъ другъ передъ другомъ — спѣшатъ принять гостя, такъ-что послѣдному нѣтъ никакой нужды просить кого нибудь о пристанищѣ. Все, что пріобрѣтали они отъ земледѣлія, рыболовства и охоты, все цѣликомъ шло въ угощеніе; и тотъ слылъ болѣе достойнымъ человѣкомъ, кто былъ расточительнѣе. Позволялось даже воровство для того, чтобы не отказать гостю въ достойномъ пріемѣ. Отказъ въ гостепрѣимствѣ странникамъ, увидимъ далѣе, считался важнымъ преступленіемъ и строго наказывался¹²⁴. Гостю принадлежало въ

122. „moribus et hospitalitate nulla gens honestior auf benignior poterit inueniri.“ Adami brem. Gesta II, 19; „tanta est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudium penitus inexperti, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seram uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod clitellas nostras et scrinia serata uiderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis reconduunt, fraudem nullam metuentes utpote inexperti. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferulatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioi uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur; sed aliis absumptis alia subrogantur. Non sorex, non sorilegus [? murilegus] admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam“, Herbor di Dialogus, II, 41.

123. E b o n i s Vita Ottonis, III, 7: „[Vdalricus et Albwinus] a matre familias, uxore scilicet prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuocione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent“; cf. Herbor di Dialogus, III, 5.

124. „et suscepit [Pribizlaus] nos cum multa alacritate, fecitque nobis conuiuium lautum. Mensam nobis appositam uiginti fercula cumularunt. Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospibus omnes quasi

собрании почетное мѣсто¹²⁵. Не смотря на непривѣтливую обстановку быта, жизнь Славянъ не была чужда веселія, игръ, пиршествъ и пооекъ, нерѣдко переходившихъ границы умѣренности. Саксонъ Грамматигъ передаетъ такіе случаи, что даже вблизи враговъ, среди войны — Славяне не умѣли воздержаться и пировали допьяна. Пиршества нерѣдко сопровождались музыкой и пляской¹²⁶.

Одна существенная черта народнаго характера, черта роковья, бывшая причиною гибели балтійскихъ Славянъ — проходитъ чрезъ весь бытъ и всю ихъ исторію: это — беззаботность существованія, умственная малоподвижность, безпечность о будущемъ, какое-то инстинктивное отвращеніе отъ далекаго разсчета, отъ привычки осматриваться и взвѣшивать свое положеніе и итти впередъ путемъ сознательныхъ дѣйствій къ твердо опредѣленной цѣли. Такой историческій порокъ обусловилъ другіе: бытовую консервативность и застои, неумѣніе жертвовать частными интересами — общему благу, наклонность къ мелкой приходской враждѣ и раздору.

Касательно, религіозныхъ вѣрованій балтійскихъ Славянъ — ограничимся лишь немногими замѣчаніями общаго характера.

Какъ у прочихъ Славянъ, такъ и у балтійскихъ — основаніемъ, или вѣрнѣе — формою языческой религіи послужило олицетворенное обоготвореніе предметовъ и явленій природы, солнца, грозы, небснаго огня, облаковъ, дожда итд. Время, когда эти образы получили нравственный смыслъ и стали предметами религіознаго почитанія, лежитъ далеко за предѣлами исторіи балтійскихъ Славянъ, какъ этнологической особи. Несомнѣнно, однако, что такой религіозно-моэологическій процессъ произошелъ въ эпоху жизни земледѣльческой, въ тѣсной связи съ заботами и радостями земледѣльческаго быта. Тогда, изъ прежнихъ страшныхъ, но нравственно

ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse est. Quicquid enim in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, ea fortiolem quemquam quo profusiolem iactitantes. Helmoldi Chronica, I, 82; cf. cf. ibidem, I, 83; II, 12.

125. „[Absalon] inter ipsos [Rugianos] honoratissimo sedendi loco susceptus“: Saxonis Gram. Historia, p. 796.

126. Thietmari Chronicon, VII, 50; Ebonis Vita Ottonis, III, 1; Herbordi Dialogus II, 14, 32; Helmoldi Chronica, I, 34, 52, 63; Saxonis Gram. 825, 682—3, 971, 982—3, 988. О пляскѣ и музыкѣ см. Herbordi Dialogus l. cit. Ebonis Vita Ottonis, ibid. Наивная веселость Славянъ выражалась иногда очень оригинальнымъ образомъ: пѣніе Псалтири вызывало новобращенныхъ къ пляскѣ: „tu psalterium arripe, puto non alicuius mimi ante ianuam stantis, sed neque Sclavi saltantis.. Ermenricus Augiensis, [пол. 9 в.], ap. Pertz Monum. II, p. 101 in notis. Въ языкѣ: пѣ снѣ [pessen], п л я н с а т ь [plungsat, plosat, ploosat, plusat].

чуждыхъ человѣку дивовищъ — вышли свѣтлые боги, которые, выражаясь словами одного изъ жрецовъ — одѣвали тукомъ поля и зеленью лѣса, во власти которыхъ были плоды нивъ, деревьевъ, скота, и все, что служить на пользу людямъ, поклонникамъ боговъ¹²⁷. Тогда установились и празднества, какъ общественное выраженіе благодарности, просьбъ и моленій земледѣльца къ его божествамъ¹²⁸. Тогда же, а можетъ быть и еще ранѣе — водворились въ бытѣ народа и тѣ тихія, мелкія божества, которыми, по понятіямъ Славянъ, были населены поля, луга, роши, лѣса и источники, и тѣ домашніе пенаты-дѣди, которыхъ власть и дѣйствіе не выходило изъ круга семьи и рода¹²⁹.

Этотъ древнѣйшій, семейно-земледѣльческій и стихійный періодъ религіи еще ясно свѣтитъ въ извѣстіяхъ источниковъ о вѣрваніяхъ балтійскихъ Славянъ, онъ образуетъ т. е. первый слой ихъ.

Войдя въ бурную исторію, богопочитаніе ихъ не могло не измѣниться въ своемъ характерѣ. Оно вѣрно отподобило образъ жизни народа, раздвоенной между мирными занятіями и суровой, ожесточенной борьбой со врагомъ, грабежами, внутренними усобицами, всякими погромами и страданіями. На семейномъ, земледѣльческо-мирномъ основаніи богопочитанія балтійскихъ Славянъ — подъ вліяніемъ исторіи, вырастаетъ новый слой: съ прежней религіей земледѣльца сливается религія война и пирата, религія — гнѣвная и воинствующая. Какъ предметъ высшаго поклоненія, на огромномъ столбѣ укрѣпляется оружіе [копье], божества воплощаются въ грозные образы, облеченные во всеоружіе и доспѣхи воинновъ; они караютъ гибелью, дарятъ побѣды, требуютъ чествованія военной добычей и кровавыми человѣчьими жертвами, въ которыхъ находятъ особое наслажденіе. Подъ ихъ знаменами врагу несетса смерть и безопаданное разореніе. Каждую ночь выѣзжаетъ божественный всадникъ [Свантовить] на жестокую битву и, къ утру, на усталомъ, опѣнненомъ конѣ возвращается домой..

127. *Herbordi Dialogus* II, 23; III, 4.

128. *Herbordi Dialogus* II, 14; *Ebonis Vita Ottonis* III, 1, 3; cf. *Saxonis Grammatici Historia* p. 824. Изъ остатковъ языка видно, что балтійскимъ Славянамъ было извѣстно раздѣленіе года на мѣсяцы, мѣсяцовъ на недѣли: рожець? [*risatz, rūsatz*] = hornung, февраль; сенникъ [*senik*] = Іюль; недѣля [*nidel, nidelja, nidelga, nidiglia*], перенѣдекъ [*perendān, perandān*] = четвергъ. Этотъ фактъ доказывается также періодическими-опредѣленными днями торговъ; см. выше стр. 48, nn. 96.

129. *Thietmari Chronicon* VII, c. 50, cf. VI, 26; *Herbordi Dialogus* II, 82; *Ebonis Vita Ottonis* III, 18; *Helmoldi Chronica* I, 47, 52, 83; *Saxonis Gram. Hist.* p. 832, 845; *Knytlinga-saga* c. 121.

Между собою божества находятся также въ постоянномъ раздорѣ, враждуютъ о первенствѣ и ведутъ поклонниковъ огнемъ и мечомъ защищать свою гегемонію. Даже при мирныхъ земледѣльческихъ празднествахъ они не оставляютъ своей воинственной одежды, шествуя въ сопровожденіи боевыхъ знаменъ и значковъ¹³⁰. Видное мѣсто въ іерархіи боговъ занимаетъ особое, и въ исторіи европейскаго язычества почти безпримѣрное, мрачное божество [Чернобогъ], во власти котораго находится всякое зло и несчастіе¹³¹.

Вотъ образы, созданные длиннымъ рядомъ историческаго озлобленія, битвъ вражды и страданій! Что другаго могли пробудить они въ душѣ народа, кромѣ чувства безотраднaго страха предъ ними, кромѣ дикой отваги, кромѣ нравственнаго мрака и коснѣнія?

Дѣйствительно, религиозная жизнь балтійскихъ Славянъ, несмотря на виѣшнее развитіе, была исполнена тяжелаго, подавляющаго суевѣрія, неспособнаго ни къ какому движенію впередъ и очень способнаго заглушить всякое подобное движеніе. Подъ вліяніемъ тревожной исторіи исчезла та ровность, то спокойствіе духа, которыми вообще отличается язычество европейскихъ народовъ и которое сообщаетъ ему привѣтливый, вѣротерпимый характеръ. Религія балтійскихъ Славянъ стала религіей народнаго фанатизма: она слилась съ местию, ненавистями и буйными страстями народа и возвела ихъ до апотеозы. Среди нея выросло и окрѣпло учрежденіе, которое могло только усилить зло и въ конецъ исказить болѣзненный организмъ ея, учрежденіе, которому подобнаго мы не находимъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ. Разумѣемъ — сильную жреческую іерархію¹³². Какимъ путемъ возникла она, пришла-ли извнѣ [съ Сѣвера или отъ Пруссовъ], развилась ли самобытно — мы не знаемъ; но вѣрно то, что жречество легло на бытѣ народа мрачнымъ, тяжелымъ бременемъ. Своей систематизаціей язычества, укрѣпленіемъ

130. Thietmari Chronicon, VI, 17—18, VII, 47; Adami brem. Gesta, III, 50; Epistola Brunonis ap. Wigger Mehl. Ann. s. a. 1008; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 18; III, 1, 3, 8; Herborði Dialogus, III, 6; Mon. Priefl. Vita Ottonis II, c. 6, apud Pertz Mon. Germ. hist. Scr. t. XII; Helmoldi Chronica I, 31 36, 52, 69; II, 12; Saxonis Gram. Historia 824—5 sq. 830 sq.; 842 Knytlinga Saga c. 122.

131. Helmoldi Chronicon, I, 52. Къ Чернобогу до нѣкоторой степени подходитъ Локи сѣверной мисеологіи, но только до нѣкоторой степени, ибо образъ его все же смягченъ кроніей; да къ тому же злобный и ненавистный въ отношеніи боговъ, Локи къ людямъ почти равнодушенъ.

132. Thietmari Chronicon VI, 17; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7, 18; III, 1, 6, 8, 15, 16, 20; Herborði Dialogus II, 33, 34; III, 4, 14; Helmoldi Chronica, I, 6, 36, 38, 39; II, 12; Saxonis Gram. Historia p. 824, 826, 827.

наивныхъ вѣрованій и преданій въ мертвенные догматы, установкою формъ и порядковъ культа, апотеозомъ народныхъ страстей и ненавистей — жрецы окончательно сковали и развратили нетвердую мысль и чувства народа, поработивъ ихъ суевѣрному ритуалу страхомъ всякихъ каръ и наказаній, подавивъ, или по крайней мѣрѣ — стѣснивъ свободное движеніе ихъ, усиливъ и такъ сказать осягивъ свирѣпость народнаго озлобленія и страстей. Правда, въ догматикѣ жрецовъ есть слѣды нѣкоторыхъ довольно возвышенныхъ понятій¹³³; но они, кажется, приходили даромъ, нисколько не облегчая дѣла народнаго развитія; да и что значать эти мелочи сравнительно съ массой темныхъ мыслей и дѣйствій, внушенныхъ или навязанныхъ этими учителями простодушному и запуганному народу!

Выше [стр. 30], говоря о движеніи исторіи балтійскихъ Славянъ, мы теоретически сдѣлали выводъ, что въ жизни ихъ религія, или вѣрнѣе — религіозная практика должна была имѣть несравненно болѣе дѣятельное и важное значеніе, чѣмъ въ прочномъ бытѣ племенъ мирныхъ и пользующихся миромъ. Предположеніе — оправдывается дѣйствительностью. Религія, или говоря точнѣе — мрачное суевѣріе обняло здѣсь всѣ важнѣйшія отправления жизни. Преданный непостоянству судьбы, язычникъ на каждомъ шагу страшился пробудить и навлечь губительный гнѣвъ своихъ страшныхъ боговъ, не смѣлъ не только произносить ихъ имени, но даже дышать въ святилищѣ предъ ихъ образами. Среди самаго веселія его не оставляла тяжелая мысль о гениѣ зла, и онъ посвящалъ ему, какъ заклинаніе, свою круговую чашу¹³⁴. Богамъ шла лучшая часть добычи, лучшія жертвы; забота о красотѣ и богатствѣ ихъ видимыхъ образовъ и храмовъ, гдѣ обитали они — была одной изъ существенныхъ заботъ народа и составляла предметъ его гордости; ихъ святилища владѣли богатыми имуществами, пользовались многими даяніями и пошлинами¹³⁵. Подъ покровомъ и при участіи религіи совершались всякія общественныя дѣла и предпріятія и происходили совѣщанія о нихъ. Жрецы имѣли

133. Къ жреческой догматикѣ, на нашъ взглядъ, должно отнести понятіе о богахъ боговъ и объ отношеніяхъ къ нему другихъ божествъ, происходящихъ отъ его крови. *Helmoldi Chronica* I, 88. Объясненіе значенія повязки, закрывавшей глаза Триглава, *Ebonis Vita Ottonis* III, 1, — принадлежитъ также къ жреческой богословіи.

134. *Helmoldi Chronica* I, 52, 83; *Herbordi Dialogus* III, 6; *Saxonis Gram. Historia*, p. 824.

135. *Thietmari Chronicon* VI, 18; VIII, 4; *Herbordi Dialogus* II, 32; III, 7; *Ebonis Vita Ottonis* III, 9, 10; *Helmoldi Chronica* I, 6, 21, 36, 38, 52, 83; II, 12; *Saxonis Gram. Hist.* p. 822, 824 sq. 834, 841, 845.

въ нихъ первенствующее мѣсто; власть ихъ иногда бывала неограниченною ¹³⁶. Ища опоры и правилъ для жизни въ своихъ богахъ, Славяне стремились узнать волю и опредѣленія ихъ посредствомъ различныхъ обрядовыхъ дѣйствій, гаданій, и поступали сообразно съ обнаруженными тѣ. обр. знаменіями и предвѣщаніями ¹³⁷.

Однимъ словомъ, религія была могучимъ двигателемъ жизни, источникомъ, откуда черпалось много силы и воодушевленія для борьбы съ нею. Она — дѣйствительно, поддержала на нѣкоторое время падающій духъ народа, но возродить и спасти его не могла уже и потому, что сама обречена была неминуемой гибели.

Остается — сказать объ общемъ состояніи образованности у балтійскихъ Славянъ.

Хотя и существуютъ намеки, что имъ было не безъизвѣстно употребленіе письменъ, однако — до сихъ поръ не только не открыто ни одного памятника ихъ письменности, но даже и ни одного прямого положительнаго указанія о быломъ существованіи такихъ памятниковъ, такъ-что, пока, изслѣдователь вправѣ вообще отрицать существованіе письменности у балтійскихъ Славянъ ¹³⁸. Лишенные такого важнаго средства образованности, они до нѣкоторой степени восполнили этотъ недостатокъ знакомствомъ съ плодами образованности другихъ странъ и народовъ. Средства и пути предлагали ихъ обширныя торговыя сношенія. Ихъ вліянію, конечно, должно приписать то развитіе вкуса и художественнаго чувства красоты, слѣды котораго замѣчены свидѣтелями-очевидцами. Титмаръ передаетъ, что въ Радигощѣ стоялъ храмъ художественно сложенный изъ дерева; внѣшнія стѣны его были украшены различными изображеніями боговъ и богинь, удивительно красиво изваянными ¹³⁹. Сефридъ, человекъ образованный, жившій

136. *Herbordi Dialogus* II, 32; *Helmoldi Chronica* I, 6, 36, 38, 83; II, 12.

137. *Thietmari Chronicon* VI, 17; *Herbordi Dialogus* II, 32—3; *Monachi Priefi*. II, 11; *Helmoldi Chronica* I, 36, 52; II, 12; *Saxonis Gram. Hist.* p. 827.

138. „*Dii stant manufacti—singulis nominibus inculptis*“. *Thietmari Chronicon*. VI, 17. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ старьградскомъ округѣ найдена была урна съ неизвѣстными руноподобными надписями, см. *Jahrbücher des Vereins für meklenburg. Geschichte und Alterthumskunde*, B. XXIV, Schw. 1859, p. 16 sq. Надписи — не нѣмецкія и не сѣверныя; но славянскія ли? Это вопросъ. Что балтійскимъ Славянамъ извѣстно было употребленіе письменности, это, кажется, можно заключать и изъ показанія Герборда: Штетинцы говорили: „*si apud ducem [Poloniae] perpetue pacis stabilitatem obtinere tributumque alleviare queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex scripto firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent*“. *Herbordi Dialogus* II, 26.

139. „*fanum de ligno artificiose compositum.. huius parietes variae deorum dea-*

во время высшего процвѣтанія т. н. романскаго искусства и, конечно, умѣвшій хорошо различать и цѣнить истинное искусство, говоритъ, что главная кѣтина въ Штетинѣ была отстроена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что — казалось, они живутъ и дышать; но, — особенная рѣдкость: краски наружныхъ изображеній отличались необыкновенною прочностью, ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ.. Таково было искусство живописцевъ! Удальригъ, съ своей стороны, сообщаетъ, что въ Гостьковѣ находился богато украшенный и построенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; на него жители затратили огромныя деньги и гордились имъ, какъ славнымъ украшеніемъ города. Тамъ находились огромныя, но изваянные съ невѣроятнымъ изяществомъ — идола¹⁴⁰. Художественную отдѣлку Свантовитова святилища и кореницкихъ храмовъ отмѣтилъ Саксонъ Грамматикъ¹⁴¹. Допустивъ даже, что эти произведенія художественной архитектуры, скульптуры и живописи были дѣломъ рукъ и искусства чужеземныхъ художниковъ, все же — нельзя не видѣть, что народъ, чувствовавшій потребность въ нихъ и умѣвшій цѣнить ихъ — стоялъ не на низкой степени образованности. Конечно, приведенные факты не даютъ еще права заключать о повсемѣстномъ распространеніи образованности; но оставить ихъ безъ вниманія нельзя: что было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то могло быть и во многихъ, гдѣ только проживали люди бывалые, которыхъ удалось „многихъ земель города посѣтить и обычаи видѣть“, и которые пожелали внести въ жизнь свои опыты и знанія. Какъ

rumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus uideatur, exterius ornant. Thietmari Chronicon VI, c. 18.

140. „Vna ex his [continis], que principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uolucrum et bestiarum, tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrum fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum“. Herbor di Dialogus, II, 32; „in [urbe Chozegowa] magni decoris et miri artificii fana erant que ciues eiusdem loci trecentis extruxerant talentis.“, Ebo nis Vita Ottonis, III, 9. Къ этому Гербордъ прибавляетъ: „multum in illo [sc. fano] gloriabantur, eo quod uideretur magnum tocuis ciuitatis esse ornamentum“, III, 7; iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata... igni cremanda trahebantur“. Ebo nis, ibid., III, 10.

141. „Medium urbis [Arkon] planicies habebat, in qua delubrum materia ligneum, opere elegantissimum uisebatur“. „[Karentia] trium praepollentium fanorum

дѣйствовали торговыя сношенія на образованность жителей, всего яснѣе видно на городѣ Волынѣ. Купцы-путники рассказывали Адаму бременскому о немъ чудеса, будто онъ болѣе всѣхъ [конечно—ими видѣнныхъ] городовъ въ Европѣ, будто въ немъ находится все рѣдкое и пріятное, будто жители его — самый гостепріимный и привѣтливо-вѣжественный народъ въ мірѣ¹⁴²... Молва, нѣтъ сомнѣнія, преувеличенная; но не безосновательная.

Здѣсь мы остановимся, въ немногихъ словахъ подведемъ итогъ всему, доселѣ изложенному, и сдѣлаемъ переходъ къ дальнѣйшему.

Разсматривая явленія матерьяльной и нравственной жизни балтійскихъ Славянъ, нельзя не замѣтить рѣзкой, поражающей двойственности ея.

Съ одной стороны — мы видимъ народъ съ рѣшительными, наклонностями къ мирнымъ занятіямъ земледѣліемъ, промыслами, ремеслами и торговлей, народъ беззаботный и простодушнo добрыхъ нравовъ, честный, привѣтливый, дружественно-гостепріимный, безопасный и малоспособный къ политическимъ расчетамъ и предпріятіямъ, сильно привязанный къ старымъ формамъ, порядкамъ и обычаямъ жизни, къ старой свободѣ, неумѣющій поступаться ею даже для достиженія высшихъ, спасительныхъ цѣлей; словомъ — народъ, хотя не чуждый нѣкоторой образованности, но все же близкій къ патриархальному времени и, сравнительно съ сосѣдами, на нѣсколько вѣковъ опоздавшій въ историческомъ движеніи впередъ.

Съ другой стороны — насъ встрѣчаетъ племя буйное, одичалое въ непрерывной борьбѣ со врагомъ-чужеземцемъ и между собою, преданное грабежамъ и разбою, озлобленное, и потому свирѣпое, беспощадное и закрубѣлое въ жестокостяхъ; племя, до крайности развитшее корыстный эгоизмъ, заставлявшее много страдать другихъ, но и само страдавшее еще болѣе; племя, наконецъ — безотрадно ходившее въ тмѣ и сѣни смертнѣй, отовсюду опутанное сѣтями мрачнаго суевѣрія, жадно требовавшего крови, грозившаго одними карами да ужасами.

Мы имѣемъ предъ собою какъ будто два, совершенно различныя, далекіе народа!

Первыя свойства были свойствами природы и естественныхъ условій и обстоятельствъ жизни, вторыя — были результатомъ условій и отношеній историческихъ.

Исторія давала совершенно иное направленіе дѣятельности, по-

aedificiis erat, ingenuae artis nitore uisendis": Saxonis Gram. Historia p. 827, 841.

¹⁴². Adam i brem. Gesta II, 19.

нтіямъ, чувствамъ и наклонностямъ народа, чѣмъ то, къ которому располагала его и природа характера и долговременныя привычки, отвердѣвшія въ характеръ. Жизнь проходила подѣ дѣйствіемъ этихъ двухъ непримиренныхъ и другъ друга исключающихъ силъ, и потому была полна глубокихъ внутреннихъ противорѣчій. Среди тяжелыхъ, ожесточающихъ историческихъ обстоятельствъ — свойства мирной, доброй природы народа поступались, слабѣли и искажались, но все же они были еще довольно сильны и выходили наружу всюду, гдѣ открывалась свобода и просторъ ихъ обнаруженію. Въ этой борьбѣ и взаимодействіи двухъ разнородныхъ началъ заключается, на нашъ взглядъ, разгадка не только многихъ непонятныхъ явленій, но и вообще всего быта и исторіи балтійскихъ Славянъ. Здѣсь — ключъ къ правильному ихъ пониманію!

Тойже двойственности подчинялась и область права: она была въ этомъ случаѣ вѣрнымъ отраженіемъ самой жизни, колебавшейся между дѣйствіями двухъ различныхъ силъ и немогшей привести ихъ въ согласіе.

Потому, напрасно стали бы мы искать здѣсь какаго нибудь одного общаго, управляющаго отдѣльными явленіями, начала. Въ тотъ періодъ исторіи, который составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, главными источниками права и правыхъ дѣйствій бывають или старыя, вѣками сложившіяся убѣжденія и порядки быта, или инстинкты, привычки и понятія, выходящія изъ историческихъ обстоятельствъ и отношеній. Иногда эти двѣ силы дѣйствуютъ вмѣстѣ, сливаясь и пополняя другъ друга, но чаще — они идутъ врознь, сами по себѣ и исполняютъ жизнь противорѣчіями и внутренней борьбой. Народы, сильные единствомъ — обыкновенно счастливо переживаютъ этотъ болѣзненный кризисъ, выходя изъ него какъ бы обновленными; народы же слабыя и безпечныя погибають, т. е. переходять „въ языкъ инъ и племя ино.“

Древности права.

Право. Обычай. Законъ. Постановленія власти.

Титмаръ, какъ-бы противъ своей воли — даетъ довольно определенное свидѣтельство о томъ, что балтійскіе Славяне считали закономъ — вѣрное исполненіе слова или обязательства. „Вѣроломные, говоритъ онъ, и измѣнчивые сами, они требуютъ отъ другихъ точной и непреложной вѣрности¹⁴³.“ Если таково было требованіе отъ враговъ и чужихъ людей, то тѣмъ болѣе оно имѣло мѣсто и силу въ собственныхъ отношеніяхъ, гдѣ являлось необходимымъ условіемъ общежитія. Мы слышали [стр. 57] отзывы Адама бременскаго и Сефрида о необычайной честности, правдивости и общительномъ довѣрїи [*fides est societas*], существовавшихъ у Руянъ и Поморянъ; другой свидѣтель XII вѣка передаетъ и частный случай обычной Славянамъ вѣрности однажды сдѣланному уговору¹⁴⁴. Такія постоянныя черты народнаго характера выходили, конечно, не изъ однихъ инстинктовъ доброй, простой природы, но и изъ сознанія правды, изъ убѣжденія въ необходимости справедливыхъ дѣйствій, словомъ — изъ юридической идеи. Потому, оставляя въ сторонѣ отзывы закупленныхъ враждою чужеземцевъ, упрекающихъ Славянъ въ вѣроломствѣ, лживости и непостоянствѣ [см. стр. 56—7], мы имѣемъ полное основаніе думать, что понятія права, правды, справедливости, нравственнаго закона, вопреки многимъ житейскимъ искушеніямъ и несмотря на частое забвеніе ихъ — оставались въ бытѣ Славянъ на степени понятія опредѣленно-твердаго, какъ живое правное начало, которому подчинялись частныя и общественныя дѣйствія и отношенія лицъ.

143. „*Infideles ipsi et mutabiles ipsi, inmutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem*“, Thietmari Chronicon VI, 18.

144. *Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis, cap. XXII, apud Langebek: Scriptores rerum danicarum, t. V. Haun. 1788, p. 368.* Объ этомъ свидѣтельствѣ см. ниже, въ ст. о „договорахъ“.

Совокупность юридических обыкновений, законовъ и постановлений, подъ властью и дѣйствіемъ которыхъ жили балтійскіе Славяне, обозначается въ источникахъ слѣдующимъ образомъ:

„Ritus gentis slauicae, ius gentis Slauorum, ritus gentilis, lex, mos regionis, mos gentis slauicae, lex antiqua patrum et maiorum, leges antiquae, patriae leges, parentum ueterae traditiones, priscae patrum consuetudines, ius slauicum, ius proprium, gentis slauicae consuetudo, ius pomeranicum, consuetudo, quae ius slauicum appellatur, consuetudo, quae in Slauia pro lege [uel iure] consueuerat obseruari“¹⁴⁵.

Разсматривая внимательно употребленіе этихъ выраженій въ самихъ текстахъ свидѣтельствъ, нельзя не замѣтить, что ими обозначаются два близкія, но-различныя юридическія начала: во первыхъ — начало права обычнаго, или старыя обыкновенія, сохраненныя путемъ преданія; во вторыхъ — начало права и власти государственной, или установленія правительства.

Не имѣя письменности, балтійскіе Славяне не имѣли и письмомъ укрѣпленной „правды“. Они руководились обычаями, преданіями и примѣрами отцовъ, жили по старинѣ и „закону свѣту“, установленному предками и переданному ими, какъ наслѣдье—потомкамъ. Законъ отцовъ, „lex antiqua patrum et maiorum“ былъ полнымъ вождемъ и правителемъ изъ жизни.

Власть обычнаго права имѣла широкое пространство: ему подчинялись какъ семейныя и вообще частныя отношенія, такъ во многомъ — и общественныя.

Семья или родъ [ибо родъ въ сущности есть только естественное распространеніе семьи], какъ древнѣйшій природно-юридическій союзъ, непрерывно продолжающійся отъ незапамятной древности до нашихъ дней, тѣмъ крѣпче должна была хранить обычай и тѣмъ полнѣе довольствоваться имъ, что область ея была мало открыта для новыхъ, измѣняющихъ явленій и вліаній. Регулирующее общественное начало заходитъ сюда очень поздно, не ранѣе полного утвержденія христіанства и церковнаго закона. До того времени семья управлялась своимъ обычаемъ, порядки ея находились въ исключительномъ вѣдѣніи закона по преданію. Послѣдній можно сказать выросъ среди нея.

Тоже должно замѣтить и вообще о частныхъ отношеніяхъ лицъ:

145. Einhardi Annales sub an. 823; Widukindi Res gestae Sax. II, 21; Herbordi Dialogus, II, 22—4, 26, 32; Ebonis Vita Ottonis, II, 7, 11; Helmoldi Chronica, I, 18; cf. c. 82; Codex Pomer. diplom. N° 41, 88, 126; Meklenb. Urk. Buch N° 114, 150, 247 etc.; „wendesch recht“ упоминается въ Саксонскомъ Зерцалѣ, кн. III, art. 73.

обычай, по большей части, представлялся достаточнымъ для точнаго опредѣленія и разрѣшенія затрудненій ихъ.

Въ дѣлахъ и отношеніяхъ общественныхъ обычное право имѣло дѣйствующую силу тамъ, гдѣ общественные порядки и учрежденія велись по старинѣ, гдѣ они связывались съ нею непорванной нитью живаго преданія.

Когда обычный законъ прямо оказывался недостаточнымъ для разрѣшенія возникавшихъ вопросовъ и случайностей подвижной жизни и исторіи, то постановлялся новый [чешск. *nalez, sententia, decretum*]¹⁴⁶, который, смотря по свойству, могъ имѣть или постоянное дѣйствіе, или временное, на данные случаи. Во времена, болѣе далекія, при полномъ господствѣ преданія, такіе законы и рѣшенія происходили на стародавнихъ основаніяхъ, путемъ самобытной мысли; но по мѣрѣ историческаго развитія племени и знакомства его съ бытовыми порядками другихъ, чужеземныхъ народовъ, могли усвоиться и получать законную силу и нѣкоторые чужеземныя обыкновенія, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе они противорѣчили исконному строю жизни и чѣмъ ближе могли отвѣчать встрѣчавшимся требованіямъ и нуждамъ.

Религіозныя учрежденія и порядки держались также силою обычая, принадлежали къ тому же твердому, преданіемъ донесенному закону.

Обычное право балтійскихъ Славянъ есть памятникъ того отдаленнаго времени, когда вполне господствовало частное, семейное или родовое начало. Освященное вѣковою практикой народа, оно имѣло болѣе охраняющій, консервативный, чѣмъ прогрессивный характеръ. Его дѣйствіе въ народномъ бытѣ было тѣмъ шире и значительнѣе, что сама исторія располагала народный характеръ къ упорному консерватизму. Здѣсь уместно остановиться на одномъ отличительномъ свойствѣ обычнаго права, невниманіе къ которому часто приводитъ къ неразрѣшимымъ недоумѣніямъ и ложнымъ выводамъ. Мы говоримъ о присущихъ ему внутреннихъ противорѣчіяхъ и несогласіяхъ. Обычное право — не есть ограниченное цѣлое, члены котораго, выходя изъ одного начала, отвѣчали бы другъ другу и по идеѣ и по дѣйствию: это — сборный результатъ предшествующей жизни народа, гдѣ механически, неупорядоченно и несогласно — скопились самыя гетерогенныя, исторически различныя и нерѣдко — другъ друга исключаящія, начала: обычаи вѣковъ глубочайшей древности, дошедшіе по преданію, и порядки послѣдняго времени; рѣшенія давнымъ давно пережитой ста-

¹⁴⁶ Herbordt Dialogus II, 4, 25; III, 30.

рины и отвѣты на новыя потребности; здѣсь заурядъ, совокупно дѣйствуетъ и то, что прямо вытекаетъ изъ жизни, имѣетъ смыслъ и значеніе, — и то, что утратило всякій смыслъ и держится только силою традиціонной привычки и безотчетнаго вѣрованія народа въ его непонятную правду и непреложность. Между такими различными и разновременными фактами — противорѣчія и несогласія неизбѣжны. Иногда, при дѣятельномъ направленіи народной мысли, эти противорѣчія устраняются и сглаживаются: старыя, отжившія обычая падаютъ или получаютъ новую окраску и направленіе; но очень часто они живутъ и дѣйствуютъ въ своей древней формѣ, уцѣлѣвшей вопреки всѣмъ успѣхамъ быта. Особенно стойки и сильны бывають они тамъ, гдѣ ихъ противорѣчіе съ новыми порядками ограничивается одною т. е. скз. теоретическою стороною дѣла, гдѣ они не мѣшаютъ практическому ходу новыхъ, вызванныхъ самою жизнью, обычаевъ и учреждений. Тамъ — старое мирно уживается съ новымъ, не смущая людей своими взаимно другъ друга исключаящими противорѣчіями. Таковъ вообще характеръ обычнаго права. А потому — ложный шагъ сдѣлаетъ тотъ, кто захочетъ объяснить всѣ его явленія изъ одной общей идеи, или согласить ихъ противорѣчія: онъ неминуемо придетъ къ ложнымъ, противорѣчающимъ живой исторіи, заключеніямъ.

Какимъ образомъ и какимъ путемъ въ бытѣ балтійскихъ Славянъ зародились начала государственной власти и права — одинъ изъ самыхъ темныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ ихъ древности. Развились ли они путемъ естественнымъ, изъ обычныхъ, семейно-родовыхъ учреждений и порядковъ, вошли ли въ жизнь помимо воли и санкціи массы, какъ простые факты внѣшней силы, получившіе потомъ только юридически-обязательное значеніе закона — рѣшить, пока, невозможно; одно не подлежитъ сомнѣнію, что, еще до начала положительной исторіи балтійскихъ Славянъ, въ бытѣ ихъ уже присутствуютъ эти зародыши государственной власти. Они очень еще слабы, но тѣмъ не менѣе дѣйствительны: самъ народъ признаетъ не только фактическое ихъ существованіе, но и право на такое существованіе.

Событія тревожной исторіи и шедшее въ связи съ ними усиленіе общественной власти — сдѣлали необходимымъ установку нѣкоторыхъ юридическихъ порядковъ и правилъ, которыми определялись права и дѣйствія власти, общественныя обязанности и повинности народа. Это — начатки государственнаго наряда и администраціи.

Отъ старыхъ правовыхъ обычаевъ эти юридическіе институты существенно отличались тѣмъ, что они почти вовсе не касались

области частнаго права и частныхъ отношеній лицъ; равнымъ образомъ, почва тѣхъ и другихъ была различна: обычный законъ, за немногими исключеніями, выросъ на народныхъ основаніяхъ, а постановленія правительства довольно рѣдко бывали самобытны, и по большей части переносились отъ сосѣднихъ народовъ, которые имѣли болѣе твердую государственную организацію и ея учрежденія. Для народа, преданнаго старинѣ и упорно хранившаго формы розничнаго, безгосударственнаго быта — государственныя учрежденія были, конечно, началомъ стѣснительнымъ и чуждымъ, и не могли имѣть той нравственно обязательной силы, какою пользовались его коренные обычаи; тѣмъ не менѣе, *de facto* — власть ихъ являлась стольже дѣйствительною, какъ и власть излюбленнаго обычнаго закона: имъ подчинялись по необходимости.

Таковы были два главные начала права, два закона, подъ дѣйствіемъ которыхъ проходила жизнь и развивалась культура балтійскихъ Славянъ. Иногда они дѣйствовали врознь, сами по себѣ, иногда сближались въ стремленіяхъ и даже основаніяхъ, обычное учрежденіе кое гдѣ становилось государственнымъ институтомъ, послѣдній входилъ въ обычай; но природа ихъ была различна, а отсюда — различна была и степень вліянія ихъ на жизнь народа. Не смотря на то, что обычное право являлось консервативнымъ, задерживающимъ началомъ, что оно старалось лишь сохранить существовавшія, многовѣковой практикой закрѣпленныя, формы быта и его порядки, все же оно было началомъ твердымъ, живою дѣйствующею силою, которая управляла частными и общественными житейскими отношеніями и связывала въ одно цѣлое отдѣльные члены обществъ и племенъ. Начатки государственнаго элемента не могли достигнуть такого значенія уже и потому, что остались на степени слабыхъ начатковъ, неуспѣвъ развиться въ твердую организующую и объединяющую силу. Для жизни и успѣховъ народной славянской культуры они не принесли никакихъ существенныхъ улучшеній, ничего, что могло бы укрѣпить основы быта, сплотить и упорядочить распатанные исторіей его элементы. Какъ слабо и безжизненно было у балтійскихъ Славянъ туземное государственное начало — всего яснѣе видно, наконецъ, изъ того, что оно съ удивительною скоростью и безъ всякой борьбы, незамѣтно переходитъ въ начало нѣмецкое. Только со времени этого самоуничтоженія оно получаетъ дѣйствительную силу и старается проявить ее прежде всего въ ревностномъ введеніи и утвержденіи германскихъ порядковъ.

Хотя всѣ славянскія племена, сидѣвшія на пространствѣ между рр. Лабой и Вислой, были самыми близкими родственными побѣ-

гами одной этнографической отрасли, тѣмъ не менѣе, относительно степени своего развитія, они представляютъ не мало различія, смотря по мѣсту жительства и болѣе или менѣе благоприятнымъ для успѣховъ культуры условіямъ. Племена, обитавшіе при морѣ, въ мѣстахъ, гдѣ происходила значительная торговая дѣятельность, вблизи городовъ, какъ Оботриты, сѣверные Лютичи и Поморяне — стояли, конечно, на несравненно высшей степени развитія, чѣмъ иные ихъ соплеменники, проживавшіе въ глухихъ мѣстахъ, среди болотъ и лѣсовъ, и т. обр. отчужденные отъ прочаго міра. Эта неравномѣрность распространенія культуры замѣтна кое-гдѣ и въ скупыхъ показаніяхъ источниковъ, ею объясняется не только различіе въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ однихъ племенъ отъ другихъ; но и вообще неравномѣрность въ развитіи правовой культуры балтійскихъ Славянъ: у однихъ государственная власть выступаетъ сильнѣе и значительно уже ограничиваетъ свободу обычнаго права, у другихъ она остается на степени простыхъ зародышей, а обычный законъ еще дѣйствуетъ полновластно; коегдѣ мы встрѣчаемся съ обыкновеніями единичными, дѣйствующими въ одной какой нибудь мѣстности и совершенно забытыми или вовсе неизвѣстными въ другой... Намъ нерѣдко придется указывать на подобныя явленія, и мы считаемъ важнымъ напередъ признать и отмѣтить такой фактъ, чтобы не дать повода видѣть обобщеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о частномъ, т. е. с.з. приходскомъ обычаѣ и учрежденіи, не переходящемъ за черту одного какаго нибудь племени.

Воль. По древнему праву европейских народов, женщина выступаетъ лицомъ, менѣе правоспособнымъ и меньшей юридической цѣнности, чѣмъ мужчина.

Это начало, не чуждое понятіямъ всѣхъ Славянъ, дѣйствуетъ во всей своей силѣ и въ бытѣ Славянъ балтійскихъ. Изъ послѣдующаго изложенія откроется, что а) мужескій полъ имѣетъ безусловное право на жизнь, женскій же — съ извѣстными ограниченіями, опредѣляемыми отцовскою властью; что б) наслѣдниками и владѣтелями семейнаго имущества являются мужчины, женщины же исключаются изъ наслѣдованія и иногда сами разсматриваются, какъ предметъ собственности или владѣнія: онѣ несутъ отвѣтственность за проступки, совершенные ихъ мужьями, подвергаются вмѣсто ихъ, или вмѣстѣ съ ними — наказанію, севестру или заключенію и продажѣ; что в) мужья могутъ отдать въ неволю своихъ женъ — наравнѣ съ рабами; что г) жены, какъ собственность мужей, слѣдуютъ за ними въ могилу, а не на оборотъ; что д) высшее, чего въ правовомъ отношеніи могли достигнуть женщины была опека надъ малолѣтними; наконецъ — самые источники, прямо или косвенно, нерѣдко указываютъ на права мужскаго пола и очень рѣдко, почти никогда не говорятъ о правахъ лицъ женскаго пола.

Ясно, что женщина не пользовалась полной правоспособностью и, т. е. сл. заслоняясь мужчиной — не признавалась юридически самостоятельной личностью.

Еслибы, впрочемъ, у насъ не было достаточныхъ указаній на такой фактъ, то — довольно и однихъ общихъ справокъ съ исторіей балтійскихъ Славянъ, чтобы убѣдиться въ его необходимости. Тамъ, гдѣ бытомъ управляетъ внѣшняя боевая сила, гдѣ господствуетъ страсть къ отважнымъ предпріятіямъ, тамъ — женскій полъ не можетъ имѣть высокой, равной мужескому, цѣны и значенія: женщина стоитъ какъ бы внѣ общественной жизни и соприкасается съ нею только чрезъ посредство мужа и сыновей.

Мы увидимъ, что это начало не было проведено въ жизни съ логическою строгостью: въ пользу женщины здѣсь говорили многія природенныя чувства и значительно смягчали ея положеніе; но по праву и закону женскій полъ стоялъ и признавался гораздо ниже мужскаго.

Семья и родъ. Сколько можно судить по отрывочнымъ и скуднымъ показаніямъ источниковъ — господствующею юридическою формою частнаго быта у балтійскихъ Славянъ была семья или союзъ семейный. Союзъ родовой, какъ совокупность всѣхъ родичей, происходящихъ отъ общаго корня и связанныхъ между собою извѣстными юридическими отношеніями, правами и обязанностями, словомъ — какъ правная форма жизни — почти вовсе не видѣнъ: родственныя отношенія остаются на степени нравственной силы, не имѣя силы юридической и не дѣйствуя, какъ таковая.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что именованіе деревень и сельбищъ у балтійскихъ Славянъ представляетъ очень немного именъ родовыхъ; да и они еще не даютъ права заключать о существованіи юридическаго рода, ибо родовымъ именемъ могло обозначаться сожителство нѣсколькихъ отдѣльныхъ семействъ, хотя и пошедшихъ отъ одного родоначальника, но не стоящихъ въ правномъ родовомъ союзѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и о такихъ по названію родовыхъ племенахъ, какъ Лютичи-Велетовы, Любичи, Лѣтчи, Земчичи итд.: дѣйствительное или воображаемое [фиктивное] происхожденіе ихъ отъ общихъ родоначальниковъ не представляетъ еще ручательства, что юридической формой быта ихъ былъ родовой союзъ; такъ-какъ родовыя наименованія могутъ держаться очень долгое время и по совершенномъ разложеніи рода. Въ свидѣтельствахъ исторіи мы встрѣчаемъ нравственное вліяніе родоваго начала¹⁴⁷, но вліянія юридическаго почти не видимъ. Говоримъ — почти, потому что все же есть нѣсколько случайныхъ историческихъ фактовъ, которые какъ бы указываютъ, что „родовой союзъ“ нѣкогда присутствовалъ и дѣйствовалъ въ бытѣ балтійскихъ Славянъ, но уже въ древнюю эпоху разложился, оставивъ по себѣ одни незначительныя слѣды и воспоминанія¹⁴⁸. Такое

147. Эбокиъ говоритъ о какомъ-то знатномъ Домиславѣ, что по его волѣ „uni-versa tam publica, quam privata disponebantur negocia. Nam et pars maxima urbis Stetinensis propinquis et affinis Domizlai repleta; sed et in aliis circumiacentibus regionibus, tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset“.. Ebonis Vita Ottonis, II, 9; cf. Heribordi Dialogus II, 28.

148. См. ниже, въ статьѣ „о наследствѣ“; тамъ собраны относящіеся сюда мѣста изъ источниковъ.

явленіе не покажется страннымъ, если припомнить, что крѣпость родового союза зависитъ отъ большей или меньшей степени патриархальности и спокойствія быта. Полное господство родового быта, „родъ“ чистой формы относится къ незапамятной эпохѣ славянской старины; во времена историческія мы имѣемъ только обломки отъ этого стараго союза, у каждаго племени смотря по обстоятельствамъ жизни: чѣмъ болѣе народъ жилъ по старинѣ и хранилъ ея начала, чѣмъ менѣе онъ былъ захваченъ исторіей, тѣмъ ярче въ его бытѣ остались слѣды родового правнаго начала, родовыхъ порядковъ и установленій. Потому Славяне восточные и юго-западные сохранили начала родового быта въ гораздо большей свѣжести, чѣмъ Славяне западные, Чехи и Поляки¹⁴⁹; а послѣдніе, въ свою очередь, въ большей свѣжести, чѣмъ Славяне балтійскіе, исторія которыхъ началась рано и шла такой неровной, тревожной дорогой.

Какъ бы то нибыло, съ той поры, какъ балтійскіе Славяне становятся извѣстны, присутствіе и дѣйствіе родового начала въ ихъ правомъ бытѣ обнаруживается такими поблѣклыми, слабыми чертами, что можно считать родъ уже разложившимся. Онъ, быть можетъ, существовалъ еще только по тѣмъ уединеннымъ, заброшеннымъ среди болотъ и лѣсовъ, племенамъ, которыхъ почти не коснулась исторія и ея свидѣтельства.

Вездѣ, напротивъ, нормальною формою быта выступаетъ союзъ семейный, состоящій изъ мужа-отца, жены-матери, дѣтей ихъ и иногда—стариковъ родителей.

Источники представляютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, заслуживающихъ быть замѣченными. Такъ, счетъ жителей въ Поморьѣ шелъ по семьямъ, т. е. по отцамъ семействъ: въ Штетинѣ жило такихъ отцовъ около девяти сотъ¹⁵⁰. Болеславъ III обязывалъ Поморянъ къ военной помощи слѣдующимъ образомъ: девять отцовъ семействъ снаряжаютъ на войну оружіемъ и продовольствіемъ десятого и во время его отсутствія пекутся о его домѣ и семьѣ¹⁵¹. Здѣсь разумѣются, конечно, не роды, а семьи:

149. Объ остаткахъ родового союза у Поляковъ см. ст. Röpell'a: „über den Geschlechtsverband“ въ приложеніяхъ къ его Geschichte Polens, Nam. 1840, p. 559—614.

150. „In tam ingenti ciuitate [Stetina], que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona“... etc. Herbordi Dialogus II, 34.

151. „Si bellum ingruerit ei [principi Polonorum], hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter prouidebunt“... Herbordi Dialogus II, 30.

ибо нельзя же думать, что въ то время въ Штетинѣ, какъ бы ни былъ обширенъ городъ, проживало девятьсотъ родовъ, не считая дѣтей, женщинъ и остальнаго множества, т.к. скз. безродныхъ. Постановленіе Болеслава прямо указываетъ на дробныя семьи, какъ на правную единицу частнаго быта: забота о семьѣ во время отсутствія отца-покровителя—при родовомъ устройствѣ немислима.

Вспомнимъ еще, что и подать съ балтійскихъ Славянъ взи-малась не съ общаго количества обработанной земли, какъ было бы умѣстно при родовомъ владѣніи; но съ числа сохъ или количества рабочаго скота, какъ вполне умѣстно въ семейномъ, единичномъ хозяйствѣ¹⁵².

Далѣе, въ продолженіи нашего изложенія, мы встрѣтимся съ еще болѣе разительными доказательствами правнаго господства семейнаго, а не родоваго начала жизни.

Семейно-родовые термины, сохранившіеся въ языкѣ, указываютъ на такія же развитыя родственныя отношенія, какія были и у дру-гихъ Славянъ¹⁵³.

Бракъ. Источники представляютъ очень мало данныхъ для заключеній о юридическихъ условіяхъ брачнаго союза и вообще о правахъ брака у балтійскихъ Славянъ. Съ полной достовѣрностью намъ извѣстно въ этомъ отношеніи очень не-многое.

Многоженство. У балтійскихъ Славянъ существовалъ еще обычай многоженства. О немъ дошли довольно опредѣленныя указанія.

Въ прощальномъ наставленіи къ жителямъ г. Пырицы еписк. Оттонъ, по передачѣ его біографа, запрещалъ имъ имѣть многихъ женъ:

„Vos qui usque ad haec tempora non christiani sed pagani fuistis, sacramentum coniugii non habuistis; quia fidem uni thoro non ser-uastis, sed, qui uoluistis, plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licebit. . Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat...¹⁵⁴“

Ставъ христіаниномъ, поморскій князь Вартиславъ и многіе

152. См. выше, стр. 89, nn. 67.

153. „ота [eyta, eyda], мати [motáy, mohtey], сыно [sánka, sónka], воцрокъ [woatrick], дѣвка [dėwka, deefka] = дочь; братъ, братецъ [brot, brotat, brúdatz], сестра [sėstra], стрия [straja, straga, streujah], вуя [waua waujah], тетя [teta? tetang], дѣдъ [? dėdan], баба [baba], ма-течка [motechga] = мачеха; зять, зятикъ [santick, ssantk] = женихъ и зять въ теперешнемъ смыслѣ.

154. Herbordí Dialogus II, 18.

другіе еятовенно отказались отъ многихъ женъ, которыхъ дотолѣ имѣли:

„coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quatuor concubinas, quas ritu gentili sue legittime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii complures eiusdem enormitatis presumptores, abiurata et ipsi coniugum pluralitate, uno thoro exemplo ducis fidem seruaturus polliciti sunt¹⁵⁵“.

По обращеніи Штетинны въ христіанство — жители также отрекаются отъ многоженства:

„Emundata ciuitate [Stetina] ab immanitate scelerum et spurcitarum, abdicata etiam coniugum pluralitate.. fiunt cathecismi per uicos et capita platearum..¹⁵⁶“.

Въ собственномъ отчетѣ еп. Оттона о его дѣйствіяхъ въ Поморьѣ говорится, что онъ внушилъ, туземцамъ, чтобы каждый довольствовался одною только женою:

„unus quisque contentus sit una uxore¹⁵⁷“.

Изъ извѣстію Адама бременскаго о многоженствѣ у Шведовъ его схоластъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тотъ же обычай существуетъ у Славянъ и другихъ народовъ:

„Quo morbo Sclauī laborant et Parti... etc.“¹⁵⁸.

Наконецъ, въ грамотѣ [1249 г.] папскаго легата Якова, говорится, что „неофиты“ обѣщали впредь не имѣть по двѣ или по нѣскольку женъ:

„promiserunt [Neophyti] quod duas uel plures uxores simul de caetero non habebunt, sed una sola contenti cum ipsa contrahet unusquisque sub testimonio competentī“¹⁵⁹.

Многоженство представляется, гл. обр., по видимому несомнѣннымъ обычнымъ фактомъ народной жизни на славянскомъ Поморьѣ

Разсмотримъ же бытовую силу и правовое значеніе обычая, т. е. степень его распространенія въ народѣ, юридическія условія и слѣдствія его существованія.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ трудно сдѣлать какое нибудь положительное въ этомъ отношеніи заключеніе. Первое изъ нихъ есть часть увѣщательной рѣчи, обращенной еп. Оттономъ къ жителямъ Пирицы и окрестныхъ мѣстностей; легко потому подумать, что многоженство было довольно сильно распространено среди самаго народа. Но, взглядываясь ближе во всѣ обстоятель-

155. Ibidem, II, 22.

156. Ibidem, II, 34.

157. Ebonis Vita Ottonis, II, 12.

158. Adami brem. Gesta IV, 21, sch. 127.

159. Dreger Codex diplomaticus . . St 1748, p. 290.

ства дѣла, приходится отказаться отъ такого заключенія. Прежде прочаго — рѣчь Оттона въ текстѣ его жизнеописателя [Герборда] — не дѣйствительная рѣчь бамбергскаго миссіонера, а досужее сочиненіе біографа, которому показалось приличнымъ чтобы епископъ, на прощаньи съ новообращенными, сказалъ имъ наставительное слово, соединявшее ученіе вѣры и правила христіанской жизни съ обличеніемъ поморскихъ нехристіанскихъ уклоненій отъ нихъ. На этотъ конецъ — литераторъ Гербордъ сочинилъ рѣчь, въ которой собралъ въ общихъ чертахъ все, что могъ узнать о языческихъ обихованіяхъ балтійскихъ Славянъ отъ Сефрида и прочихъ свидѣтелей очевидцевъ. Онъ зналъ, что у Поморянъ существовалъ еще обычай многоженства и потому заставилъ Оттона обличить его грѣховность. Вотъ почему, не отвергая общей справедливости его показанія, какъ свидѣтельства о существованіи явленія, нельзя довѣряться его т.к. скз. частной справедливости, примѣнительно къ данному случаю, нельзя придавать ему значеніе обстоятельнаго, исторически точнаго извѣстія. Но пойдѣмъ далѣе: допустимъ даже, что бамбергскій проповѣдникъ дѣйствительно подобнымъ, или близкимъ къ этому — образомъ убѣждалъ народъ отвергнуть обычай многоженства, все же и тогда мы должны оставить за такимъ извѣстіемъ лишь значеніе общаго, глухаго факта; ибо Оттонъ явился въ страну Славянъ съ готовыми свѣдѣніями о темныхъ, нечестивыхъ обычаяхъ ихъ языческой жизни: онъ напередъ, конечно, зналъ о существованіи у нихъ противнаго христіанскому закону обычая многоженства и не могъ не вооружиться противъ него при первомъ началѣ своей дѣятельности, при первой проповѣди.

Гораздо опредѣлительнѣе и, потому, гораздо важнѣе — второе свидѣтельство. Князь Вартиславъ отказывается отъ двадцати четырехъ наложницъ, которыхъ, по условіямъ языческой жизни и обычаю, онъ имѣлъ сверхъ законной жены; по примѣру князя отъ многоженства отказываются и многія другія лица. Позволительно думать, что т.к. обр. обычай не былъ общенароднымъ; имъ пользовался князь и нѣкоторые другія лица, но не всѣ; да и они, кромѣ побочныхъ женъ — имѣли одну законную, признаваемую за таковую, стало бытъ — *de iure* у нихъ существовало и дѣйствовало начало моногаміи..

Последніе четыре свидѣтельства слишкомъ глухи: они утверждаютъ только существованіе факта.

Итакъ, прямыя извѣстія источниковъ мало разрѣшаютъ вопросъ о степени распространенности обычая многоженства. Обратимся

въ показаніямъ косвеннымъ, домашнимъ и взятымъ изъ древняго быта прочихъ славянскихъ племенъ.

За вычетомъ біографовъ Оттона и схолиаста. Въ Адаму бременскому — никакой другой свидѣтель исторіи и быта балтійскихъ Славянъ не говоритъ о существованіи у нихъ обычая многоженства: ничего подобнаго, ни даже далекаго намека на него — мы не находимъ ни въ самомъ текстѣ Адама бременскаго, ни у Титмара, ни у Гельмольда, ни у Саксона Грамматика; а они, кажется, должны были бы замѣтить такое рѣзкое явленіе славянскаго быта, особенно тамъ, гдѣ имъ приходилось касаться условій семейной жизни, или говорить о паденіи язычества и замѣнѣ его порядковъ христіанскими. Вамбергскіе миссіонеры довольно близко были знакомы со многими знатными людьми поморской земли и ихъ семьями¹⁶⁰, и нигдѣ, кромѣ указаннаго случая, они неупоминаютъ о многоженствѣ; епископъ Герольдъ [вмѣстѣ съ Гельмольдомъ?] прошелъ Вагрю, былъ гостепріимно принятъ и угощаемъ княземъ Прибиславомъ и другимъ знатымъ мужемъ Тессемиромъ; онъ очень многое видѣлъ, слышалъ и передалъ касательно образа жизни, языческихъ вѣрованій и обычаевъ Славянъ; но обычай многоженства остался ему неизвѣстенъ; по обращеніи Прибислава въ христіанство — графъ Адольфъ и священникъ Бруно нашли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя постановленія, запрещающія обычай языческой жизни; между ними также — нѣтъ помина о многоженствѣ¹⁶¹. Такія „argumenta a silentio“ — не могутъ быть оставлены безъ вниманія: они, по крайней мѣрѣ, даютъ право думать, что обычай въ бытѣ балтійскихъ Славянъ X—XII вв. не имѣлъ особой жизненной силы и широкаго распространенія, иначе онъ былъ бы болѣе замѣченъ людьми, съ ними соприкасавшимися или неравнодушными къ успѣхамъ христіанской жизни на балтійскомъ поморьѣ.

Что находимъ мы у другихъ Славянъ?

Извѣстія арабскихъ писателей на этотъ разъ для насъ останутся всторонѣ: они и неопредѣленны и незначительны; важнѣйшее изъ нихъ указываетъ только, что у Славянъ бывало по три жены¹⁶²; но какіе Славяне разумѣются здѣсь, въ какой мѣрѣ распространено было между ними многоженство — это остается во-

160. Herbor di Dialogus II, 24. 26—29; III, 14 sq. E b o n i s Vita Ottonis II, 8—9; III, 12, 15.

161. Hel m o l d i Chronica I, 82, 83.

162. Ибнъ-Даста [х в.]: „если у покойника [Славянина] было три жены...“ etc., у Хвольсона: Извѣстія о Хозарахъ Буртасахъ... Спб 1869, стр. 30, cf. стр. 130 sq.

просомъ. Нѣсколько опредѣленнѣе извѣстія польскія, чешскія и русскія.

Мартинъ Галль говоритъ, что Мѣшко по языческому обыменованію имѣлъ семь женъ; Кадлубекъ, риторически распространяя это извѣстіе, даетъ какъ будто-бы разумѣть, что самъ Мѣшко называлъ ихъ своими женами, стало быть — признавалъ законными.¹⁶³ Такъ именно и понималъ слова Кадлубека Лелевель, опровергая ими мнѣніе позднѣйшихъ писателей, что это были наложницы¹⁶⁴. Доказательство — едва ли достаточное: дѣло не въ названіи, не въ имени, а въ предметѣ; тогда только можно было говорить о законности ихъ, когда бы браки съ ними были заключаемы по закону, съ обычною торжественно-обрядовою правною обстановкою, какъ всегда заключались и заключается настоящіе браки у племенъ, возвысившихся надъ грубою степенью первобытной звѣрской культуры, или когда существовали бы на лицо ясныя правныя послѣдствія такихъ браковъ, напр. въ равноправномъ наследованіи женъ по смерти мужа и дѣтей отъ разныхъ женъ по смерти отца итп., но такихъ послѣдствій не было: всѣ жены Мѣшка остались безплодны, что и побудило его отпустить ихъ и жениться на Домбровѣ. Вопросъ о законности остается тѣ. обр. неразрѣшеннымъ; но фактъ, что языческій обычай допускалъ многоженство сохраняетъ свою силу. Распространеніе обычая — не видно; изъ молчанія о немъ лѣтописцевъ можно заключать, что онъ былъ не силенъ; напротивъ, слѣды дохристіанскаго единожества очень явственны: родоначальникъ княжеской династіи Пясть имѣетъ только одну жену, Рѣпку¹⁶⁵; говоря о языческомъ обычай женъ предавать себя смерти на гробѣ мужа, Титмаръ употребляетъ такіа выраженія, которыя заставляютъ предполагать о единоженствѣ, какъ явленія повсемѣстномъ¹⁶⁶. Далѣе, Мартинъ Галль говоритъ, что старшій сынъ Владислава Германа Сбигнѣвъ былъ рожденъ отъ наложницы, самъ отецъ будто-бы не признавалъ его законности, называя въ противоположность ему Болеслава [Кривоустаго] — своимъ законнымъ сыномъ¹⁶⁷;

163. „Adhuc tum in tanto gentilitatis errore inuoluebatur, quod sua consuetudine septem uxores abutebatur.“ Martini Galli Chronicon I, 5. „septem pellicum acortis, quas coniuges nuncupabat, nocturnas uariare uices consueuerat“, Winc. Kadlubkonis Chron. II, 8.

164. Lelewel: Rozpatrzenie niektórych względów i pomników prawodawstwa wiślickiemu uprzednich“, въ Polska wieków średnich, t. III, Pozn. 1859, стр. 409—410.

165. Martini Galli Chronicon I, 2.

166. Thietmari Chronicon VIII, 2.

167. „Zbigneus a Wladislawo duce de concubina progenitus?...“ Martini Galli Chronicon II, 4; „Bolezlaus legitimus filius, meus etc.“ Ibid. II, 8.

а между тѣмъ Сбигнѣвъ на дѣлѣ явился такимъ же дѣйствительнымъ наследникомъ, какъ и Болеславъ: онъ, по раздѣлу отца, получилъ во власть половину земли, да къ тому же еще—лучшую, болѣе любимую старымъ княземъ. При объясненіи этого возможны три предположенія: во первыхъ — что такой фактъ былъ слѣдствіемъ личной воли Владислава Германа и его личного расположенія къ старшему, хотя и незаконному — сыну; или — во вторыхъ, что въ язычествѣ и время близкое къ нему — сыновья, рожденные отъ наложницъ, признавались одинаково законными, какъ и сыновья настоящихъ женъ, или, наконецъ — въ третьихъ, что лѣтописецъ неправильно взглянулъ на бракъ князя съ матерью Сбигнѣва и потому неправильно объяснилъ себѣ и правовое положеніе ихъ сына. Случай, аналогически говорящій въ пользу перваго предположенія — существуетъ: Болеславъ Храбрый устранилъ отъ наследства старшаго своего сына Оттона Безбрана, какъ кажется — единственно по личному расположенію къ сыну отъ третьей жены, Кунильды¹⁶⁸; но едва-ли такія побужденія были у Владислава Германа: Сбигнѣвъ незадолго предъ раздѣломъ поднялъ мятежъ противъ отца и былъ заключенъ имъ въ темницу¹⁶⁹; потому едва-ли послѣдній могъ чувствовать къ сыну особую привязанность. При надѣлѣ Сбигнѣва Мазовіей, онъ руководился, конечно, не чувствомъ расположенія, а убѣжденіемъ въ законныхъ правахъ его. Равноправность сыновей, рожденных отъ законныхъ женъ и наложницъ — находитъ нѣкоторую поддержку въ примѣрѣ сыновей Св. Владимира и въ аналогическихъ явленіяхъ древне-сѣвернаго права, датскаго и шведскаго¹⁷⁰. Дѣйствительно, языческая древность нерѣдко опредѣляла права сыновей по ихъ происхожденію отъ отца, а не отъ матери: отъ какой женщины, жены или наложницы — ни произошелъ бы сынъ — все равно; если отецъ признаетъ его своимъ — онъ пользуется тѣми же правами, что и другіе сыновья... Если такъ было и у прочихъ Славянъ, если и Сбигнѣвъ получилъ права только въ силу подобнаго отцовскаго признанія, помимо своего происхожденія съ материнской стороны, то, очевидно, что все извѣстіе польскаго анналиста о немъ и его матери теряетъ всякое значеніе, какъ доказательство правнаго положенія многоженства: оно не будетъ свидѣтельствовать ни за, ни противъ законности обычая. Намъ кажется, однако, что такое объясненіе должно уступить въ вѣроятности своей предположенію о неправильномъ взглядѣ польскаго анналиста на событіе. Вмѣстѣ съ Лелевелемъ мы болѣе склонны думать, что

168. Lelewel Rozpatrzenie, etc. I. c. p. 418 sq.

169. Martini Galli Chronicon II, 4, 5.

170. Adami br em. II, 72; IV, 21; Helmoldi Chronica I, 49.

мать Сбигнѣва была наложницей только въ глазахъ лѣтописца, закупленныхъ церковнымъ канономъ¹⁷¹ и блескомъ славы его героя, Болеслава III; а не въ дѣйствительности. Она была настоящею женою Владислава, бракъ ихъ былъ дѣйствительнымъ бракомъ, но какъ женщина низкаго происхожденія, она не имѣла условій, требуемыхъ церковно-политическимъ канономъ для правильного брака съ лицомъ свободнымъ и благороднымъ, могла считаться наложницей, и была поэтому оставлена княземъ. До какой степени такой взглядъ мало согласовался съ дѣйствительными отношеніями видно изъ того, что никто не сомнѣвался въ законности Сбигнѣва и его правъ: „ему, по словамъ Кадлубка, болѣе вредили дурныя способности, чѣмъ подозрительное происхожденіе¹⁷²“. Сверхъ этого, кто внимательно въ историческую апотеозу Болеслава III, изображенную Мартиномъ Галломъ, для того не будетъ страннымъ встрѣтить въ оцѣнкахъ его всякія преувеличенія и крайности: всё свѣтлыя, благородныя и возвышенныя черты онъ собираетъ въ образъ своего героя, набрасывая мракъ, низость и порокъ на образы враговъ его. Что же удивительнаго, что подъ такою кистью мать неприятнаго ему Сбигнѣва явилась наложницею, а Болеславъ единственнымъ законнымъ сыномъ стараго князя!

Изъ разсмотрѣнія этого факта мы получаемъ только отрицательный для нашего вопроса результатъ, именно, что извѣстія польскаго лѣтописца о Сбигнѣвѣ и его матери не могутъ служить основаніемъ для мнѣнія о правомъ значеніи многоженства и о равноправности въ польской старинѣ дѣтей отъ наложницъ съ дѣтьми отъ законныхъ женъ.

Относительно чешской старины—древнѣйшее извѣстіе принадлежитъ Фредегару [ср. *l. p. s. VII*]: онъ рассказываетъ, что Само, ставъ правителемъ Славянъ, властвовалъ надъ ними тридцать пять лѣтъ и имѣлъ двѣнадцать женъ изъ рода Славянъ, отъ которыхъ родилъ двадцать двухъ сыновей и пятнадцать дочерей¹⁷³. Былъ ли Само родомъ Франкъ [*natione Francus*], или, какъ основательно полагалъ Палацкій—Славяниномъ, въ настоящемъ случаѣ—все равно: живя среди Славянъ, онъ, конечно, слѣдовалъ не чужеземному, а славянскому обычаю, тѣмъ болѣе, что жены его были

171. *Lelewel, Rozpatrzenie, etc. loc. cit. p. 424—5.*

172. „*Sbigneo non tam natalium suspicio, quam flagitiorum obfuere piacula*“ *Wincent. Kadlubk. Chron. II, 32. ap. Bielowski Monum. II, p. 328.*

173. „*Samo duodecim uxores ex genere Winidorum habebat, de quibus uiginti duos filios et quindecim filias habuit*“, *Fredegarîi Chronicon, s. an. 623, cap. 48*; заимствуемъ извѣстія изъ статьи Палацкаго „*Über den Chronisten Fredegar*“ въ *Jahrbücher des böhmischen Museums, I Band, Pr. 1880, p. 895.*

изъ рода Славянъ. Потому мы можемъ разсматривать показаніе Фредегара, какъ фактъ славянской древности.

Въ Канапаріевомъ [† 1004] житіи св. Войтѣха говорится, что главная причина, почему онъ въ первый разъ оставилъ Прагу — по собственному признанію, заключалась въ многоженствѣ ея жителей, „propter plures uxores unius uiri“¹⁷⁴. Слѣдуетъ ли видѣть здѣсь одновременное сожительство мужа со многими женами, или только частый разводъ и перемѣну жёнъ¹⁷⁵ — изъ текста не ясно: оба обычая могли быть въ одинаковомъ употребленіи, противъ обожъ могъ возставать благочестивый Войтѣхъ. Менѣе глухи показанія Козьмы пражскаго. Въ своей грубой идиллической картинѣ золотого чешскаго вѣка лѣтописецъ говоритъ, что у древнихъ Чеховъ въ началѣ не было никакого брачнаго союза „connubia erant illis communia,“ каждый, подобно звѣрямъ, случайно удовлетворялъ своимъ потребностямъ любви¹⁷⁶... Такъ-какъ подобное состояніе вовсе неизвѣстно исторіи и едва-ли даже мыслимо, то и нельзя не согласиться съ Палацкимъ, что чешскій лѣтописецъ вдался здѣсь въ чистую фантазію, далекую отъ всякой дѣйствительности¹⁷⁷; потому—его картина имѣетъ тѣ. сз. только историко-литературный интересъ, какъ ученое гаданіе XII в. о первобытныхъ временахъ народа, но не какъ свидѣтельство о его бытѣ въ древности. Подъ 1002 г. Козьма рассказываетъ, что чешскій князь Удальригъ не имѣлъ отъ законнаго брака дѣтей, но родилъ сына Бретислава отъ какой то женщины Божены, кото-

174. „Quod [т. е. уходъ Адальберта] maxime de tribus causis actum esse dicunt, qui huius rei ordinem ipso narrante comperierunt. Prima et uelut principalis causa propter plures uxores unius uiri...“ Vita et passio Sti Adalberti, с. 12, apud Bielowski Monum. I, p. 169.

175. Такъ склоненъ объяснить понятіе многоженства у Славянъ знамен. Добнеръ: W. Hagek — Annales bohemosum, Pr. 1768, II, p. 67, а за нимъ и Мацѣевскій, см. „Wielozęstwo u Słowian“ въ кн. Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, I, P. 1839, p. 233 sq. Последний вовсе отрицаетъ существованіе многоженства у Славянъ; но толкованіемъ, хотя бы и остроумнымъ, трудно устранить силу ясно засвидѣствованнаго факта. Потому объясненія Добнера и Мацѣевскаго могутъ быть допущены только по отношенію къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ старины, но далеко не всѣмъ.

176. „et ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulas ad noctes nonos probant hymeneos, et surgente aurora trium gratiarum copulam, et ferrea rumpunt uincula, et ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbam frondosae arboris sub umbra dulces carpebat somnos“. Scriptores rerum bohemicarum [ed. Dobrowsky et Pelzel] I, Pr. 1783, pag. 8.

177. Palacky: Würdigung d. alten böhmischen Geschichtschreiber, Pr. 1830, p. 21—22; его же Dějiny národu českého, t. I, P. 1862, p. 219.

рую ваялъ ради красоты ея, не разорвавъ, однако, прежняго брака; „потому что—поясняетъ лѣтописецъ, въ то время по желанію каждаго позволено было имѣть двухъ и трехъ женъ: одинъ отнималъ жену у другаго, жена чья нибудь брала другаго мужа. Что теперь [т. е. во время Козьмы] считается вѣжествомъ, то тогда было порокомъ, именно, если мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ. Люди жили, какъ грубые звѣри, имѣя общіе браки“..¹⁷⁸ Въ каноническомъ декретѣ Бретислава [у Козьмы подь 1039 г.] касательно народныхъ нравовъ читаемъ: „первымъ и самымъ важнымъ постановленіемъ моимъ будетъ, чтобы ваши браки, которые по сю пору вы имѣли, подобно грубымъ звѣрямъ, общими, какъ распутство — съ этого времени стали законными, единичными, нерасторгаемыми, чтобы мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ.“¹⁷⁹ Остановимся прежде прочаго на поступкѣ Удальрика. Что его союзъ съ Боженою былъ дѣйствительнымъ бракомъ, а не простымъ сожительствомъ—ясно не столько изъ того, что Бретиславъ пользуется полнымъ признаніемъ и правами законнаго сына, что еще при жизни отца онъ получаетъ отъ него въ удѣлъ Моравію, по смерти же его, за отреченіемъ дяди [Яромира], всходитъ на княжескій столъ и утверждается народомъ¹⁸⁰; сколько изъ того, что въ союзѣ съ церковью [еп. Северомъ] онъ издаетъ знаменитый декретъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ запрещаетъ незаконное брачное сожительство. Достигнуть власти могъ и сынъ отъ побочной жены, но едва-ли, будучи таковымъ, онъ издалъ бы подобное постановленіе, гдѣ самымъ рѣзкимъ образомъ осуждался поступокъ его отца, гдѣ и его собственныя права и власть, какъ лица рожденнаго отъ „нечестиваго распутства“, подрывались въ самомъ корнѣ. Причина, почему Удальрикъ вступилъ во второй бракъ, не расторгнувъ перваго, заключалась, кажется, въ томъ, что первый бракъ былъ церковный и могъ быть рас-

178. „Huic [duci Odalrico] ex legitimo matrimonio non est nata soboles propter infocunditatem coniugis: sed ex quadam foemina, nomine Boziena.. filium suscepit, quem Brzeczislaw appellari fecit.... Hanc continuo mittens Dux tulit in sua, nec tamen antiqua soluit connubia. Quia tunc temporis, prout cuique placuit, binas uel ternas coniuges habere licuit: nec nefas fuit uiro rapere alterius uxorem, et uxori alterius nubere marito.. Et quod nunc adscribitur pudori, hoc tunc fuit magno dedecori, si uir una coniuge, aut coniux uno uiro contenti uiuerent. Viuebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia“. Script. rerum bohemicarum I, p. 72.

179. „meum maximum et primum sit decretum, ut uestra connubia, quae hactenus habuistis ut lupanaria, et ceu brutis animalibus communia, amodo iuxta Canonum scita sint legitima, sint priuata, sint insolubilia, ita duntaxat, ut una uir coniuge, et coniux uno uiro contenti uiuant“. Ibidem, s. an. 1039, p. 110.

180. С е в а е P r a g. Chronica, sub an. 1021, 1037; Ibid. pag. 84, 88—9.

торгнуть только церковью; а послѣдняя непризнавала и недопускала развода. Удальригъ заключилъ второй бракъ, конечно, „usualiter“, по народному обычаю, — и онъ въ то время считался вполне законнымъ. Такимъ образомъ, передаваемое чешскимъ лѣтописцемъ событіе не можетъ быть рассматриваемо, какъ свидѣтельство о существованіи многоженства и еще менѣе — какъ свидѣтельство о правовыхъ послѣдствіяхъ его. Возвратимся теперь къ пояснительнымъ отзывамъ Козьмы пражскаго и декрету Бретислава. Первые — суть отзывы духовнаго лица, второй — преимущественно постановленіе церковное. Устранимъ же изъ этихъ свидѣтельствъ личные взгляды христіанскихъ канонистовъ, для которыхъ многоженство и легкая расторгимость браковъ въ языческой эпохѣ казались отсутствіемъ всякаго брака, распутствомъ или брагомъ общимъ, устранимъ также слѣдствія такого воззрѣнія, будто бы каждый по произволу отнималъ жену у другаго, а жена брала себѣ другаго мужа [!], будто-бы единоженство — считалось порокомъ, а многоженство добродѣтелью, и мы прійдемъ къ довольно твердому выводу, что въ началѣ XI в. въ Чехахъ еще существовалъ обычай многоженства. Одни разводы и многократныя заключенія новыхъ браковъ не вызвали бы упрековъ въ звѣрскомъ обычаѣ общности брака. Съ другой стороны, кажется что еслибы многоженство было повсемѣстнымъ, общимъ народнымъ обычаемъ, оно выразилось бы въ свидѣтельствахъ исторіи болѣе рѣзкими, опредѣленными чертами; сами канонисты не смѣшали бы съ нимъ явленій частаго расторженія браковъ и не соединили бы ихъ въ одно общее понятіе. Нѣкоторые изслѣдователи указывали еще на Краледворскую рукопись, будто бы въ ней также есть свидѣтельство о древне-чешскомъ многоженствѣ: „и вторгся чужой насильно въ землю отцовъ — поетъ Забой — и чуждою рѣчью велитъ намъ .. имѣть одну подругу на всемъ пути жизни, съ весны [юности] по Морану [смерть]“¹⁸¹. Мы не думаемъ, чтобы здѣсь непременно должно было видѣть указаніе на обычай многоженства: наказъ чужаго [т. е. духовенства] можетъ быть съ такою, и даже большею — вѣроятностью объясненъ въ смыслѣ вѣрности единому браку т. е. и запрещенія развода и вступленія во вторичный итд. бракъ; но допустимъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о многоженствѣ.., спрашивается — имѣетъ ли это указаніе условія настоящаго свидѣтельства? Думаемъ — никоимъ образомъ. Стоитъ только ближе взглянуть въ сантиментальное воздыханіе пѣвца обчичезающихъ порядкахъ быта, чтобы убѣдиться, что оно идетъ не

181. Въ пѣснѣ о Забоѣ и Славоѣ: „I pŕiide cuzi úsilno v dĕdinu, v cuzímí slovy zapovida... jedinu družu nám imĕti po putí vsiej z Vesny po Moranu“.

изъ жизни, а изъ подогрѣтаго антикварнаго чувства. Это—такая слабая, вывѣтрившаяся память о древнемъ обычаѣ, что какъ-то поневолѣ приходишь къ мысли о ея книжномъ источникѣ. Фактъ, донесенный даже преданіемъ, высказался бы ярче и свѣжѣе.

Русскихъ свидѣтельствъ о многоженствѣ мы не приводимъ — по ихъ общезвѣстности. Скажемъ только, что хотя они и указываютъ на нѣсколько большую силу обычая у русскихъ, чѣмъ у другихъ Славянъ¹⁸², но еще никакъ не даютъ права думать о широкомъ его распространеніи: правныя, исторически важныя послѣдствія многоженства — остаются не видны, и вообще обычай стоитъ какъ-то одиноко среди моногамическаго быта и его порядковъ.

Таковы слѣды славянской полигаміи въ историческихъ свидѣтельствахъ!

Соображая и оцѣнивая значеніе всѣхъ, приведенныхъ нами данныхъ, нельзя не прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Неизвѣстно, когда и изъ какихъ условій быта возникло и вошло въ обыкновеніе у Славянъ многоженство. Произошло ли оно путемъ самобытнымъ, или усвоено, какъ обычай чужеземный — рѣшить трудно. Всенароднымъ обычаемъ, какъ кажется, оно никогда не было; но можно думать, что во времена древнія, предшествовавшія положительной исторіи, у племенъ воинскихъ, гдѣ положеніе женщины было особенно сурово, оно имѣло довольно значительную силу и распространеніе и было правнымъ обычаемъ. Имъ, кажется, пользовались не одни только знатныя и богатыя лица, но и простолюдины — по мѣрѣ своего достатка. Существовали, конечно, и правныя условія и послѣдствія обычая, но память о нихъ утрачена: они не видны ни въ языкѣ, сохранившемъ строгую и обширную семейно-родовую терминологию, ни въ преданіяхъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ древности. Въ эпоху историческую IX—XII в. полигамія является у Славянъ уже въ очень ослабѣлой формѣ. Она коегдѣ сохраняется, но болѣе — какъ случайно уцѣлѣвшій остатокъ древняго обычая, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее народное обыкновеніе. Въ правѣ преобладаетъ начало единоженства: одна только жена считается законною, другія допускаются при ней, какъ жены побочныя. Вездѣ, гдѣ только въ свидѣтельствахъ исторіи упоминается и дѣйствуетъ чья либо жена, она является единичною: возлѣ нея вовсе не видно другихъ женъ равнаго съ нею достоинства, и бамбергскіе миссіонеры были со-

182. Мнѣніе о большей свѣжести обычая многоженства мы основываемъ на томъ, что русская „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ прямо говоритъ о бытованіи обычая въ средѣ народа, у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ.

вершено правы, называя жену Вартислава законною: она была таковою, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла — въ самой дѣйствительности; другія жены поморскаго князя были побочными, связь съ ними стояла какъ бы внѣ закона. Слѣдуя преданію, обычаю, очевидно — терпитъ или дозволяетъ многоженство, но не даетъ ему никакой правовой силы, не узаконяетъ его. Иными словами — многоженство рассматривается не въ смыслѣ правнаго условія семейной жизни, но какъ возможная случайность ея, до которой законъ не касается. Потому — какъ частное, не юридическое явленіе многоженство у балтійскихъ Славянъ, имѣя т. е. с.з. право существованія, не имѣло ни правовыхъ опредѣленій и ограниченій, ни правовыхъ послѣдствій. Нѣтъ основаній думать, что оно дозволено было только для князя и высшаго сословія и составляло какъ бы ихъ привилегію. Обычай и преданіе предоставляли, кажется, въ этомъ отношеніи свободу каждому: каждый могъ имѣть нѣсколько женъ по личной волѣ; но какъ бы ни было значительно число полигамовъ, оно зависѣло уже не отъ правнаго обычая, а отъ постороннихъ, неюридическихъ обстоятельствъ, личнаго расположенія и имущественнаго достатка. По всему этому — послѣдствія полигаміи балтійскихъ Славянъ могли быть только нравственныя, но не юридическія. Да и они ни одной чертой не обнаруживаются въ свѣдѣтельствахъ исторіи, такъ, что мы имѣемъ полное право сказать, что обычай многоженства, не смотря на отдѣльные случаи своего существованія, вымеръ въ своихъ основаніяхъ прежде, чѣмъ противъ него возвысила голосъ проповѣдники христіанства.

Вниземъ ли въ условія быта балтійскихъ Славянъ, мы также не найдемъ въ нихъ твердой почвы для жизни обычая многоженства, какъ явленія правнаго. Непосѣднѣйшій воинъ, чувствовавшій мало влеченія къ прочной семейной жизни, признававшій одни только грубыя доблести вѣшной силы — могъ, конечно, имѣть по разнымъ мѣстамъ нѣсколько женъ или наложницъ, отвѣчавшимъ его физическимъ потребностямъ; но подобныя явленія, возможныя всегда и вездѣ, не составляютъ еще правнаго многоженства: они казались таковымъ только глазамъ благочестивыхъ проповѣдниковъ и анналистовъ эпохи; историкъ же увидитъ здѣсь или слабый, безжизненный отголосокъ прежняго обычая, или — что вѣрнѣе — единичныя явленія, случайности, маловажныя въ исторіи славянской культуры IX—XII вв. Бытъ простаго народа — насколько онъ видѣнъ — вообще идетъ въ направленіи строго моногамическомъ: женщина стоитъ уже гораздо выше положенія рабыни, условливающаго полигамію, она — лицо нравственно признанное, какъ мать семьи и, т. д., даже опекунша своихъ дѣтей; семейный

союзъ является въ такомъ заключенномъ, крѣпкомъ видѣ, какой только можетъ быть при, исключительномъ господствѣ моногамическаго начала и его порядковъ.

Способы заключенія брака. Въ прямыхъ источникахъ мы не находимъ никакихъ указаній по этому предмету; но есть одно свидѣтельство косвенное. Оно — очень важно по своимъ обстоятельнымъ подробностямъ и заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Мы разумѣемъ свидѣтельство грамоты [1249 г.] папскаго легата архид. Якова¹⁸³. Судя строго, эта грамота не относится къ балтійскимъ Славянамъ: она обращена къ новокрещенымъ Пруссамъ, обитателямъ Помезаніи, Варміи и Натангіи и главнымъ образомъ говоритъ о прусско-литовскихъ языческихъ обыкновенияхъ¹⁸⁴, но такъ какъ архид. Яковъ былъ папскимъ легатомъ „in Polonia, Prussia et Pomerania“, такъ-какъ въ числѣ именуемыхъ здѣсь мѣстностей — встрѣчаются и славянскія имена¹⁸⁵, то — зная притомъ, что въ пограничной Помезаніи жили и Славяне, мы не можемъ оставить извѣстія этой грамоты безъ всякаго вниманія, хотя не можемъ въ тоже время ручаться за полное славянство ихъ. Приводимъ ихъ, какъ факты предположительно-возможные.

„Promiserunt [neophiti], quod nullus eorum de cetero filiam suam uendet alteri matrimonio copulandam et quod nullus uxorem filio emet uel sibi. Nam ex hoc talis inter ipsos consuetudo. sicut intelleximus inoleuit, qualis nec inter gentes ut uidelicet uxorem patris sui aliquis habeat [?]. Cum enim pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat. sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. Et ne aliquis hac de causa nouercam suam possit sibi uendicare ulterius in uxorem. uxores nec uendere nec emere promiserunt. Si tamen a sponso patri uel matri sponse uel e conuerso. uestes et alia clenodia data fuerint, uel promissa. uel si dos uiro uel donatio propter nuptias uxori data fuerit uel promissa secundum quod iura permittunt. hoc nullatenus prohibemus. Vnde promiserunt dicti Neophyti, quod nullus ex eis quacunque de causa nouercam suam ducet de cetero in uxorem, nec uxorem fratris sui,

183. Dregger: Codex diplomaticus oder Urkunden. so die Pommersch-Bugianschen etc. t. I, Stettin, f. 1748 p. 236 sq.

184. На этомъ основаніи грамоту не внесли въ свои Дипломаторіи ни Козегартенъ, ни Клемшинъ; а равно и мы не позволили себѣ поставить ее въ число источниковъ славянской религіозной древности, см. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 132—3.

185. „Potzloue, Butitz, Lyopiets, Chomer, Proiale, Reyditz“, etc.

pec etiam aliam sibi in primo. secundo. tertio uel quarto consanguinitatis uel affinitatis gradu attinentem¹⁸⁶“.

Разсматривая текст грамоты арх. Якова, не трудно замѣтить, что въ немъ указываются два рода правовыхъ брачныхъ обычаевъ: одни онъ запрещаетъ, другіе — дозволяетъ и какъ бы одобряетъ. Дѣйствительное существованіе первыхъ въ бытѣ „неофитовъ“ не подлежитъ сомнѣнію, иначе запрещеніе не имѣло бы смысла и не могло быть бы выражено такимъ положительнымъ образомъ [talīs inter ipsos consuetudo, sicut intelleximus, inoleuit]; существованіе же вторыхъ представляется далеко не столь яснымъ. Скорѣе даже, по смыслу рѣчи, можно полагать, что указывая на нихъ, папскій легатъ хотѣлъ обратить вниманіе новокрещенныхъ на добрыя, закономъ дозволенные брачныя обыкновенія, существующія въ иныхъ земляхъ; онъ тѣ. скз. рекомендуетъ ихъ вниманію народа. На это намекаетъ и выраженіе: „secundum quod iura permittunt“; права, разумѣется — церкви и христіанскаго государства; но никакъ не язычества, гдѣ и покушка женъ и женитьба на ближайшихъ свойственниковъ были дѣйствіями законными.

Мы приходимъ, тѣ. обр., къ слѣдующимъ заключеніямъ: вполне достовернымъ представляется, что

во первыхъ — бракъ совершался посредствомъ купли и продажи: отецъ семьи покупалъ для себя или сына невѣсту у ея родителей или семьи;

во вторыхъ — купленная жена считалась семейною собственностью или имуществомъ, и, по смерти мужа, переходила къ пасынку или деверю, какъ всякое другое наследство, потому —

въ третьихъ браки допускались между ближайшими родственниками, пасынкомъ и мачехой, деверемъ и невѣсткой.

Довольно вѣроятнымъ представляется обычай почетнаго даренія: женихъ дарилъ родителей невѣсты одеждами и другими вещами, а родители невѣсты, въ свою очередь, дарили жениха тѣмъ же.

Подъ сомнѣніемъ, пока, остается обычай получаемого мужемъ за женою — приданнаго и брачнаго порядка женъ — со стороны мужа.

Провѣримъ теперь эти данныя фактами древняго быта славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ опредѣлится большая или меньшая степень вѣроятной умѣстности указанныхъ явленій въ жизни Славянъ балтійскихъ.

Заключеніе брака посредствомъ купли и продажи невѣсты было, несомнѣнно, въ обычай славянской древности.

186. Dregger: Codex diplom., p. 290—1.

Даже протолковавъ въ иномъ смыслѣ ясныя показанія русской „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и новгородской „рядной“ записи XIII в.¹⁸⁷, мы не сможемъ, однако, отвергнуть живаго свидѣтельства подобныхъ обычаевъ, доселѣ бытующихъ у многихъ славянскихъ племенъ¹⁸⁸, не сможемъ и отказать въ известной долѣ убѣдительности и многочисленнымъ аналогіямъ, почерпнутымъ изъ жизни другихъ родственныхъ племенъ¹⁸⁹. Правда, продажа невѣстъ ничѣмъ не обнаружилась въ памятникахъ славянскаго права, законодательство оставляетъ ее безъ вниманія; но это потому, что такой актъ общаго права былъ исключительно обычаемъ частнаго быта, частнымъ договоромъ, который исполнялся немедленно, не влекъ за собою правовыхъ столкновений и споровъ, и потому не подлежалъ и не нуждался въ участіи правительственнаго суда и рѣшенія. Положительному закону здѣсь дѣлать было — нечего. Да къ тому, всѣ древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства уже относятся къ эпохѣ христіанской; церковь же могла не обратить вниманія на обычай, но никакъ не могла признать его и допустить въ законъ, такъ-какъ онъ оскорблялъ понятіе тайнства брака.

На нашъ взглядъ, обычно-правная продажа невѣстъ была прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ древняго понятія о женскомъ полѣ, какъ о родовой или семейной собственности или имуществѣ. Время полной силы и дѣйствія такого возрѣнія Славяне, какъ кажется, пережили еще въ эпоху доисторическую. Отъ времени, засвидѣтельствованнаго исторіей, до насъ доходятся только немногіе его отголоски, являющіеся то въ первобытной ихъ грубости, то уже въ смягченныхъ нравственнымъ развитіемъ образахъ. Если жена, какъ собственность мужа, живую слѣдовала въ могилу за нимъ, чтобы и въ другомъ мірѣ служить его нуждамъ и потреб-

187. Подъ годомъ 6496: вѣсть же [Володимиръ] за вѣно Грекомъ Корсунъ опять царицы дѣла...; подъ годомъ 6551: „и вѣсть Казимиръ за вѣно [за сестру Ярослава] людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ..“ Настоящая плата замѣняется здѣсь вознагражденіемъ другими равноцѣнными предметами. Толкованіе этихъ мѣстъ лѣтописи въ другомъ смыслѣ у Неволнина: *Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ* въ III т. Полн. Соб. Соч. Спб. 1857, стр. 131—2; В. Шульгинъ: *О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго*, К. 1850, стр. 20. Въ „рядной записи“ XIII в.: „и на дѣвцѣ Якимъ серебро взялъ..“ см. *Записки археолога*. Общ. т. III, Спб. 1851, стр. 221—250, объясн. И. И. Срезневскаго и Неволнина.

188. См. ст. Я. И. Ганеля: „Věno v právu slovanském,“ въ журн. *Právník*, t. X, Pr. 1871, pag. 798—799.

189. Grimm: *Deutsche Rechtsalterthümer*, pag. 420 sq.

ностям¹⁹⁰; если она за преступленіе мужа подвергалась секвестру, наравнѣ съ прочимъ его имуществомъ¹⁹¹, если отецъ семейства, обязавшійся платить заимодавцу известную сумму со всякаго отчуждаемаго семейнаго имущества, платилъ и за выдачу дочери въ замужство¹⁹², то при такомъ взглядѣ на жену или дочь — заключеніе брака посредствомъ купли и продажи является обычаемъ, естественно-необходимымъ, стоящимъ въ органической связи съ прочими правовыми понятіями и явленіями быта. Разсматриваемая какъ семейная собственность, невѣста, — съ одной стороны отчуждалась продажою, съ другой пріобрѣталась куплею. Въ остаткахъ языка балтійскихъ Славянъ, есть одинъ терминъ, какъ бы указывающій на такой способъ заключенія брака, это запитъе [zoreitje, soreutje], оно обозначаетъ „помолвку“ [Verlöbniss]: торговая сдѣлка т. е. скрѣпляется чрезъ питье чаши вина; обычай доселѣ господствуетъ у всѣхъ Славянъ, преимущественно между простымъ людомъ.

Нельзя также оставить безъ вниманія одного извѣстія у Саксона Грамматика. Передавая, на основаніи древней саги, подвиги Фротона III, Саксонъ говоритъ, что онъ внушилъ Рутенамъ [„Rutheni“] заключать браки не иначе, какъ посредствомъ покупки женъ:

„praecipit. ne quis uxorem nisi emptitiam duceret. Venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat, tutiorem matrimonii fidem existimans, quo pretio firmaretur“¹⁹³.

Хотя извѣстіе это и не имѣетъ строгаго историческаго характера, но, нѣтъ сомнѣнія, основаніемъ ему послужилъ замѣченный Датчанами славянскій обычай заключенія браковъ посредствомъ купли невѣсты. Обычай издавна бытовалъ у Датчанъ¹⁹⁴; встрѣтись съ нимъ и на славянской почвѣ, слагатель саги, по чувству патриотизма, увидѣлъ здѣсь доказательство датской власти и вывелъ происхожденіе его отъ Датчанъ, сочинивъ будто Фротонъ утвердилъ его между погоренными Славянами. Полубаснословная обстановка извѣстія, т. е. обр., нисколько не мѣшаетъ признать его за весьма важное свидѣтельство о славянскомъ обычѣ покупки женъ. Кто таковы были „Рутены“ саги — сказать трудно. Ближе всего подумать о Руянахъ, съ которыми Датчане сносились и мѣрились съ

190. Наше изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, М. 1868, стр. 230 вк. и ниже, стр. 96.

191. См. ниже, въ отдѣлѣ „правнаго положенія женъ“.

192. Ibidem, въ отдѣлѣ „договоровъ“.

193. Saxonis Grammat. Historia I, lib. V, pag. 235.

194. Saxonis Grammat. Historia, pars posterior, notae uberiore. Haun. 1858, p. 156—7.

незапамятныхъ временъ. Названіе „Rutheni“ для Руянъ, правда, не обыкновенно, но, какъ видно изъ „Жизнеописаній“ Оттона бамбергскаго, не — единственно¹⁹⁵.

Утверждая вѣроятное существованіе обычая продажи невѣсты у балтійскихъ Славянъ, мы тѣмъ самимъ признаемъ и возможность возрѣнія на жену, какъ на семейную собственность: она приобрѣталась на семейныя средства и потому, вмѣстѣ со всякимъ другимъ имуществомъ, могла подлежать дѣйствию обычныхъ имущественныхъ отношеній и переходить по наслѣдству въ собственность пасынка или деверя. Такихъ логически-естественныхъ правовыхъ послѣдствій покупки жены не знаютъ, впрочемъ, ни положительная исторія, ни положительныя законодательства Славянъ; но что они могли существовать, это — ясно изъ вышеуказанныхъ фактовъ, гдѣ жены т. е. скз. подвергались участи предметовъ имущества. Сюда подойдетъ и замѣченный саксонскимъ лѣтописцемъ случай отдачи женъ въ рабство у балтійскихъ Славянъ, если въ этомъ происшествіи позволительно видѣть дѣйствіе права, а не вынужденный обстоятельствами поступокъ¹⁹⁶.

Итакъ, совершеніе брака посредствомъ купли и продажи, а равно и значеніе лицъ дочерей и женъ, какъ предметовъ семейной собственности, было вполне умѣстно въ бытѣ балтійскихъ Славянъ: существованіе перваго обычая представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; существованіе втораго понятія и его послѣдствій представляются, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ для эпохи болѣе древней. Плата за невѣсту могла быть живымъ, дѣйствующимъ обыкновеніемъ, имущественное значеніе лицъ женскаго могло быть остаткомъ грубыхъ обычаевъ прежняго времени, уцѣлѣвшимъ вопреки развитію и господству другихъ болѣе мягкихъ понятій и обыкновеній, о которыхъ мы распространяемся ниже.

Довольно близкое родство и свойство въ древнемъ бытѣ Славянъ не признавались препятствіемъ къ вступленію въ брачный союзъ: оно стало имъ со времени утвержденія христіанства, подъ вліяніемъ церкви. У насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія дѣйствовавшаго въ этомъ отношеніи обычая, но приведенныя Лелевелемъ указанія изъ польской древности¹⁹⁷ даютъ право заключать, что браки были законно допускаемы между дѣть-

195. Herbor di Dialogus III, 30, 31; Ebonis Vita Ottonis III, 23.

196. Widukindi Res gestae I, 86; см. ниже, въ отд. мужиной власти“.

197. Lelewel: „Rozpatrzenie niektórychъ względów i pomnikówъ prawodawstwu wiślickému uprzednichъ“, въ Polska wiekówъ średnichъ, t. III, Pozn. 1859, pag. 422—423.

ми родныхъ братьевъ, сестеръ, брата и сестры. Тѣмъ болѣе представлялись правильными браки между свойственниками, мачехой и пасынкомъ, деверемъ и невѣсткой. Слѣдовательно, и отмѣченный грамотою арх. Якова обычай былъ вполнѣ уместенъ и возможенъ въ бытѣ Славянъ балтійскихъ. И дѣйствительно, мы находимъ ясныя слѣды въ отчетѣ бамбергскаго еп. Оттона о его просвѣтительной дѣятельности въ Поморьѣ: здѣсь онъ говоритъ, что имъ воспрещены браки у туземцевъ между свойственниками и ближайшими родственниками:

„interdixit ne quis commatrem suam ducat in uxorem, neque propriam cognatam suam usque in sextam et septimam generationem¹⁹⁸.“

Обычные порядки жениха родителямъ невѣсты и наоборотъ по самому существу своему были скорѣе дѣйствиельно нравственнымъ, чѣмъ правнымъ: обычай въ этомъ отношеніи едва-ли имѣлъ непреложную обязательную силу, т. е. едва-ли неисполненіе его могло служить законнымъ препятствіемъ къ заключенію брака. Потому и брачное право Славянъ вовсе не знаетъ такого способа обычнаго даренія. Слѣды его, однако, еще видны въ обыкновеніяхъ простаго народа на Руси, въ Чехахъ и другихъ славянскихъ земляхъ: обыкновенно, только родители невѣсты дарятъ жениха. Смыслъ обычая — ясенъ: это — уваженіе и почетъ, оказываемые къ личности родителей невѣсты женихомъ и — къ лицу послѣдняго родителями; своимъ подаркомъ они къ тому же — какъ-бы полагали первое основаніе семейному хозяйству будущаго зятя.

Строго юридическое значеніе имѣютъ, напротивъ — обычай приданнаго [dotis] и обычай брачнаго даренія мужа своей женѣ [donationis propter nuptias]. Мы замѣчали, что изъ словъ объясняемой нами грамоты еще никакъ нельзя дѣлать положительнаго вывода, что эти обычай бытовали у „неофитовъ“, мы скорѣе предполагали здѣсь указаніе на чужеземные брачныя порядки. Чѣмъ глубже мы всматриваемся въ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ истинѣ нашей догадки. Понимая обычай приданнаго не въ смыслѣ дѣйствія доброй воли родителей и ихъ любовнаго чувства къ дочери [это — возможно вездѣ и всегда], а какъ дѣйствіе, истекающее изъ твердаго, признаннаго права дочери на часть семейнаго имущества, мы рѣшительно должны отвергнуть его существованіе, какъ у „неофитовъ“ такъ и вообще — у древнихъ Славянъ. Право на приданное необходимо вытекаетъ изъ права на участіе въ семейномъ наслѣдованіи: безъ этого — обычай бу-

198. Ebonis Vita Ottonis, II, c. 12.

детъ только обычаемъ нравственнымъ, случайно-возможнымъ, но не общеобязательнымъ, не юридическимъ. „Неофиты“, о которыхъ говоритъ грамота, еще не доросли до признанія за женщиной правъ на часть семейнаго имущества: наследниками по закону были у нихъ только лица мужескаго пола, сыновья, а не дочери. Какое же приданное могли получать онѣ при отсутствіи права на него? Очевидно — только то, которое могла удѣлить имъ добрая воля и любовь родителей, т. е.—т. е. скз. приданное безправное, определяемое только нравственными отношеніями. Далѣе. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о бытѣ древнихъ Славянъ [приблизительно до эпохи христіанства и вѣка два — три по немъ], но ихъ достаточно для убѣжденія, что единственно возможный родъ приданнаго въ это время было также приданное безправное, зависѣвшее отъ чувства и воли родителей и родичей. При нераздѣльности родовой или семейной собственности, при правомъ, исключительномъ господствѣ въ родѣ или семьѣ лицъ мужескаго пола, при общей шаткости правъ женщины и ея зависимомъ, подчиненномъ положеніи, какъ юридическаго лица, она могла владѣть вещью только въ силу передачи этой власти лицомъ правоспособнымъ, и поэтому могла получить приданное, какъ даръ, но не какъ неотъемлемую собственность, приходящую ей по праву. Дѣйствительно, ни въ одномъ свидѣтельствѣ исторіи о древнемъ бытѣ Славянъ, ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ нѣтъ законодательствъ мы не находимъ никакаго опредѣленно — твердаго указанія о правѣ лицъ женскаго пола на часть семейнаго имущества и слѣдовательно — на приданное по закону. Право это начинаетъ проявляться не ранѣе конца XII, начала XIII в. — и то въ такой формѣ и обстановкѣ, которая даетъ разумѣть, что обычай былъ еще очень молодъ, неуспѣлъ установиться и окрѣпнуть въ твердый законъ¹⁰⁰. Отрицая существованіе въ древнемъ бытѣ Славянъ приданнаго по праву, мы вовсе не думаемъ отрицать обычая давать приданное дочерямъ, сестрамъ итд. Основанный на естественномъ чувствѣ семейно-родственной любви — обычай могъ быть очень древенъ и постояненъ въ своемъ дѣйстви. Изъ него, конечно, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, не безъ вліянія б. м. христіанства

100. Lelwel: „Historyczny rozbiór prawodawstwa cywilnego i kryminalnego“., loco cit. стр. 55—56; Haněl: „Věno v právu slovanakém“, loc. cit. pag. 518 sq. Обычай вытекаетъ не изъ права, а скорѣе изъ дѣйствія доброй воли; онъ распространяется преимущественно между высшимъ сословіемъ, гдѣ, выражаясь словами Лелвеля: „dziwna ślepota niemieckim pierwszeństwem dawała zywuskojom“; самые случаи обыкновенія — очень немногочисленны..

и чужеземнаго права [византійскаго и нѣмецкаго], выросъ институтъ приданнаго по праву, гдѣ женщина выступаетъ уже лицомъ правособнымъ, владѣющимъ вещью не на основаніи передачи ей власти другаго, но самостоятельно, по своей природѣ.

Итакъ, если въ бытѣ балтійскихъ Славянъ было умѣстно приданное [плата за невѣсту — не исключаетъ его: и то и другое могутъ уживаться рядомъ], то только въ своей первоначальной формѣ, какъ обычай родственнаго даренія, но не какъ дѣйствіе, вышедшее изъ ясно признаннаго права лицъ на долю въ семейномъ имуществѣ. Обычай даетъ, т. е. обр., значительное свидѣтельство о не низкомъ нравственномъ положеніи женщины въ семьѣ; но еще не можетъ служить доказательствомъ ея высокаго положенія правнаго!

Брачное дареніе мужа или жениха [*donatio propter nuptias*“ а также и *„dos“*] упоминается и въ поморскихъ грамотахъ, хотя довольно рѣдко —, собственно два раза: такъ въ грамотѣ Анастасіи 1224 г., вдовы князя Богуслава I, говорится, что она получила отъ мужа поземельную собственность, какъ брачное дареніе и владѣетъ ею и по его смерти, съ дозволенія сыновей:

*„domum ancillarum Christi in dote mea, quam a marito meo recepi. quam et post mortem ipsius. filiis meis michi concedentibus. tenui inconsulsam.. de meis facultatibus edificare [dignum duxi]“*²⁰⁰.

Въ грамотѣ Барнима I, 1249 г., которою утверждаются наследственныя владѣнія знатнаго мужа Боранты, говорится, что ему должна принадлежать вся мѣстность Стрыня, часть которой, однако, въ видѣ законнаго залога, онъ обязалъ за пятьсотъ марокъ серебра, данныхъ, какъ брачное дареніе, при помолвкѣ какаго-то пятилѣтняго графа изъ Гостькова съ двухлѣтнею дочерью его брата:

*„cuius [terre Streye] partem cuidam comiti de gutzkowa quinquenni cum filia fratris sui byenni. pro quingentis marcis argenti racione dotis iusto pignoris titulo secundum nostram placitationem obligavit“*²⁰¹.

Слова послѣдней грамоты допускаютъ, впрочемъ, и иное объясненіе, не въ смыслѣ брачнаго даренія жениха, а въ смыслѣ приданнаго: Боранта обязался дать пятьсотъ марокъ за свою племянницей, а пока — въ залогъ исполненія договора, отдалъ часть земли своей. Оба случая — одинаково возможны.

200. Codex diplom. Pomeraniae I, N° 148. „Брачное дареніе“ Анастасіи упоминается въ грамотахъ еще два раза N° 164, 165: *„Anastasia ducissa Pomeranorum.. de rebus propriis in dote, quam ab illustri auro nostro. Bugzlao duce Pomeranorum.. receperat“*.

201. Codex diplom. Pomer. I, N° 412.

Изъ грамоты 1224 г. видно, что брачное дареніе разсматривалось не какъ законное обезпеченіе жены мужемъ, но какъ свободное, зависящее единственно отъ воли и расположенія мужа — дареніе; иначе, зачѣмъ нужно было *concessio filiorum*, чтобы жена могла владѣть имъ по смерти мужа?

Какъ бы то ни было, оба извѣстія относятся къ слишкомъ позднему времени и имѣютъ въ виду слишкомъ привилегированное состояніе, чтобы на нихъ можно было основать выводъ о туземномъ, старо-славянскомъ происхожденіи правнаго обычая брачнаго даренія.

Брачное дареніе мужа какъ обезпеченіе жены — предполагаетъ такія развитыя юридическія отношенія, такое высокое положеніе женщины, такъ отклоняется отъ условій древне-славянской семейной и родовой жизни, что мы рѣшительно не можемъ допустить не только его существованія въ славянской древности, но даже вообще и его славянскаго происхожденія. Обычай намъ кажется — чужеземнымъ, римско-нѣмецкимъ, распространившимся въ Польшѣ, Чехіи и Поморьѣ съ XIII в. преимущественно между высшимъ сословіемъ. Въ настоящемъ славянскомъ правѣ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія, и попытка Лелевеля защитить его славянскую народность не выдерживаетъ даже и слабой критики²⁰².

Умничка дѣвницъ. Хотя свидѣтельства древности и не представляютъ яснаго указанія на существованіе у балтійскихъ Сла-

202. „Historyczny rozbiór prawodawstwa“ etc. l. cit. p. 55—7. Лелевель основываетъ свое мнѣніе на томъ, что терминъ *dotalitium* былъ для Поляковъ не вразумителенъ: они понимали его одинъ разъ, какъ *donatio*, другой разъ — какъ *dos*, иногда, какъ *вѣно*, *wiano*. Этого быть не могло, еслибы учрежденіе было взято изъ нѣмецкаго городского права: оно употреблялось бы тогда въ твердо опредѣленномъ значеніи. Учрежденіе *вѣна* стало быть была вполне народнымъ и шло со временъ древнѣйшихъ. Странная логика! Непрочность терминологіи именно и указываетъ на то, что самъ обычай, какъ чуждое явленіе, былъ очень смутно понимаемъ и толковался различно... Далѣе, откуда слѣдуетъ, что словомъ *вѣно* вообще обозначалось обезпеченіе жены мужемъ, а не приданное, не почетное дареніе... Факты языка нисколько не даютъ права къ подобному рѣшительному заключенію: *вѣно*, какъ кажется, первоначально обозначало подарокъ, потомъ *цѣну* вообще, наконецъ — приданное, cf. Навишъ: Ueber d. alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern, Pr. 1855, p. 9—11; при колеблющемся значеніи термина, естественно — имъ могли обозначить и затруднительныя латинскія *donatio* и *dotalitium*. Здѣсь можно скорѣе видѣть подтвержденіе мнѣнія о чужеземномъ происхожденіи института, чѣмъ доказательство его народнаго, туземнаго происхожденія.

внѣ способа заключенія браковъ посредствомъ насильственнаго или согласнаго похищенія дѣвиць; но имѣя въ виду несомнѣнное существованіе такого обычая у другихъ Славянъ, какъ въ древности, такъ и въ наши дни²⁰³, не можемъ не отмѣтить здѣсь одного, по содержанію родственнаго, факта, занесеннаго въ грамоты. Въ числѣ различныхъ преступленій, право суда надъ которыми [оботритскіе] князья удерживали за собою при передачѣ другихъ правъ духовнымъ лицамъ — находится и похищеніе дѣвиць:

„si quos capitalis sententia reos condemnauerit... quales sunt.. uolentie illatores oppressione mulierum seu raptu uirginum ita duntaxat, si in ipso instanti uiolentiam passa clamore ualido per uicinos fuerit attestata: quiquid in tales agere uoluerimus... ad nostre iurisdictionis spectabit ordinationem...“²⁰⁴.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь рѣчь идетъ о похищеніи дѣвиць съ цѣлью насилія, какъ это ясно выражено въ „Саксонскомъ Зерцалѣ“²⁰⁵, что, поэтому, статья представляетъ только измѣненную копію нѣмецкаго права; но, имѣя въ виду подобныя же указанія древне-польскаго и чешскаго права²⁰⁶, позволительнымъ становится разсматривать похищеніе дѣвиць у балтійскихъ Славянъ, какъ средство или способъ заключенія браковъ. Было бы слишкомъ смѣло утверждать положительнымъ образомъ связь такого явленія съ старымъ, доисторическимъ обычаемъ брачною умычки, но нельзя отрицать и возможности такой связи. Зная упорную крѣпость нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ и общее состояніе гражданственности балтійскихъ Славянъ, не будетъ особенно невѣроятнымъ думать, что такой обычай могъ имѣть мѣсто въ ихъ бытѣ и своими слѣдствіями, какъ насиліе и нарушеніе семей-

203. Немногія, но лучшія доселѣ замѣчанія о предметѣ находятся въ „Письмѣ проф. Ф. И. Буслаева къ проф. С. М. Соловьеву“, напеч. въ 1мъ изданіи 2го т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, М. 1852, въ Приложеніяхъ. Число фактовъ съ тѣмъ поръ значительно увеличилось.

204. Грамоты относятся къ 1237—8 гг., Meklenburgisches Urkundenbuch N° 463, 479, 490.

205. Sachsenspiegel hrs. v. Sachsse, Heid. 1848, lib. III, c. 1; cf. II, c. 65. p. 207, 195.

206. Вислицкій статутъ у HelceleŃa: Starodawne prawa polskiego pomniki, I, War. 1856, c. 125 общаго свода pag. 138 sq.; піотрковскаго великопольскаго статута cap. 11, ibid. p. 187; cf. синодальное вратиславское постановленіе архид. Якова, ст. 18, ibid. p. 355. Указанія послѣдняго—особенно замѣчательны, ибо они свидѣтельствуютъ, что въ половинѣ XIII в. „raptus uirginum in istis partibus [т. е. въ Польшѣ, Помераніи и Пруссіи] frequencius debito, sicut audiuimus, attemptetur...“ Чешскій Rad práwa zemského čl. 84, 85, 86 въ изд. Палацкаго Archiv český II, [1842, Pr.] p. 123—5; kniha Rožmberská, vyd. Brandl, Br. 1871, cl. 188, pag. 81.

наго мира и порядка, могъ обратить на себя вниманіе карающей власти.

Обязанности супружескаго^o союза. Чистота жизни и вѣрность мужу считались у балтійскихъ Славянъ непремѣннымъ условіемъ брачнаго союза и семейнаго общежитія. Еще въ VIII в. апостолье нѣмецкой земли Бонифацій удивлялся этому цѣломудрію славянскихъ женъ и ставилъ его въ примѣръ распущенному англійскому королю Этибальду: „Славяне, говорилъ онъ, этотъ мерзвѣйшій и отвратительнѣйшій народъ, такъ вѣрно соблюдаютъ въ бракѣ взаимную супружескую любовь, что по смерти мужа, жена отказывается отъ жизни и почтенною женщиною слыветъ между ними та, которая предаеть себя смерти, чтобы сгорѣть на кострѣ вмѣстѣ съ мужемъ:

„Winedi; quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam „magno zelo matrimonii amorem mutuum seruant, ut mulier, uiro „proprio mortuo, uiuere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse „iudicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pa- „riter ardeat cum uiro suo“²⁰⁷.

Обычай славянскихъ женъ предавать себя смерти вслѣдъ за мужемъ — можно объяснять и иными причинами и побужденіями, чѣмъ объяснялъ Бонифацій²⁰⁸; но уже одно то, что такой поступокъ признавался со стороны соотечественниковъ — почетнымъ и славнымъ, свидѣтельствуеть, что идея крѣпости семейнаго союза, вѣрности мужу была твердымъ нравственно-юридическимъ правиломъ жизни. Древность балтійскихъ Славянъ сохранила въ этомъ отношеніи одно очень знаменательное повѣріе или преданіе сказочнаго характера. Саксонъ Грамматикъ передаетъ, что Руяне [въ Кореницѣ] очень превозносили могущество своихъ боговъ и часто рассказывали о той карѣ, которая постигала людей, оскорблявшихъ мѣсто святини ихъ дѣйствіемъ блуда. Когда какому мужчйнѣ случалось имѣть въ Кореницѣ невольнительное сообщеніе съ женщиной, то они, по обычаю собакъ, оставались какъ бы связаны въ такомъ положеніи, не могли свободно разойтись и служили посмѣшищемъ для народа:

„Nec mirum, si illorum numinum potentiam formidabant, a quibus stupra sua saepenumero punita meminerant. Si quidem mares in ea urbe cum foeminis in concubitum adscitis canum exemplo cohaerere solebant, nec ab ipsis morando diuelli poterant; interdum

²⁰⁷ Migne, Patrologiae cursus completus, ser. II, t. 89, P. 1850, pag. 760, epist. 62.

²⁰⁸ См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, М. 1868, стр. 50.

utrique perticis e diuerso appensi inusitato nexu ridiculum populo spectaculum praebuere“²⁰⁹.

Тоже, независимо отъ Саксона, рассказываетъ и Книтлинга—сага: „Quae idola [Rinuit, Turupid et Puruuit] tanta miracula patragunt, ut, si quis intra oppidum [Karenziam] rem cum muliere haberet, hi sanum ritu inter se cohererent, neque prius disiungerentur, quam ex oppido egressi fuissent“²¹⁰.

Источникомъ разсказа, кажется, послужила этимологія: изъ остатковъ языка балтійскихъ Славянъ видно, что для обозначенія понятія развратной женщины и блудника, они употребляли нарицательное имя сукки и сукаря [sauko, zäuko, sautgirr, seytscher]; отъ перенесенія имени недалеко было и до перенесенія самого свойства одного предмета на другой. Такъ возникла эта странная сага. Намъ, впрочемъ, нѣтъ теперь дѣла до ея происхожденія, но до ея смысла: она разсматриваетъ stuprum, какъ дѣйствіе невозвратительное, достойное кары, и такимъ образомъ отрицательно свидѣтельствуетъ, что цѣломудріе и вѣрность супружеству считались важнѣйшимъ условіемъ и обязательствомъ семейнаго союза. Саксонъ Грамматикъ сообщаетъ и въ этомъ отношеніи одинъ замѣчательный фактъ. Какая то женщина у Руанъ была подозрѣваема мужемъ своимъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и должна была очистить себя отъ безчестія божьимъ судомъ, т. е. испытаніемъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Она чудеснымъ образомъ доказала свою невинность:

„Matrona quaedam, a viro immerens adulterii insinulata, cum purgandae infamiae gratia candenti laminae dexteram obtulisset, subito ferrum, quod exceptura erat... sublime se extulit. Ea res mulieris infamiam leuauit“...²¹¹.

Если вопросъ о супружеской вѣрности могъ требовать подобнаго суднаго рѣшенія, то нѣтъ сомнѣнія, что на него глядѣли очень строго, что онъ входилъ въ условія жизни не только какъ нравственное начало, но и какъ начало права, какъ обязательный законъ, нарушеніе котораго требовало правнаго возмездія и кары.

Представленные нами факты получаютъ полную силу, когда въ помощь къ нимъ мы призовемъ современныя свидѣтельства о польской и чешской старинѣ.

Титмаръ говоритъ, что народъ польскій во времена Мѣшка I и Болеслава Храбраго имѣлъ многіе жестокіе, но все же похваль-

209. Saxonis Grammatici Historia danica, ed Müller I, lib. XIV, p. 844.

210. Scripta historica Islandorum. Haf. 1842. t. XI, p. 349—350: Historia Knutidarum, c. 122.

211. Saxonis Gram. Historia, I, p. 845.

ные обычаи. Если кто позволялъ себѣ незаконное сообщеніе съ чужими женами или прелюбодѣяніе, тотъ подвергался слѣдующему наказанію: его выводили на помость среди рынка и пригвождали тамъ за дѣтородныя части; возлѣ полагали ножъ, оставляя преступнику на волю: или умереть въ такомъ положеніи, или отрѣзать прибитые члены. Развратной женщинѣ впрѣзывали гениталии и вѣшали ихъ на дверяхъ дома, въ поученіе и урокъ входящимъ²¹². По извѣстію Богухвалы, во время семилѣтняго отсутствія Болеслава Смѣлаго и его воиновъ, жены и дочери ихъ вступили въ незаконную связь со слугами и рабами. Провѣдавъ объ этомъ, воины возвратились посильно домой и предали своихъ женъ, какъ развратницъ, жестокимъ казнямъ²¹³.

По возвращеніи еп. Войтѣха въ Прагу — рассказываютъ его биографы, Кананарій и Брунь — случилось, что одна знатная женщина была признана виновною въ блудѣ съ какимъ то клерикомъ. Обезчещенные родные [parentes] мужа должны были, по варварскому обычаю, наказать ее смертію; она убѣжала къ епископу и нашла въ немъ защитника, но не надолго: вооруженная толпа требовала ея выдачи, говоря, что Войтѣхъ защищаетъ блудницу вопреки закону божьему и правамъ людей, и угрожая, если она не будетъ немедленно выдана, отмстить на женахъ, дѣтяхъ и имуществомъ духовенства. Убѣжище несчастной женщины было открыто, и ее отдали на казнь мужу, который, однако, устранился отъ этого. Она пала подъ рукою какаго-то низкаго слуги²¹⁴. Декретъ

212. „in huius sponsi [sc. Boleslaur] regno sunt multae consuetudines uariae; et quamuis dirae tamen sunt interdum laudabiles.. Si quis in hoc alienis abuti uxoribus uel sic fornicari presumit, hanc uindictae subsequentis poenam protinus sentit. In pontem mercati is ductus, per follem testiculi clauo affigitur, et nouacula prope posita, hic moriendi siue de hiis absolucndi dura eleccio sibi datur.... Et si qua meretrix inueniebatur, in genitali suo, turpi et poena miserabili, circumcidebatur, idque, si sic dici licet, preputium in foribus suspenditur, ut intrantis oculus in hoc offendens, in futuris rebus eo magis sollicitus esset et prudens.“ Thietmari Chronicon VIII, 2.

213. „Vxores suas, ueluti praeuaricatrices et adulteras, poenas diuersis crudeliter extinxerunt.“ Boguphali Chronicon, cap. 13, ap. Bielowski, Monum. Pol. his. II, p. 438.

214. „Mulier cuiusdam nobilis cum clerico adulterasse publice arguitur. Quam cum more barbarico parentes dedecorati coniugis decapitare quearent, fugit illa.. ad episcopum.... Impia manus interea absconsae mulieri ferum necemque parans, armato milite episcopale forum irruerunt. Quaerunt minis et contumacibus dictis episcopum, qui contra diuinum fas et legalia iura adulteram defendere uellet... Rapitur infelix illa, et sub manu coniugis capitalem iussa est subire sententiam. Quod cum ille, uelut uir iustus, facere nollet, sub gladio uilis uernulae truncata, poenas male usi corporis capite exsoluit.“ Canaparri Vita et passio Sti. Adalberti, c. 19, apud Bielowski

Бретислава [1039 г.], конечно, подъ влияніемъ церкви, уже смягчаетъ суровость обычая: женщины-прелюбодѣйки, завѣдомо утратившія доброе имя и стыдъ, подвергаются только наказанію вѣчнаго изгнанія изъ страны²¹⁵.

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать эту строгость наказанія за нарушеніе брачной вѣрности дѣйствию какаго нибудь чужеземнаго вліянія: она вытекала изъ коренныхъ условій быта, основаннаго на крѣпости семейныхъ отношеній и сурово-взыскательнаго за уклоненія отъ нихъ. Невѣрностью жена не только нарушала законъ семейнаго мира и принадлежности мужу; но и наносила безчестіе и безславіе членамъ семьи, какъ-бы свидѣтельствуя о внутреннемъ слабосиліи ихъ союза. Разсматривая жену, какъ семейную собственность, обычай въ этомъ случаѣ предоставлялъ мужу право высшаго наказанія ея, т. е. наказаніе лишеніемъ жизни, которымъ только и могло удовлетвориться оскорбленное чувство обезславленнаго властителя; и кажется, что чѣмъ болѣе народъ отдавался тревожнымъ увлеченіямъ воинственной жизни, чѣмъ болѣе развивалось въ немъ чувство т. е. сж. кровожадной чести, презрѣніе къ жизни и слабости другихъ, тѣмъ крѣпче и неотмѣннѣе становился обычай кары смертною казнью за преступленіе противъ чистоты супружескаго ложа. У племень мирныхъ мы нерѣдко находимъ отношенія болѣе мягкія, т. е. болѣе снисходительныя къ слабостямъ человѣческой природы.

Приведа въ естественную связь свидѣтельства польской и чешской старины съ вышеуказанными фактами быта балтійскихъ Славянъ, вспомнивъ при этомъ общее суровое направленіе ихъ жизни, мы кажется будемъ имѣть достаточное основаніе полагать, что крѣпость семьи, обязанности супружескаго союза и ихъ нарушенія признавались, понимались и карались у нихъ одинаково строгимъ образомъ, какъ, и у близкихъ къ нимъ Поляковъ и Чеховъ.

Власть мужа отчасти видна изъ слѣдующаго, довольно впрочемъ глухаго, извѣстія у Видукинда: осажденные Нѣмцами въ Лунчинѣ, Славяне, по неудачной битвѣ, за жизнь и свободу — отдали побѣдителямъ, кромѣ имущества и рабовъ, еще своихъ женъ и дѣтей :

„arma deponunt, salutem tantummodo deprecant ac merentur.

Monum. Pol. hist. I, p. 174—5; cf. Brunonis Passio Sti. Adalberti, c. 16, Ibidem, p. 202—3.

215. „Eadem sententia [т. е. изгнанію въ Угры на вѣчныя времена] sint plectendae virgines et viduae et adulterae, quae nomen bonum amisisse et pudorem corrupisse, ac per scortum concepisse dignoscuntur“... Cosmae Prag. Chronicon s. an. 1039, ed. Pelzel et Dobrowsky, Pr. 1783, p. 110.

Inermes igitur urbe egredi iussi: seruilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filiis et omni suppellectili barbarorum regis captiuitatem subibant²¹⁶.

Изъ словъ саксонскаго анналиста не видно: было ли это дѣйствіе только на данный случай, или оно основывалось на правѣ распоряжаться личною и свободою своихъ женъ и дѣтей. За первое говорить самый фактъ стѣсненнаго положенія Славянъ предъ силою побѣдителей, за второе — общее правовое состояніе ихъ гражданственности. Тамъ, гдѣ жена признавалась собственностью семьи или мужа и не имѣла опредѣленнаго правомъ самостоятельнаго положенія, гдѣ пространство отцовской власти, какъ увидимъ далѣе, было столь значительно, тамъ подобное дѣйствіе могло основываться не только на случайныхъ, временными обстоятельствами условленныхъ обстоятельствахъ, но и на правѣ. Конечно, такая власть, если она дѣйствительно существовала — скорѣе должна быть разсматриваема, какъ неустраненный, анахронически-завившійся остатокъ далекой старины, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее начало быта, но нельзя отрицать что кое-гдѣ, въ въ исключительныхъ случаяхъ — она могла проявлять свою не вполне отжитую силу и дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, употребляя отрицательное доказательство — у балтійскихъ Славянъ мы нигдѣ не находимъ правовыхъ ограниченій власти мужа надъ женою — ни со стороны родныхъ ея, ни со стороны общества. Ограниченія, кажется, были только обычно-нравственныя, опредѣлялись приличіемъ, признаннымъ закономъ общежитія, но не строгимъ правомъ. Общество дошло до того, что мужа не продавали болѣе своихъ женъ, какъ рабынь, но продать ихъ или отдать въ рабство — они могли: пренятствій правовыхъ къ этому, кажется, не было.

Немалое подтвержденіе нашего взгляда на характеръ власти мужа въ историческое время у балтійскихъ Славянъ представляетъ обычай славянскихъ женъ слѣдовать въ могилу за своими мужьями, чтобы служить ихъ нуждамъ и въ загробной жизни. Обычай довольно рано замѣченъ св. Бонифаціемъ [755]. Текстъ его нами приведенъ выше [стр. 98]. Такъ-какъ мы прежде уже имѣли случай посвятить этому свидѣтельству подобное разсмотрѣніе²¹⁷, то теперь можемъ ограничиться только немногими замѣчаніями.

Народъ, у котораго св. Бонифацій подмѣтилъ этотъ обычай и который онъ называетъ „Winedi“ — были, несомнѣнно, балтійскіе Славяне: это ясно и изъ контекста письма его къ Этибальду, гдѣ они ставятся рядомъ съ Саксами, и изъ того, что такимъ именемъ

216. Widukindi Res Gestae Sax. I, 36.

217. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Ж. 1868, стр. 46—50.

въ средніе вѣка специально обозначали славянскія племена балтійскаго поморья. Бонифацій познакомился съ ихъ бытомъ во время своего пребыванія въ сосѣднихъ Тюрингіи и Саксоніи. Обычай жены слѣдовать въ могилу за умершимъ мужемъ онъ замѣтилъ не въ правно-обязательной формѣ, а какъ нравственно-обычное явленіе доброй воли, и объяснилъ его въ смыслѣ преданности и любви къ мужу. Мы полагаемъ, что эта форма обычая не была первоначальною, а позднѣйшею, ослабѣлою. Обыкновеніе не могло выйти изъ исключительно нравственныхъ началъ: оно должно было основываться на древнемъ безграничномъ правѣ мужа по отношенію къ женѣ, какъ своей собственности, и потому въ болѣе отдаленной древности должно было имѣть юридически-обязательное значеніе. Умиралъ мужъ, повторимъ прежде сказанное нами, должна была умереть и жена, и не потому только, что существованіе ея [среди быта воиновъ] оказывалось совершенно лишнимъ, но и потому что она была необходима своему, отшедшему къ праотцамъ, владыкѣ: владѣлецъ бралъ съ собою свою собственность ради удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей въ будущей жизни. Это было — дѣйствіе правное и законное. Такимъ образомъ, во времена глубокой древности — власть мужа надъ женой не прекращалась и со смертію перваго. Большое или меньшее дѣйствіе и распространенность обычая зависѣли, какъ кажется, отъ степени развитія семейной жизни и историческихъ условій: въ мирномъ бытѣ земледѣльца — поселанна, гдѣ жена и по смерти мужа находила мѣсто и признаніе, какъ мать своихъ дѣтей, обычай былъ мало умѣстенъ; но среди постоянной воинской жизни, гдѣ женщина рѣдко возвышалась надъ значеніемъ рабыни и предмета физической необходимости, открывалось, конечно, гораздо болѣе поводовъ и причинъ къ его существованію и примѣненію. Съ теченіемъ времени, съ относительнымъ развитіемъ образованности и семейной жизни, когда личность жены и матери поднялась — суровость обычая должна была смягчиться и ослабѣть: онъ постепенно переходилъ изъ области строгаго, обязательнаго закона въ область свободно нравственную, становился явленіемъ доброй воли. Въ такой именно формѣ, въ 3мъ вѣкѣ — замѣтилъ Бонифацій этотъ обычай у балтійскихъ Славянъ. Жена добровольно слѣдовала въ могилу за мужемъ, поступокъ ея признавался со стороны другихъ похвальнымъ, справедливымъ дѣйствіемъ; но необходимо-обязательнымъ онъ болѣе уже не былъ. Жизнь уже отвергла право обычая, но еще не оказывала ему въ нравственномъ значеніи: онъ вытекалъ изъ тѣхъ же основаній, которыми держался семейный союзъ и потому пользовался, по понятіямъ времени, спра-

ведливымъ почетомъ и признаніемъ. Дальнѣйшихъ историческихъ слѣдовъ жизни обычая — у балтійскихъ Славянъ не видно, но что онъ могъ продолжаться, какъ частное явленіе, и позднѣе — свидѣтельство тому представляетъ Польша, гдѣ, несмотря на гораздо большіе успѣхи жизни, обычай былъ еще живъ и дѣйствителенъ въ половинѣ X вѣка, такъ сказать — наканунѣ принятія христіанства. Даже, если понять свидѣтельство Титмара²¹⁸ въ буквальномъ смыслѣ, то можно подумать, что здѣсь онъ сохранялъ и нѣкоторую юридически-обязательную силу, т. е. былъ дѣйствиємъ не столько доброй воли, сколько закона. Такому объясненію мы не найдемъ противорѣчій въ свидѣтельствахъ исторіи; скорѣе отыщемъ въ нихъ кое-что говорящее за него, или, по крайней мѣрѣ — за его вѣроятность.

Правное и нравственное положеніе жены. Издавна установившійся законъ предоставлялъ женѣ и вообще женщинѣ не много правъ. De iure — она не имѣла самостоятельности: жена стояла подъ рукою мужа, дѣйствія и власть ея опредѣлялись не собственною, а мужниною волею. Зависимость пла такъ далеко, что за преступленія мужей отвѣтственности и наказанію подвергались жены. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательныя указанія даетъ Титмаръ и одна поморская грамота.

Титмаръ говоритъ, что обвиненная славянская семья, по обычаю, распродалась въ разныя руки:

„Omnia nostra prius ecclesiam respicientia diuisa sunt miserabiliter sclaunonicae ritu familiae, quae accusata nenumdando dispergitur?“²¹⁹.

Текстъ — не вполне ясенъ: согласившись даже съ толкованіемъ комментатора Киндерлинга, что слово „accusata“ значитъ тоже, „damnata“ т. е. не только не обвиненная, но и осужденная²²⁰, все же остается не яснымъ, о чьемъ обычаѣ [„ritu“] говоритъ здѣсь Титмаръ, нѣмецкомъ или славянскомъ. Намъ кажется — о послѣднемъ. Анналистъ скорбитъ о расточеніи церковнаго имущества, ему представляется это дѣло беззаконнымъ и достойнымъ жалости, и онъ, по этому случаю, вспоминаетъ о другомъ внѣшнемъ образомъ подобномъ явленіи, распродалъ славянскую семью. Едва-ли онъ указалъ бы на такое обыкновеніе, если бы оно шло отъ Нѣмцевъ: оно было бы тогда въ его глазахъ дѣломъ простой справедливости.

218. „In tempore patris sui [т. е. отца Болеслава Храбраго — Мѣшка] cum iam gentilis esset, unaquaeque mulier, post uiri exequias sui igne cremati, decollata subsequitur“. Thietmari Chronicon VIII, 2, sub. an. 1018.

219. Thietmari Chronicon III, 9.

220. Bielowski Monumenta Poloniae historica, I. Lw. p. 261 in notis.

Что Титмару, какъ епископу Межиборья и владѣльцу славянскихъ помѣстій, были извѣстны многіе порядки славянскаго быта — это неподлежитъ сомнѣнію и вполне откроется изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Если же нашъ домысль основателенъ, то изъ него само собою слѣдуетъ, что у балтійскихъ Славянъ жены и дѣти подлежали ответственности и наказанію за преступленія мужей; ибо нельзя же думать о какомъ нибудь коллективномъ преступленіи славянской семьи; напротивъ, совершенно естественно—полагать, что рѣчь идетъ только о преступленіи правнаго лица, отца или мужа, преступленіи, послѣдствія котораго отражались на всѣхъ находившихся во власти и зависимости отъ него членахъ семьи, виновныхъ т. е. кз. только своимъ безправіемъ. Отъ такого понятія не всегда свободны бывають и права очень образованныхъ и развитыхъ народовъ, тѣмъ болѣе оны представляются умѣстнымъ въ суровой въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ — старинѣ. Что дѣйствительно это возрѣвіе дѣйствовало въ бытѣ балтійскихъ Славянъ, яснымъ и уже неоспоримымъ доказательствомъ служить грамота [1238 г.] мазовецкаго епископа Петра, гдѣ въ числѣ разныхъ ущербовъ церковнаго интереса выставляется и то, что князь судитъ и рѣшаетъ дѣла по супружескимъ отношеніямъ и за преступленія мужей наказываетъ и подвергаетъ заключенію ихъ женъ:

„Volumus ut.. causas matrimoniales non iudicet et uxores pro delictis maritorum non puniat et que tenentur uolumus ut in continententi dimittantur“...²²¹

Церковь, очевидно отстаивала свои права противъ старыхъ правъ народныхъ, усвоенныхъ впослѣдствіи князю. Если въ половинѣ XIII в., по утвержденіи уже христіанства, жены могли быть подвергаемы ответственности и наказанію за преступленія мужей, то нѣтъ начего невѣроятнаго, что въ болѣе отдаленное время, при полномъ господствѣ обычнаго языческаго права, законъ дѣйствовалъ еще строже, и жены съ дѣтьми, какъ собственность мужа, вполне раздѣляли постигавшую его кару.

Итакъ, для закона—правоспособность лица жены у балтійскихъ Славянъ почти не существуетъ: она совершенно еще поглощается властною личностью мужа.

Но въ чемъ отказывалъ законъ, то нерѣдко восполнялось самою жизнью: мягкость семейнаго обычая т. е. кз. уравновѣшивала суровую строгость права. Въ семьѣ — женщина достигала иногда очень виднаго и вліятельнаго положенія, какъ жена главы семьи,

221. Cossegarten: Codex diplom. Pomeraniae, I, № 263, p. 570. Грамота относится къ восточнымъ Поморьянамъ.

какъ мать дѣтей и домоправительница — хозяйка. De facto — она имѣла силу и власть.

Мы не можемъ оставить безъ вниманія этой стороны предмета: безъ нея все предыдущее окажется въ культурномъ отношеніи только полу—справедливымъ, т. е. одностороннимъ.

Вамбергскіе свидѣтели замѣтили нѣсколько очень важныхъ фактовъ высокаго положенія женщинъ въ семьѣ и ихъ вліянія. Такъ, по ихъ словамъ, легкое утвержденіе христіанства въ г. Каминѣ было приготовлено законной женой князя Вартислава: своими увѣщаніями она такъ подѣйствовала сначала на приближенныхъ, потомъ и на народъ, что когда явился еп. Оттонъ съ своими сотрудинками, они встрѣтили одну полную готовность принять крещеніе²²². Подобное передаетъ Сефридъ о женѣ какаго-то вельможи Домислава въ г. Штетинѣ. Женщина эта пользовалась въ городѣ огромнымъ уваженіемъ и властью. Въ отсутствіе мужа и безъ его предварительнаго согласія — она допустила Оттона окрестить своихъ дѣтей и вслѣдъ затѣмъ увлекла въ христіанство весь домъ свой и многихъ гражданъ. Самъ Домиславъ, человѣкъ могущественный и крутаго нрава, принялъ сначала очень худо самовольный поступокъ жены, но въ концѣ — уступилъ ей, и самъ сталъ христіаниномъ²²³. Удальрикъ рассказываетъ, что его и переводчика Альбьяна — въ гор. Волегощѣ самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ образомъ приняла жена начальника города. Она показала себя при этомъ не только полною хозяйкою дома, но и лицомъ болѣе властнымъ. Узнавъ, что гости ея — были христіанскіе проповѣдники, что имъ угрожаетъ смерть, она скрыла ихъ въ потаенномъ помѣщеніи своего дома, а пожитки и лошадей ихъ отправила въ свои отдаленныя помѣстья. Такимъ распоряженіемъ, вопреки рѣшенію властей города — она спасла миссіонеровъ отъ смерти²²⁴. Самый важный фактъ, свидѣтельствующій о значительномъ положеніи женщины въ семьѣ, сообщается Сефридомъ. Фактъ,

222. „Ducissa, uxor uidelicet ducis legitima... sue fidei scintillam.. inter suos familiares modeste primo, deinde fiducialius apud omnes, quos potuit uentilare cepit.. Et totam illam ciuitatem etiam ante nostrum introitum tantus ardor fidei... per matronam inuaserat, ut non solum nichil contradictionis, uerum etiam totius populi consensum de suscipiendo baptismo inuenirimus“.. Herbor di Dialogus, II, 19.

223. „Erat matrona magne honestatis et potentie in ciuitate illa.... eadem potente.. omnes eius domesticos aqua tinxit regenerationis [sc. episcopus]. Deinde etiam omnes conuicinos eius et familiares, uiros ac feminas cum paruulis suis, eadam fidei societas paulatim inuoluit“.. Herbor di Dialogus, II, 28. cf. ibid. II, 29; Ebonis Vita Ottonis II, 9.

224. Ebonis Vita Ottonis, III, 7.

правда, переданъ не просто, а ради совершившагося чуда, но бытовая обстановка его, нѣтъ сомнѣнiя — вѣрна дѣйствительности. Неподалеку отъ Каминны, въ одной деревнѣ — проживала богатая и очень знатная вдова. Она имѣла многочисленную семью, пользовалась большою властью и дѣятельно управляла домомъ своимъ. При обращенiи Каминны въ христіанство, она упорно оставалась въ язшчествѣ, говоря, что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданiй отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ воскресный день, въ годину жатвы, народъ собирался въ церковь; вдова же не пустила своихъ домохадцевъ и приказала имъ итти на жатву. Желая дать личный примѣръ дѣла и разсѣять ложный страхъ нарушенiя христіанскаго праздника, она сама взялась за серпъ; но вдругъ была поражена внезапнымъ ударомъ²²⁵. Въ Хроникѣ Гельмольда находится также два указанiя на то, что голосъ и участие женщины могли имѣть нѣкоторое значенiе и въ области политическихъ событiй. Старшій сынъ оботритскаго князя Готшалка — Бутый былъ завлеченъ въ засаду своимъ противникомъ Крутомъ и осажденъ имъ въ крѣпости Плуиѣ. Доведенные до крайности, онъ и его воины рѣшились сдаться и явились предъ Крутомъ безъ вооруженiя. Последнiй, быть можетъ, пощадилъ бы ихъ: но кагая то знатная горожанка пробудила ненависть побѣдителей, сказавъ, что эти враги, находясь въ крѣпости, дѣлали много насилiй и безчестiя женамъ ихъ. Она требовала смерти ихъ въ отмщенiе за позоръ и обиды. Услыша это, Крутъ и дружина бросились на плѣнниковъ и всѣхъ ихъ умертвили²²⁶. У Крута была молодая жена, „госпожа Славянка“. Наскучивъ старымъ мужемъ, она обратила свое вниманiе на другаго сына Готшалка — Гейнриха и думала о томъ, какъ бы соединиться съ нимъ бракомъ.. Часто втайнѣ она помогала ему, предупреждая о коварныхъ замыслахъ и предпріятiяхъ своего мужа и наконецъ, устроила такъ, что Крутъ явился на пиръ къ Гейнриху, гдѣ и палъ жертвою кровавой мести врага, мстившаго насильственную смерть своего старшаго брата²²⁷. Не станемъ отрицать, что приведенныя здѣсь показанiя —

225 .. „uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis nalde, christiana religione contempta, patrios deos se colere nullaque occasione uanitatis noue a parentum suorum ueteri traditione declinare se uelle dicebat. Erat autem multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam.. etc.“ Herboldi Dialogus, II, 23.

226. „Vbi omnes presentati sunt [ad faciem Crutonis] mulier quedam prepotens de casto mandauit Crutoni ceterisque Sclauis, dicens: Perdite uiros, qui se tradiderunt uobis..“ etc.. Helmsoldi Chronica, I, 26.

227. „domna Slauina, uxor Crutonis, sepius illum [sc. Heinricum] premonuit [premonuit] denuncians insidias. Denique marito iam uetulo inuisa, Heinrico,

не всё равной цѣны, что въ болѣе значительныхъ, можетъ быть, есть своя доля исторической неточности, зависящая и отъ взгляда чужеродныхъ свидѣтелей и отъ способа ихъ выраженія, т. е. отъ краснаго слога, который невольно увлекалъ [напр. Герборда] къ преувеличенію; но все же — едва-ли должно думать, чтобы переданные факты были лишены всякаго основанія. А вмѣстѣ съ этимъ, по малой мѣрѣ — придется заключить, что въ бытѣ балтійскихъ Славянъ для женщины не была закрыта возможность стать выше тѣхъ тѣсныхъ границъ, въ которыя замыкало ее строгое право. Какъ нерѣдко случается — жизнь, опередивъ законъ, уже давала женщинѣ довольно широкія нравственные права: она могла стать лицомъ влиятельнымъ, приобрести дѣйствительную силу и пользоваться властью. Вмѣсто слабаго, зависимаго юридическаго лица насъ встрѣчаетъ здѣсь лицо, *de facto* гораздо болѣе правное, самостоятельное и свободное. Вотъ — почему, хотя такое положеніе женщины и основывалось на нравственныхъ началахъ, въ немъ нельзя не замѣтить и т. е. скртыхъ, могла признанныхъ — началъ юридическаго характера. Еще одинъ шагъ впередъ и при пробужденіи стремленія къ точному опредѣленію правъ лицъ — эти начала получили бы силу яснаго положительнаго закона, т. е. изъ явленій нравственныхъ стали бы вполне явленіями правными.

Всѣ представленныя нами свидѣтельства о положеніи женщины у балтійскихъ Славянъ относятся къ лицамъ высшаго сословія. Что и какъ было у простаго народа — неизвѣстно; но нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы въ этой сферѣ право не сдѣлало никакихъ уступокъ и осталось бы не смягченнымъ тѣмъ же чувствомъ семейнаго уваженія къ женѣ и матери.

Что касается до правнаго и нравственнаго положенія женщины въ современной польской и чешской старинѣ, то здѣсь уже видѣнъ значительный шагъ впередъ: нравственное признаніе правъ жены начинаетъ проникать въ область права и становится таковымъ, ей усваиваются нѣкоторыя уже дѣйствительныя права, хотя въ то же время, въ другихъ отношеніяхъ, личность ея еще стоитъ подъ властью стараго, непризнаннаго къ ней, обычнаго закона. Такое колеблющееся положеніе было естественнымъ слѣдствіемъ начинавшагося вліянія церковно-христіанскаго начала; обычный законъ уже дѣлалъ ему значительныя уступки, конечно, на первый разъ въ томъ, что и помимо христіанства было отвергнуто нравственнымъ сознаніемъ и чувствомъ и держалось только силою

si possibile foret, nubere affectabat. Vnde etiam instinctu eiusdem femine Henricus inuitavit Crutonem ad conuinium... etc... *Helmoldi Chronica*, I, 34.

общая. Преступленія противъ супружеской вѣрности по старому закону еще наказывались смертью [выше, стр. 100], жены безпрятственно еще могли быть отпускаемы или бросаемы [стр. 110], но они уже не отвѣчали за проступки мужей, уже имѣли право, по смерти мужа, хотя бы и преступника, на часть его имущества²²⁸... Успѣхъ, весьма важный!

Прегражденіе брака при жизни обонхъ супруговъ или разводъ засвидѣтельствованы Гельмольдомъ и „Саксонскимъ Зерцаломъ“. Гельмольдъ передаетъ, что какой-то князь Оботритовъ [regulus] Билугъ имѣлъ въ замужствѣ сестру епископа Вагона. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожителства онъ отпустилъ ее въ противность закону христіанскому:

„Billug matrimonii sui iura corripit, repudiata sorore pontificis“²²⁹.

„Саксонское Зерцало“, опровергая мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что всѣ Славянки [wendinnen] — свободны, доказываетъ ихъ несвободное состояніе тѣмъ, что какъ при выходѣ замужъ, такъ и при разводѣ, по славянскому обычаю, съ мужемъ, онѣ платили своему господину известную подать:

„Latet se ok eren man else wendesch recht is. se moten erme heren de uerschen penninge geuen. dat sin dre scillinge. unde anders wur mer na des landes wonheit“²³⁰...

Свидѣтельства Гельмольда очень глухо: оно передаетъ простой фактъ, не указывая былъ-ли это формальный разводъ или обыкновенный разрывъ сожителства. Неизвѣстна также и ближайшая, быть можетъ-законная, причина поступка Билуга: анналистъ по своему объясняетъ все дѣло личнымъ произволомъ оботритскаго князя. Напротивъ, показаніе „Саксонскаго Зерцала“ — очень важно. Оно прямо указываетъ на свободное существованіе развода въ

228. Jus Conradi 1222, ст. 15: „si aliquis capitur in manifesto furto, uxor eius tertiam partem habeat.“ Jireček Codex iuris bohemicus I, Pr. 1867, p. 56. Лучшее положеніе женщины видно и изъ наследственнаго права дочерей; о немъ мы распространяемся ниже. Укажемъ здѣсь сочиненія, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе подробное подтвержденіе нашего взгляда на правовое и нравственное состояніе женщины у польскихъ и чешскихъ Славянъ: Lelewel: Hystoryczny rozbiór prawodawstwa polskiego, §. 22; „Rozpatzenie niektórychъ względów“ etc. §. 15, 19, 29, 30; въ Polska wiekówъ srednich, III, p. 51 sq. 409 sq.; Спасовичъ: Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, Спб. 1857, стр. 5—53; Wocel: O staročeskémъ dědickémъ pravu, P. 1861, p. 26 sq. Brandl: „Právní postavení ženského pohlaví v Čechách“, въ журн. Právník t. IX, p. 757—778; Strobach: Výklady na pojednání p. Iwanišewa pod naz. „Idea o osobnosti“, въ Časopis českého Museum, 1844, p. 349—376; 489—514.

229. Helmoldi Chronica I, 14; cf. 13.

230. Liber III, art. 73.

славянскомъ правѣ, какъ бы противопологая эту свободу ограниченіямъ права нѣмецкаго [церковнаго]. Разводъ является здѣсь самобытнымъ славянскимъ учрежденіемъ „*alse wendesche recht is*“! Принимая текстъ въ буквальный смыслъ, можно даже прійти къ убѣжденію, что славянскія жены сами пользовались правомъ расходиться съ своими мужьями, т. е. могли оставлять мужей по собственной волѣ²³¹. Но, всматриваясь ближе въ способъ выраженія памятника, приходится отказаться отъ такого мнѣнія, какъ неосновательнаго. „Саксонское Зерцало“ говоритъ о женахъ, а не о мужьяхъ: ведя рѣчь о лицѣ первыхъ, оно, естественно, могло употребить выраженіе: „*latet se ok egen man*“ т. е. если они оставляютъ своихъ мужей, но придавать этой фразѣ вышеуказанный опредѣленный юридическій смыслъ — нѣтъ основаній: она значила не болѣе — не менѣе, какъ дѣйствіе развода, разрывъ супружеской связи, выходъ изъ состоянія замужества — безъ всякаго отношенія къ тому, по чьей власти и праву произошелъ разводъ.

Мы имѣли уже случай [стр. 83, 85] коснуться нѣкоторыхъ свидѣтельствъ чешской старины, какъ бы указывающихъ на довольно широкое распространеніе и свободу разводовъ въ славянской древности. Нѣтъ недостатка и въ прямыхъ по этому предмету указаніяхъ. Еще въ 877 г. папа Іоаннъ VIII писалъ къ моравскому князю Коцелу о нечестивомъ языческомъ обычаѣ его народа отпускать своихъ женъ и брать другихъ при ихъ жизни²³²; извѣстный Войтѣхъ — по словамъ Козьмы пражскаго — жаловался сыну Болеслава Iго, Страхвасу о нечестивомъ сожителствѣ и недозволенныхъ разводахъ непостояннаго супружества Чеховъ²³³; декретъ Бретислава [1039 г.] также сильно возстаетъ противъ частныхъ разводовъ, полагая наказаніе вѣчнаго изгнанія изъ страны для тѣхъ, которые не захотятъ возвратиться въ узмы законно заключеннаго супружества, т. е. церковнаго брака²³⁴. Примѣры частныхъ

231. Такъ именно и понималъ это мѣсто Sachsse, см. *Sachsenspiegel*, Heid. 1848, Repertorium подъ слов. *Wendinnen*, p. 524.

232. „*Poro eos qui uxores suas dimisserunt [ue] illis ad alias uiuentibus migrauerunt nupcias tam diu cum consentaneis eorum excommunicamus, quousque posterioribus remotis, priores penitendo receperint... Precipue cum hec pessima consuetudo ex paganorum more remanserit... ap. Wattenbach: Beyträge z. Gesch. d. christl. Kirche in Mähren u. Bohmen, W. 1849 p. 49 in Addit. Cf. B o c z e k Cod. dipl. I, 1836, Hol. p. 36—7, N° 53.*

233. „*Cum quo [Ztrahquas] Adalbertus secretum petiit et colloquium tenuit.. de incesta copula et super illicita discidia inconstantis coniugii... Cosmae Prag. Chronicon S. an. 990, ap. Dobrowsky et Pelzel Script. rer. boh. I, Pr. 1788, p. 57.*

234. „*Si coniux uirum, aut uir coniugem spreuerit, et rixa inter eos usque ad*

расторженій браковъ въ польской древности и у другихъ Славянъ въ достаточномъ количествѣ указаны Лелевелемъ и Мацѣевскимъ²³⁵, и намъ нѣтъ нужды повторять ихъ. Замѣтимъ только, что изъ польскихъ свидѣтельствъ ясно, что разрывъ сожителства былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правнымъ прекращеніемъ брака, что для развода, по видимому, не требовалось особнхъ основаній и причинъ кромѣ воли мужа.

Итакъ, допуская, что въ эпоху язычества одинаковыя обыченія дѣйствовали и у балтійскихъ Славянъ и у Славянъ чешскихъ и польскихъ, приходимъ къ твердому заключенію о томъ, что и у первыхъ существовала такая же полная, ничѣмъ и никѣмъ въ правомъ отношеніи не стѣсняемая, свобода расторженія браковъ. Разводъ опредѣлялся только волею и усмотрѣніемъ мужа; жена, какъ кажется—была при этомъ лицомъ юридически пассивнымъ. Такія отношенія вполне отвѣчаютъ характеру эпохи, еще исполненной отголосковъ той суровой старины, когда личность жены вмѣнялась ни во-что и всецѣло зависѣла отъ воли повелителя-мужа. Мы не желаемъ этихъ сказать, что такой грубой взглядъ на женщину господствовалъ у балтійскихъ Славянъ во время X—XII вв.: мы только что видѣли нѣкоторыя доказательства противнаго; но иное дѣло — воззрѣніе, а иное — обычно правовое дѣйствіе, последнее не всегда опредѣляется современными понятіями, а нерѣдко — понятіями, выходящими изъ далекой и давно, по видимому, пережитой старины. Многоженство и безосновательное [въ юридическомъ смыслѣ], прихотливое отпущеніе женъ или прекращеніе брака — суть именно такія запоздалыя порожденія древняго быта, уцѣлѣвшія вопреки распространенію болѣе твердыхъ и человѣчественныхъ понятій о семейной жизни и ея необходимыхъ условіяхъ.

discidium efferuerit, qui ex eis in priorem copulam legitime celebratam redire noluerit, nolo ut secundum ritum terrae huius rei uiolator in seruitutem redigatur sed potius nostri immutabilis decreti per angariam, qualiscunque sit persona, redigatur in Vngariam et nequaquam liceat, ut pretio se redimat, aut in hanc terram redeat.. Cosmae Prag. Chronicon. S. an. 1039, ibid. p. 110. Извѣстіе декрета, будто-бы прекращеніе брачнаго сожителства по чешскому обычному праву [secundum ritum terrae] считалось преступленіемъ и наказывалось отдачею въ рабство — чрезвычайно странно и противорѣчитъ всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ славянской древности. По всему вѣроятію Бретиславъ или разумѣлъ здѣсь какое нибудь предшествовавшее постановленіе духовенства, или, понимая по своему расторженіе брака, какъ преступленіе—примѣнялъ къ нему общеупотребительную кару за преступленія вообще. По народному праву — разводъ былъ дѣйствіемъ обычно—законнымъ и вовсе не преступнымъ.

235. L e l e w e l: „Rozpatrzenie niektórych względów i pomników“ въ Polska

Свобода расторжимости браковъ какъ будто противорѣчить за-мѣченной выше [стр. 98—101] крѣпости семейнаго союза; но не слѣдуетъ забывать, что семейный союзъ — особенно въ древнія времена — былъ союзомъ исключительно мужскимъ: на долю женщины выпадали одни обязанности, правъ — она не знала, и ничто не защищало ее отъ исключенія изъ союза, если такова была воля мужа-отца. При подобномъ устройствѣ быта — дозволенная обычаемъ частая смѣна женъ нисколько не ослабляла крѣпости семьи: мѣсто одной женщины заступала только другая, стольже строго, какъ и первая — связанная обязанностями и стольже безправная, какъ и она. Во всемъ прочемъ, семья оставалась, какъ была, порядки ея ненарушались ни въ чемъ. Правда, изъ міра поэзіи [въ сказкахъ] къ намъ доходятся грустныя картины тяжелаго положенія дѣтей, стоящихъ подъ грознымъ, ненавистнымъ началомъ власти мачехи, но полу-поэтическіе, полу-дѣйствительные образы эти едва ли должны быть приняты въ расчетъ, когда дѣло идетъ о строгихъ явленіяхъ историко-юридической жизни.

Отцовская власть. Въ племени со слабыми начатками государственной власти естественно предположить сильное развитіе власти отцовской. Къ сожалѣнію источники представляютъ очень мало данныхъ, способныхъ уяснить юридическое значеніе и пространство власти отца. Вотъ все, что извѣстно въ этомъ отношеніи.

Отцу принадлежала [у Поморянъ] власть надъ жизнью и смерти новорожденныхъ дѣтей женскаго пола. Сэфридъ передаетъ, что Оттонъ запрещалъ поморскимъ женщинамъ убійство новорожденныхъ дѣвочекъ:

„quod omni immanitate crudelius erat femineos partus onecare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora, si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius prouiderent, aliquas ex eis ingulabant, pro nichilo ducentes parricidium²³⁶“.

Въ извѣстной уже намъ рѣчи Оттона къ жителямъ Пырицы говорится о томъ же:

„partus — inquit — femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis. Parricidium hoc, non fiat ammodo in uobis. Siue igitur sit masculus, siue femina, diligenter enutrite partus uestros²³⁷“.

Такия же явленія засвидѣтельствованы и Эбономъ:

wieków średnich, III, Poz. 1859, p. 415 sq. Maciejowski: „Wielozęstwo u Słowian“ въ Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, I, Spb. 1839, p. 231—243.

236. Herboldi Dialogus, II, 33.

237. Ibidem, II, 18.

„Illic [въ Каминѣ] in catezizatione requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent — nam crudelitate paganica puellas necare, et mares reseruare solebant — et pro hoc scelere specialis penitentia eis iniuncta est²³⁸“.

Въ отчетѣ своемъ папѣ Каликсту самъ Оттонъ говоритъ, что онъ „hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nephas maxime inter eos uigebat²³⁹“.

Въ грамотѣ папскаго легата архид. Якова [1249] говорится, что новообращенные общали,

„quod nullus filium suum uel filiam quacunq̄ue de causa per se uel per alium abiiciat de cetero uel occidet publice uel occulte. uel ab alio talia quocunq̄ue modo fieri consentiet uel permittet²⁴⁰“.

Сомнѣнія въ дѣйствительности обычая — едва-ли будутъ умѣстны: опредѣленно ясны выраженія источниковъ прямо указываютъ, что бамбергскіе проповѣдники передали не какой нибудь общій, глухой слухъ, ходившій въ христіанскомъ мірѣ о звѣрскомъ нравѣ сѣверныхъ язычниковъ; а настоящій, дѣйствительный фактъ ихъ быта, имѣющій и свою причину.

Если бы мы могли прямо отнести къ Поморянамъ показанія грамоты Якова, то разъясненіе значенія обычая не представило бы особыхъ затрудненій: здѣсь власть отца является неограниченною, онъ властенъ самъ или чрезъ посредство другихъ — явно или тайно — отвергнуть или лишить жизни своихъ дѣтей. Это — тотъ же суровый законъ, который мы находимъ въ древне-германскомъ нравѣ²⁴¹. Но такъ-какъ грамота 1249 г. не можетъ служить прямымъ нашимъ источникомъ [см. выше, стр. 88], то мы и принимаемъ ея свидѣтельство только — какъ общее подтвержденіе факта, замѣченнаго бамбергскими миссіонерами.

Я не сомнѣваюсь, что поморскій обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола есть измѣненный исторіей остатокъ древняго [бытовавшаго у Грековъ, Римлянъ и Германцовъ] права, по которому отецъ могъ отвергнуть и экспонировать новорожденнаго ребенка, т. е., отказавъ ему въ признаніи — умертвить его, или выбросить на произволь судьбы²⁴². Три особенныя черты отличаютъ поморское обыкновеніе [въ передачѣ источниковъ] отъ древне-нѣмецкаго: во первыхъ — смерти или экспозиціи [что, въ сущности — одно и тоже] предавались только новорожденныя дѣвочки, но

238. Ebonis Vita Ottonis, II, 5.

239. Ibidem, II, 12.

240. Dreger Codex diplomaticus, St. 1748, p. 291.

241. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer. G. 1828, p. 455 sq.

242. Ibidem.

мальчики; во вторыхъ — исполнялось это будто-бы затѣмъ, чтобы тѣмъ легче и лучше можно было вырастить и воспитать другихъ дѣтей; въ третьихъ — отцовская власть остается въ сторонѣ: убійство дѣвочекъ поставляется какъ-бы въ зависимость отъ власти матерей. Мы оставимъ на время первое отличие и осмотримъ сначала два послѣднія. Не много нужно проницательности, чтобы замѣтить, что второе изъ нихъ есть простое и крайне недостаточное объясненіе причины обычая, а третье — поверхностное наблюденіе исполненія его. Сами ли свидѣтели дошли до заключенія, что Поморяне, предавали смерти однихъ дѣтей затѣмъ, чтобы удобнѣе воспитать другихъ, или Поморяне отозвались такъ на вопросъ миссіонеровъ, — во всякомъ случаѣ это будетъ личное, сподручное объясненіе или извиненіе факта. Взятое въ широкомъ смыслѣ — оно противорѣчитъ и нравственной природѣ человѣка и правному сознанію, для котораго никакъ не можетъ быть достаточно такое безправное основаніе, чтобы произнести судъ смерти. Но поставленное въ извѣстныхъ границы, это объясненіе получаетъ нѣкоторую долю вѣроятія. Судя по примѣрамъ нѣмецкаго обычая, смерти предавались такіе новорожденные, которые отличались природными физическими недостатками или подозрѣвались въ незаконномъ происхожденіи²⁴³. Растить и воспитывать калѣкъ, уродовъ или незаконныхъ дѣтей въ ущербъ здоровымъ и собственнымъ, по понятіямъ старины, было неумѣстно; они подвергались экспозиціи, а чрезъ это — естественно — облегчалось и воспитаніе прочихъ. Тоже начало, вѣроятно, дѣйствовало и у балтійскихъ Славянъ, и въ такомъ именно ограниченіи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, понимать разсматриваемое показаніе. Что касается до извѣстія — будто бы убійство дѣвочекъ зависѣло отъ воли и власти матерей, а не отцовъ — намъ кажется оно призрачнымъ и неосновательнымъ. По всему тому, что мы знаемъ [см. выше, стр. 104—5] о положеніи женщины у балтійскихъ Славянъ, никакъ нельзя думать, что-бы матерямъ могла быть предоставлена такая широкая власть. Дѣти, какъ и жена, принадлежали отцу и равномѣрно находились въ его власти; одинъ глава семьи имѣлъ право признать или непризнать ихъ, принять въ семейный союзъ или отвергнуть. Вліяніе жены въ этомъ отношеніи могло быть только нравственное, но не юридическое. Это начало, общее праву всѣхъ средневѣковыхъ европейскихъ народовъ, не оставалось, конечно, чуждымъ и праву балтійскихъ Славянъ. Допустивъ даже, что отецъ — на случаи рожденія дѣтей женскаго пола, передавалъ свою власть женѣ, все же *de iure* полнымъ властелиномъ оставался

243. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 465.

онъ, а мать тѣ. сѣз. только заступала его, была распорядительницей его власти и силы. Впрочемъ, кажется, нѣтъ и необходимости придавать показаніямъ бамбергскихъ миссіонеровъ значеніе опредѣленнаго свидѣтельства о недѣйствіи отцовской власти въ обыкновеніи предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ и въ исключительномъ дѣйствіи здѣсь власти материнской. Проповѣдники знали, что суровый обычай исполнялся женщинами и, не проникнувъ до дальнѣйшаго источника его, не замѣтивъ управлявшаго имъ начала отцовской власти, подумали, что женщины поступали здѣсь по своей власти и волѣ т. е., что отъ нихъ зависѣлъ и самый обычай. Имѣя, кажется, достаточное основаніе отнести обычай къ дѣйствію отцовской власти, рассмотримъ теперь первую и важнѣйшую особенность, которою онъ отличается отъ подобныхъ обыкновеній другихъ народовъ.

Почему обычай, оставляя права жизни мальчикамъ, обрекаетъ на смерть единственно дѣтей женскаго пола? Такого различія не дѣлаютъ права древнихъ и средневѣковыхъ народовъ; гдѣ только существовала экспозиція, тамъ она одинаково распространялась на оба пола. Нельзя думать, что обычай условило безправное положеніе женщинъ: мы видѣли, что онѣ стояли вовсе не такъ низко и пользовались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно значительнымъ признаніемъ. Объясненіе вопроса, кажется должно искать въ обстоятельствахъ исторіи. Если наша мысль объ основномъ тождествѣ поморскаго обычая съ древнимъ правомъ экспозиціи новорожденныхъ дѣтей — справедлива, то можно безошибочно предполагать, что во времена болѣе древнія права отцовской власти у Славянъ были гораздо шире, т. е. отецъ былъ властенъ вообще надъ жизнью своихъ дѣтей, безъ различія пола ихъ. Когда, со временемъ, суровый обычай ослабѣлъ и смягчился, исчезла тѣ. сѣз. только половина его: мужской полъ, какъ болѣе правоспособный, освободился изъ подъ его власти, но женскій — остался въ ней по старому. Падающій обычай поддержала съ своей стороны — исторія. Среди безконечныхъ тревогъ ея — женщины часто бывали, дѣйствительно лишнимъ бременемъ, затруднявшимъ вольную, непосѣдную жизнь воина и пирата, и нѣтъ ничего удивительнаго, что отвѣчая существенной потребности быта, обычай могъ остаться въ своей силѣ. Варварская жестокость его не останавливала людей, загрубѣвшихъ во всякаго рода насиліяхъ и жестокостяхъ; обычай скорѣе находилъ въ этой грубости существенную для себя поддержку: онъ не расходился съ самою жизнью и очень вѣрно выразилъ одно изъ крайнихъ направленій народной культуры.

Глухія извѣстія источниковъ не позволяютъ судить ни о степени распространенности обычая, ни о тѣхъ ограниченіяхъ, которыми, можетъ быть, подлежалъ онъ; но, кажется, не будетъ слишкомъ смѣлымъ и неосновательнымъ полагать, что онъ находилъ мѣсто преимущественно среди воинскаго, или подтвержденнаго частымъ тревогамъ войны — населенія. Спокойному семейному быту земледѣльца онъ противенъ по своей природѣ.. Чѣмъ руководились, оставляя въ жизни однихъ дѣтей и предавая смерти другихъ — неизвѣстно; вѣроятно — тѣмъ же, чѣмъ руководились и у Германцовъ, физическими пороками, рожденіемъ въ день, признававшимся несчастнымъ, подозрѣніемъ въ принадлежности другому, а не законному отцу и тому подобными примѣтами²⁴⁴.

Обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола или экспозиція представляетъ какъ-бы особенность юридическаго быта балтійскихъ Славянъ. Такой крайней отцовской власти въ историческія времена не знаетъ ни одно славянское племя. Только въ поэтическихъ разсказахъ [сказкахъ] кое — гдѣ виднѣются слабые, смягченные слѣды стараго грознаго обычая²⁴⁵, нѣкогда, быть можетъ, ботовавшаго у всѣхъ Славянъ, но рано исчезнувашаго подъ вліяніемъ мирныхъ успѣховъ жизни и семейнаго быта.

Возникъ ли обычай у балтійскихъ Славянъ самостоятельно или подъ вліяніемъ примѣровъ другихъ сосѣднихъ народовъ — рѣшить нельзя. И то и другое возможно: условія быта могли столько же независимо привести къ нему, сколько и облегчить его воспріятіе извнѣ. Заслуживаетъ, однако, быть замѣченнымъ, что точно такой же обычай умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ, какъ видно изъ грамоты папы Гонорія III [1218]²⁴⁶, существовалъ у сосѣдившихъ съ Поморянами Пруссозъ; а при этомъ какъ-то невольно думается, что и самое тожество обычая не было однимъ случайнымъ совпаденіемъ..

Опека. Со смертью отца власть его надъ малолѣтними дѣтьми переходила къ ближайшему родственнику, совершеннолѣтнему

244. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, pag. 456.

245. Аванасьева: Рус. нар. ск. I, № 13, II, 35, VI, № 68—9, Худяковъ Рус. сказки III, 126; Kulda: Moravské pověsti I, 289.

246. Voigt: Codex diplom. prussicus I, 1836, гр. № 12: „In Pruscie partibus populus est a fide prorsus exorbitans... inter alia multa que de ipsorum immanitate feruntur, quotcumque feminini sexus mater pariat perimunt, preter unam“.. cf. Dusburgi Chronicon III, c. 4: „istis [sc. Galindis] uidebatur consultam, quod quicquid nasceretur sexus foeminini, occideretur, et masculi ad bellum seruaerentur“, ed. Hartknochii, 1579, Franc, p. 77; обычай былъ у Скандинавовъ, см. Grimm, loco citato: cf. Maciejowski: Historia prawodawstw Slow. III, § 258, p. 304—5.

сыну или брату. Такъ, естественно, должно было статься при раздѣльности семейнаго быта: при родовомъ же устройствѣ — опека не нужна. Примѣры подобной опеки у балтійскихъ Славянъ мы находимъ въ княжескихъ родахъ. По смерти поморскаго князя Богислава I [1137] опеку надъ его сыновьями получилъ дядя ихъ Вартиславъ, сынъ Ратибора, называвшійся потому „*uisedominus terre*“; но король Кануть [датскій], леномъ котораго было Поморье — передалъ ее [въ 1189] Яромару князю Руянъ²⁴⁷. Князь восточнаго Поморья Мъстивой, на смертномъ одрѣ, поручаетъ опеку надъ младшимъ сыномъ — старшему, Свантополку:

„*Pater meus — говоритъ послѣдній — in articulo mortis positus commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem.. Victus precibus patris fratrem in curam recepi... [et] duodecim annis sicut melius potui procuravi. Quibus expletis anno tercio decimo fratrem meum dominio suo cum fraterna dilectione restitui...²⁴⁸.*

Опека надъ несовершеннолѣтними дѣтьми, увидимъ далѣе, могла быть исполняема и матерями-вдовами. Пространство власти опекуновъ не можетъ быть опредѣлено положительнымъ образомъ, но не подлежитъ сомнѣнью, что она распространялась на имущественныя отношенія малолѣтнихъ. Это — видно изъ грамать.

Опека подлежали немощные и старики: забота о нихъ лежала на обязанности наслѣдниковъ. Такой обычай у Руянъ засвидѣтельствованъ Гельмольдомъ:

„*Statim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitem etas, heredis cure delegatur plena humanitate fouendus²⁴⁹.*

При замѣченной нами [стр. 75—6] нормѣ особой семейной жизни — опека, естественно, представлялась необходимостью: она, конечно, имѣла мѣсто и въ бытѣ простаго народа, иначе — нельзя понять, чемъ и какъ держалась семья остававшихся по отцѣ малолѣтнихъ дѣтей.

Старики. О положеніи старыхъ, немощныхъ людей въ семьѣ у балтійскихъ Славянъ сохранились двоюкаго рода извѣстія. По Гельмольду — старики пользовались вниманіемъ, почтеніемъ и при смотрѣ потомковъ и родичей: уваженіе и уходъ за родителями считались у Славянъ первою добродѣтелью:

„*pollebant [Bani] multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentibus debitum exhibent honorem. Nec enim aliquis egenus aut mendicus apud eos aliquando repertus est.*

247. Klempin: Pomm. Urkundenbuch I, N° 108, 115.

248. Cosegarten: Codex Pomer. diplom. I, N° 895, p. 807.

249. Helmoldi Chronica II, 12.

Statim enim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitem etas, heredis cure delegatur plena humanitate fovendus. Hospitalitatis enim gratia et parentum cura primum apud Sclaus uirtutis locum optinent²⁵⁰.”

По другимъ извѣстіямъ — у балтійскихъ Славянъ существовалъ жестокой обычай предавать старухъ, неспособныхъ къ войнѣ и работѣ людей — насильственной смерти. Сыновья и потомки не только убивали ихъ или заживо погребали, но даже — будто бы, сваривъ — съѣдали.

Три такого рода извѣстія указаны Я. Гриммомъ. Изъ нихъ одно — довольно древнее, остальные — очень поздніе.

Писатель XI в. Потгеръ, толкуя греческое слово *brosis*, говоритъ, что отсюда получили названіе свое *ambrones*; они называются также *antropofagi* т. е. *commissores hominum*, и живутъ въ Скиѣи; но Велеты, называемые также Вильцами и живущіе въ Германіи, не стыдятся утверждать, что они съѣдаютъ своихъ родителей съ большимъ правомъ, чѣмъ черви:

„aber uueletabi die in germania sizzent. tie uuir uuilze hóizén. die ne scáment sih nfeht zechédenne. daz sie iro parentes mit mēren réhte ézen súlin. dānne die uuurme²⁵¹“.

Въ сѣверно-фризской хроникѣ Геймриха разсказывается о случаѣ [1607 г.] погребенія заживо одной женщины, которая, по старости дѣтъ — не могла слѣдовать въ походъ за своими соотечественниками; хронистъ прибавляетъ при этомъ, что такой же обычай существовалъ въ прежнее время и въ славянскихъ земляхъ:

„Welches denn weiland bei den wendischen ländern ein ehrlicher und löblicher gebrauch ist gewesen“.

Въ Еписстолахъ Цейлера — находимъ также указаніе, что въ прежнее время въ Вагрии, Люнебургѣ и другихъ славянскихъ земляхъ — дѣти убивали своихъ престарѣлыхъ родителей и родственниковъ, варили и съѣдали ихъ, или заживо погребали:

„es ist ein ehrlicher brauch im Wagerlande gleichwie in andern Wendlanden gewesen, daz die kinder ihre altbetagte eltern, blutfreunde und andere verwandten, auch die so nicht mehr zum kriege oder arbeit dienstlich, ertödteten, darnach gekocht und gegessen oder lebendig begraben, derhalben sie ihre freunde nicht haben alt werden lassen, auch die alten selbs lieber sterben wollen, als daz sie in schwerem betrübtem alter länger leben sollen. Dieser brauch

250. Helmodi Chronica II, 12.

251. Приводимъ текстъ по рецензій В. Вагнерагеля: Altdeutsches Lesebuch, Baw. 1859, p. 132—3.

ist lange zeit bei etlichen Wenden geblieben, insonderheit im lüneburger lande²⁵²“.

Существуютъ, однако, и болѣе древнія извѣстія: одно изъ XIII столѣтія, другое изъ XIV.

Неизвѣстный авторъ статьи „объ округѣ и наименованіи вендской околицы Древанъ“ рассказываетъ, что въ 1220 году нѣмецкому дворянину Левину фонъ-Шуленбургу удалось спасти одного такого старика, осужденнаго на насильственную смерть:

„Im Jahre 1220 reiste Lewin von der Schulenburg Landeshauptmann in der Altemark Brandenburg [der wahrscheinlich auf der heutigen Probststein zu Salzwedel wohnte] durch den Drawän, und sah dass einige Wenden mit einem alten Mann ins Holz wollten. „Wohin mit dem Alten?“ — fragte der Landeshauptmann. „Zu Gott, zu Gott“ erwiederten jene. Dem Landeshauptmann jammerte des alten Mannes; er entriss ihn mit Gewalt den Händen seiner Führer, und nahm ihn mit sich, und machte ihn zum Schlosswächter. Erst nach 20 Jahren gefiel es Gott, diesen alten Mann zu sich zu nehmen²⁵³“.

По другому извѣстію старика спасаетъ графиня Мансфельдъ. Оно записано тѣмъ же авторомъ вышеуказанной статьи и Крантцомъ, въ его Вандалиі. Приводимъ текстъ послѣдняго, какъ старѣйшій:

„Rem a multis seculis retro commemoratam de barbarie in qua uetuli etiam parentes a filiis mactantur et senes iam labori inutiles ad mortem urgentur, hac tempestate quidam ex rustica Wandalarum gente [qui in durissima seruitute uix panem excudunt omni labore et sudore quotidiano] conprobavit. Nobilis domina, uxor comitis de Mansveld, filia comitis de Luchow, quum parentes inuisere constitisset, iter faciens per Ericam Luneburgensem, in uicino fruticeto audiuit uocem gementis et miserabiliter precantis: missoque uno ac altero ex familia, iubet contemplari quid esset: nec demorata reditum quum moram facerent, ipsa aditura iussit aduerti currum. Conspexit senem iam annis pressum, labori inutilem, ligatis manibus eiulantem, orare ut uitae eius parceretur. Iuxta uidit uirum scrobem effodere: quem interpellens rogat quid moliatur. Ille nihil ratus illicitum, plane confitetur, patrem suum, iam labori defunctum et inutilem, quique panem suum quaerere non possit, sepulturum. Illa redarguit impium, quod parenti non parceret. „Non times, inquit, improbe Deum,

252. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 488.

253. Ст. „Etwas über den Bezirk und Namen des wendischen Pagus Drawän, nebst einigen Bemerkungen über die alten Wenden und deren Sprache“ въ „Neues Hannöuerisches Magazin“ 1795, 33 Stück, p. 520—I. Издатель предпологаетъ, что авторомъ статьи былъ Christian Henningsen, бывшій священникомъ въ Вустровѣ, въ началѣ 18 вѣка

cuius est mandatum de honorandis parentibus et de nemine occidendo, minime uero patre“? Ad haec ille suscipiens: „Non possum, inquit, o domina, auferre panem paruulis, quos multos alo domi, et dare inutili seni: utrisque autem enutriendis non sufficio. „Quid faciam?“ Tum ingemiscens domina respexit in suos dixitque: „Videtis, quae sit horum pauperum conditio, quibus nemo impendit misericordiam, magis emunguntur ad sanguinem?“ Illa prolatis aliquot argenteis dedit filio ut patri uitam permitteret. Pollicetur ille, quoad duraerint argenta, patri prospecturum²⁵⁴“.

Не смотря на всѣ усилія — намъ не удалось доискаться прямыхъ источниковъ этихъ извѣстій. Самое время жизни Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ [XIII и XIV с.] мы обозначили, слѣдую указаніямъ археолога Кейслера²⁵⁵; но тѣмъ не менѣе, нѣтъ, полагаемъ, причинъ сомнѣваться въ относительной древности показаній и дѣйствительной принадлежности ихъ названнымъ лицамъ.

Память о варварскомъ обычаѣ Славянъ сохранялась долго: въ 15—16 столѣтіи ее записали извѣстный Маршалкъ и маркскій хронистъ Энцельтъ²⁵⁶, въ 17 — она замѣчена церковнымъ визитаторомъ Гильдебрандомъ²⁵⁷, наконецъ — въ концѣ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ она перешла въ область поэзіи и доселѣ живетъ, какъ устное преданіе²⁵⁸.

254. Krantzii: Wandalia, Franc. ad. M. 1580, p. 175, lib. VII, c. 48.

255. J. G. Keyser: Antiquitates selectae septentrionales et Celticae. . . Nap. 1720, p. 148—9. Кейслеръ въ краткихъ словахъ передаетъ приключенія Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ, говоря о первомъ, что онъ жилъ „circa annum 1220“, а о второй — „ad initio seculi XIV“.

256. Маршалкъ Турій [1470—1525] въ своихъ „Annales Herulorum“ cap. VIII: „Amicum [Heruli sc. Obotriti] non sunt passi senescere, mortem potiorum duxerunt quam uitae tempus reliquum per ignauiam transigere. Senio confectos occidere pulchrum. Parentes acherontios ac silicernios secare in uiscera, parare in mensam, officiosum ducebant“ — у Westphalen's Monumenta inedita I, Lip. 1739, p. 191. Möhsen, Geschichte der Wissenschaften in der Mark-Brand. Berl. 1781, p. 50 — говоритъ: „Enzelt sagt ausdrücklich in seiner 1579 herausgekommenen Chronik der Altmark dass die Lüneburger Wenden noch vor wenig Jahren ihre Väter, wenn sie alt und lebensatt gewesen, getödtet“.

257. Гильдебрандова визитація имѣла мѣсто въ 1672 г. Въ статьѣ своей: „Ueber die Wenden in sogenannten Drawähn“ въ гл. 9, обозн. „Von den Begräbnissen“, онъ говоритъ „Sonsten pflegten die Kinder ihre abgelebte Eltern, wann sie nichts mehr verdienen kunten, selbst tod zu schlagen, vorgebende: Gott hätte keinen Gefallen an Leuten, die nichts arbeiten“. въ Hannoversches Magazin 1817, p. 1056—7. Указаніе и выписка обязательно сообщены намъ А. А. Куникомъ.

258. Jean Potocki: Voyage danc quelques parties de la basse Saxe, Hamb. 1795, p. 48; Zwölftes Jahresbericht des altmärkischen Vereins für vaterl. Ge-

Итакъ, оставимъ на время всторонѣ совершенно ясное и не требующее никакихъ предварительныхъ толкованій свидѣтельство Гельмольда и остановимся на извѣстіяхъ объ обычаяхъ убійства стариковъ у балтійскихъ Славянъ.

Насъ прежде прочаго поражаетъ одна черта, именно — будто бы Вильцы съѣдали своихъ стариковъ родителей.. Не встрѣчая не только у Славянъ, но и у самыхъ дикихъ народовъ ничего подобнаго, мы не задумываемся видѣть здѣсь этнографическую сказку. Такія сказки были въ большомъ ходу въ средніе вѣка: со словъ странниковъ и мореходцовъ, любившихъ хвастнуть видѣнными имъ чудесами, онѣ записывались доверчивыми анналистами или расходились путемъ устной передачи, а позднѣе — попадали и въ сочиненія ученаго содержанія²⁵⁹. Легковѣріе и отсутствіе положительныхъ знаній открывало широкую дорогу ихъ распространенію. Стоитъ прочесть нѣкоторыя главы IV книги Гамбургской церковной исторіи Адама бременскаго, особенно 19ую²⁶⁰, чтобы убѣдиться въ полной возможности образованія такого баснословно-этнографическаго разказа о Вильцахъ, далекомъ и свирѣпомъ народѣ, имѣвшемъ — по общимъ понятіямъ времени — звѣрскіе нравы и обыкновенія. Намъ кажется, впрочемъ,

schichte. Salzw. 1859, p. 25, saga: „der gerettete Wende“; [Hennings] Das hannoversche Wendenland, Lûch. 1862, p. 77.

259. Въ космографіи Бартоломея Главицки, Мюнстера итд. Въ особенности такими сказками полно знаменитое сочиненіе Олая Магна: *Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diuersis statibus.. etc.* Romae, 1555, 4°.
260. Приводимъ здѣсь эту главу, потому что въ ней видѣнъ ясный слѣдъ занимающей насъ сказки о Вильцахъ. „Sunt et aliae in hoc ponto [sc. baltico] insulae plures, ferocibus barbaris omnes plene, ideoque fugiuntur a nauigantibus. Item circa haec littora Baltici maris ferunt esse Amazonas, quod nunc terra feminarum dicitur. Eas aquae gustu dicunt aliqui concipere. Sunt etiam qui referant eas fieri praegnantes ab hiis qui praetereunt negotiatoribus, uel ab hiis quos inter se habent captiuos, siue ab aliis monstris, quae ibi non rara habentur. Et hoc credimus etiam fide dignius. Cumque peruenerint ad partum, si quid masculini generis est, fiunt cynocephali; si quid feminini, speciosissimae mulieres. Hae simul uiuentes, spernunt consortia uirorum; quos etiam, si aduenerint, a se repellunt uiriliter. Cynocephali sunt, qui in pectore caput habent; in Ruzzia uidentur sepe captiui, et cum uerbis latrant in uoce. Ibi sunt etiam qui dicuntur Alani uel Albani, qui lingua eorum wizzi [схольіастъ пишетъ: Wilzi] dicuntur, crudelissimi ambrones; cum canicie nascuntur; de quibus auctor Solinus meminit. Eorum patriam canes defendunt. Si quando pugnandum est canibus aciem struunt. Ibi sunt homines pallidi, uirides et macrobii, quos apellant Husos; postremo illi qui dicuntur Antropofagi, et humanis uescuntur carnibus. Ibi sunt alia monstra plurima, quae recitantur a nauigantibus sepe inspecta, quamuis hoc nostris uix credibile putetur“. Adami brem. Gesta IV, 19; cf. cap. 25.

что сказка сложилась не безъ историческихъ основаній. Къ ней, быть можетъ, подали поводъ обычай подвергать тѣла умершихъ варки для отдѣленія костей²⁶¹ и тризненное пиршество на могълахъ родителей²⁶². Дурно наблюденныя и истолкованныя, эти дѣйствительныя обыкновенія могли породить сказку, что Вильцы варятъ и съѣдаютъ своихъ родителей. Сказка могла образоваться и книжнымъ, ученымъ путемъ, вслѣдствіе довольно распространеннаго въ средніе вѣка мнѣнія о происхожденіи и этнологической связи Славянъ со Скиѣми и Массагетами, у которыхъ Городотъ замѣтилъ точно такія обыкновенія. Вниманія также заслуживаетъ и объясненіе Dr. Виггера²⁶³. Онъ также считаетъ извѣстіе Ноткера — чистою сказкою, но, зная, что словомъ Велеть, Волотъ Славяне обозначали вообще великановъ, думаетъ, что здѣсь черта нѣмецкихъ преданій о великанахъ перенесена на историческій народъ Велетовыхъ, т. е. что сага рассказывала о исполинахъ-велетахъ, то приписано дѣйствительнымъ Велетовымъ. Толкованіе — остроумное, и случай — возможный, если было-бы доказано, что значеніе нарицательнаго имени велеть = исполинъ не оставалось неизвѣстнымъ нѣмецкому писателю XI вѣка, или нѣмецкому миѳу. Какъ бы то ни было, баснословный характеръ сказанія — не подлежитъ сомнѣнію, а поэтому и намѣреніе Гизебрехта-старшаго объяснить его въ смыслѣ строго историческомъ — намъ представляется неуцѣстнымъ²⁶⁴.

Совсѣмъ иное дѣло — насильственная смерть потерявшихъ способность къ труду стариковъ. Хотя всѣ извѣстія о существованіи подобнаго суроваго обычая въ бытѣ балтійскихъ Славянъ — не древни и не могутъ приняты за прямыя достовѣрныя свидѣтельства, но, имѣя въ виду, что точно такое же явленіе — какъ доказано Я. Гриммомъ²⁶⁵, нѣкогда несомнѣнно бытовало у многихъ европейскихъ народовъ, мы едва-ли должны отказать этимъ по-

261. Такой обычай засвидѣтельствованъ многими несомнительными показаніями, см. P. h. Jaffé: De arte medica заес. VII, Ber. 1853, p. 27, 30—32. Онъ былъ возможенъ и у Вильцовъ.

262. См. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, М. 1868, стр. 39 sq, 118 sq, 54 sq.

263. Wigger. Mecklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 58.

264. L. Giesebrecht: Wendische Geschichten, I, p. 40. Гизебрехтъ видитъ здѣсь частный случай: дѣти м. б. во время страшнаго голода, дѣйствительно какъ-то разъ съѣли своихъ стариковъ-родителей. Молва обратила этотъ случай въ обычай.

265. Deutsche Rechtsalterthümer, p. 486—489. Обычай несомнѣнно существовалъ у Римлянъ, Геруловъ, древне сѣверныхъ племенъ, Пруссовъ и многихъ другихъ; cf. ст. Tylo r'a въ „Ausland'ъ“, 1874, N° 1, p. 16—17.

казаніямъ во всякомъ вниманіи. Намъ кажется положительно невозможнымъ видѣть въ нихъ одну пустую выдумку или умысленный вымыселъ: ни для того, ни для другаго нѣтъ видимыхъ побудительныхъ причинъ... Скорѣе мы склонны допустить, что здѣсь выражаются — или донесенная преданіемъ поздняя память о нѣкогда дѣйствительно существовавшемъ обычаѣ, или, быть можетъ, и остатки самаго обычая, которые — вопреки вліянію христіанства и просвѣщенія, могли уцѣлѣть до поздняго времени гдѣ нибудь въ глухихъ забытыхъ мѣстахъ, среди люнебургскихъ болотъ и лѣсовъ. Стоя на почвѣ шаткихъ свидѣтельствъ, было бы слишкомъ смѣло утверждать дѣйствительное существованіе обычая въ бытѣ балтійскихъ Славянъ, но возможность и даже вѣроятность его — очевидны. Насильственная смерть ослабѣлыхъ старцевъ была совершенно въ духѣ воинственно дѣятельной балтійской старины. „Язычество—по словамъ Я. Гримма — ставило жизнь ни во что, если не было здоровья тѣла и полного употребленія всѣхъ членовъ его; потому признавалось справедливымъ выбрасывать [экспонировать] слабыхъ дѣтей и прекращать смертью страданія людей, неизлѣчимо больныхъ. На этомъ же началѣ основывалось и малое уваженіе къ хилому старчеству. Такой обычай намъ показался бы страшнымъ варварствомъ, еслибы не было извѣстно, что онъ совпадалъ съ волею, чувствами и возрѣніями самихъ стариковъ, которые падали его жертвами ²⁶⁶“. Утверждая возможность существованія у балтійскихъ Славянъ жестокаго обычая предавать смерти стариковъ, мы должны, однако, сказать, что онъ — если былъ, то уже со временъ глубокой древности былъ явленіемъ частнымъ, спорадическимъ, дѣйствовавшимъ у какихъ нибудь отдѣльныхъ, болѣе одичалыхъ и погруженныхъ въ мракъ варварства племенъ. Тревоги-ли воинскаго быта, гдѣ слабые старики представлялись тяжелымъ бременемъ, крайняя ли бѣдность и голодъ — сами по себѣ, дали такое грубое направленіе человѣческой природѣ Славянина, примѣры ли сосѣдей ²⁶⁷ увлекли ее къ жестокому обычаю — опредѣлить нельзя; но несомнѣнно, что онъ не былъ обычаемъ распространеннымъ и этимъ-то обстоятельствомъ, конечно объясняется, почему положительная исторія вовсе не замѣтила его ни у одного изъ славянскихъ на-

266. Deutsche Rechtsalt., p. 486.

267. P. Dnsburgi Chronicon ed. Hartknoch. Fr. 1579: dissertatio XIII, p. 188—9, гдѣ собраны указанія объ этомъ обычаѣ у Пруссовъ; cf. Grimm DRAlt. I. cit.

268. Память о немъ сохранилась только въ поэзіи, именно въ сказкѣ, Erben: Sto prstonárodních pohádek a pověstí slovanských. P. 1865, p. 137 sq, № 48.

родовъ ²⁶⁸. Ей извѣстны грубыя отношенія дѣтей къ отцамъ и родственникамъ ²⁶⁹, но такой грубости духа — она не знаетъ. Чѣмъ далѣе идетъ она, тѣмъ яснѣе становятся человѣчественныя отношенія дѣтей къ родителямъ, отношенія, столь опредѣленно и ярко засвидѣтельствованныя Гельмольдомъ и имѣвшія, конечно, мѣсто не у однихъ только Руянъ, но и у всѣхъ ихъ родичей и у всѣхъ Славянъ вообще.

Уваженіе къ старцамъ у Славянъ основывалось, можно полагать — столько же на чувствѣ кровной, семейной любви, сколько и на убѣжденіи и вѣрѣ въ ихъ богатое опытомъ знаніе жизни и вообще житейскую мудрость. Тамъ гдѣ частныя и общественныя отношенія велись по преданію, старцы, естественно, должны были занимать въ обществѣ очень видное, почетное мѣсто, какъ хранители и истолкователи старыхъ законовъ и обычаевъ своего племени. На одного такого слѣпаго старика — руянина указываетъ Саксонъ Грамматикъ, приводя его мѣткое изреченіе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ Саксами ²⁷⁰.

Положеніе вдовъ у балтійскихъ Славянъ отчасти видно изъ показанія Сефрида у Герборда. Вдова представляется здѣсь лицомъ самостоятельнымъ и властнымъ, она правитъ домою и обширную семью, воля ея служить вторымъ закономъ:

„Vidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde... erat multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam... in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, nec ipsa ueniebat nec suos uenire permittebat: „Ite, inquit, metite michi agros meos²⁷¹“ ...

Если бы можно было вполне положиться на слова Герборда, мы не задумались бы увидѣть здѣсь примѣръ опредѣленной материнской опеки надъ дѣтьми. Иначе трудно объяснить ея полную властѣ, почему она управляла всѣмъ домою, а не [предполагаемый] сынъ ея, или иной родственникъ-опекунъ-глава семьи. Случаи древней материнской опеки, находимые въ древности польской и чешской и постановленіе „Русской Правды“ о правовой опекѣ

269. „срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами“. Лѣтопись по лаврентьев. списку, Спб. 1872, р. 13.

270. „Masco quidam, inter Rugianos natu atque autoritate praestantissimus, luminibus orbatus, sed ingenii sagacitate perspicuus, nec annis quam animo uiuacior, Concitatoris, inquit, petulantiae equis nos est, quo arctius retinentur, hoc uehementius habenas tendere. Laxentur itaque Saxonibus freni, ne retentationis nimietate rumpantur. Si quidem et nobis ipsorum et ipsis nostra perquam nota est uirtus“. Saxo nis Gram. Historia p. 774.

271. Herbor di Dialogus II, 23.

вдовы-матери²⁷² показывают, что такой обычай могъ уже имѣть мѣсто и въ бытѣ балтійскихъ Славянъ, если не въ простомъ народѣ, то въ высшемъ сословіи, если не какъ явленіе правовое, прочно установленное, то какъ обыкновенный, ничѣмъ не воспрещенный — случай. Дѣйствительно, въ поморскихъ грамотахъ, при дареніяхъ монастырямъ и церквамъ различныхъ помѣстій и другихъ предметовъ — выступаютъ и вдовы-внучкини, какъ лица, распоряжающіяся имуществомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей; онѣ нерѣдко даютъ записи отъ своего имени, хотя и съ согласія настоящихъ владѣтелей-наслѣдниковъ и иногда другихъ знатныхъ земли. Таковы: Анастасія, вдова Богуслава I и Ингарда, вдова Казимира II, послѣдняя дѣйствуетъ, „pleno iure, uice filii sui Wartizlai, qui pro iuuentute sua nichil nouit de sublimibus ordinare“, или „nomine sui filii, qui licet sit heres, tamen quanto tempore paruulus est, discreti- onem non habet de sublimibus ordinandi“. Очевидно, это была настоящая опека²⁷³.

Гостепрѣимство было столько же обязанностью, сколько и правомъ семьи.

Адамъ бременскій говоритъ о Волынцахъ, что нельзя найти другаго народа, который былъ бы правами и гостепрѣимствомъ честнѣе и вѣжественнѣе ихъ:

„moribus et hospitilitate nulla gens honestior aut benignior poterit inueniri²⁷⁴“.

Сефридъ замѣтилъ тоже относительно Поморянъ вообще. „Удивительное дѣло, говоритъ онъ, столъ ихъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый домохозяинъ имѣетъ особый домъ, опрятный и честный, назначенный для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами; принимаются одни, немедленно ставятся другіе; чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей, и въ какое время кто ни захотѣлъ бы угоститься, будутъ ли то чужіе, гости или домашніе — ихъ ведутъ къ столу, гдѣ все готово“:

272. Примѣры материнской опеки у Поляковъ указаны Делевелемъ: „Histog. rozb. prawodawstwa polskiego § XXII; Rozpatrzenie niekt. względow, § 28 въ Polska wiek. sredn. III, p. 51 sq, 420, 438—9; древнѣйшій примѣръ чешской материнской опеки находится, сколько знаемъ въ Житіи св. Вячеслава, именно въ лицѣ матери его Драгомира: Fontes rerum bohemicarum t. I, 1873, p. 128; cf. W o s e l: o staročeském dědickém právu, P. 1861, p. 26 sq; ст. А. Н. Попова: „объ опекѣ и наслѣдствѣ во время русской Правды“ въ [Валуева] Сборникѣ историческихъ и статист. свѣдѣній о Россіи, М. 1845, стр. 99—104.

273. Codex Pomer. diplomaticus I, N° 61, 65, 82, 94, 129, 136, 138.

274. A d a m i b r e m e n s. Gesta ham. eccl. II, 19.

„Mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferculatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed aliis absumptis alia subrogantur. . . de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint. domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam²⁷⁵“.

Эбонъ передаетъ, что двое изъ бамбергской миссиі, Удальрикъ и Альбинъ — пришли въ городъ Волегощъ и, какъ странники, были приняты женой правителя города самымъ гостепріимнымъ образомъ: она накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе. Миссіонеры изумились, встрѣтивъ такой привѣтъ и гостепріимство „въ царствѣ діавола“. Когда хозяйка узнала, кто они таковы, то пришла въ большое смятеніе и объяснила, что имъ готовится погибель отъ жителей города, она скорбѣла, что домъ ея, гостепріимно открытый всѣмъ странникамъ, станетъ мѣстомъ убійства, ибо она должна будетъ или выдать ихъ, или погибнуть вмѣстѣ съ ними. Обязанность гостепріимства взяла верхъ надъ чувствомъ опасности и страха: добрая женщина скрыла у себя пришельцевъ и, когда возбужденный народъ сталъ требовать ихъ выдачи, объяснила, что къ ней дѣйствительно заходили какіе то странники, но, удовольствовавшись пищей, ушли, и будто она не знаетъ, кто были они и куда направились. . .

„[Vdalricus et Albwinus] a matre familias uxore scil. prefecti urbis, honorifice suscepti sunt, ita ut pedes eorum summa humilitatis deuotione lauaret, statimque mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret, mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent. . . Tandem, finita refectione, Albwinus matrem familias secretius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui. . . Hec illa audiens adeo expauit, ut terre procumbens, diu semianimus remanserit. . . At illa: „pro nece uestra iam iamque imminente contremuit cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retractatione occidamini. Et hec domus mea, semper quieta et pacifica, omnibus peregrinis superuentibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque si aliquis magistratum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus meos concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate“. . . Post modicum plebs furibunda irrupit, omniaque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem

275. Herboldi Dialogus II, 41.

expetebant. Quibus mater familias: „fateor, ait, domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelocius abierunt. Et ego, qui uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui“²⁷⁶.

Еще важнѣе показаніе Гельмольда потому именно, что оно указываетъ на общее правовое значеніе у Славянъ обычая гостепріимства. Епископъ Герольдъ вмѣстѣ съ анналистомъ, ради утверженія христіанства, странствовали по Вагріи и были приглашены княземъ Прибиславомъ въ его домъ. Онъ привѣтливо принялъ ихъ и угостилъ богатымъ пиромъ. „Здѣсь, говоритъ Гельмольдъ, я на опытъ узналъ, что прежде доносилось ко мнѣ молвою, что нѣтъ народа, который былъ бы въ гостепріимствѣ радуншѣе Славянъ: всѣ они въ принятіи гостей ревностны, какъ бы по уговору, и никто не имѣетъ надобности просить у нихъ пристанища. Все, что приобрѣтаютъ земледѣліемъ, рыболовствомъ или охотой, они со щедростью вполне отдаютъ гостямъ, и тотъ между ними считается болѣе почтеннымъ, кто бываетъ расточительнѣе. Страсть къ такой расточительности доводитъ многихъ изъ нихъ до воровства и разбоя, и оба рода этихъ преступленій у нихъ находятъ извиненіе: покровъ обычая гостепріимства защищаетъ ихъ. По славянскимъ обычаямъ, что ночью укралъ, то на утро ставъ гостямъ. Если же кто нибудь, что случается очень рѣдко, будетъ уличенъ въ отверженіи странника, то позволительно бываетъ съечь его домъ или имущество, на такого поднимаются всѣ, въ одинъ голосъ называя безчестнымъ, низкимъ, достойнымъ презрѣнія того, кто непостыдился отказать въ хлѣбѣ страннику“:

„Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse sit. Quicquid enim in agricultura piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiolem quemquam quo profusiolem iactitantes. Cuius ostentationis affectatio multos eorum ad furta uel latrocinia propellit. Que utique uitiorum genera apud eos quidem uenalia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Sclauorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis uero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio remouisse deprehensus fuerit, huius domum uel facultates incendio consumere licitum est, atque in id omnium uota pariter conspirant, illum inglorium, illum uilem et ab omnibus exsibilandum dicentes, qui hospiti panem negare non timuisset“²⁷⁷.

276. E b o n i s Vita Ottonis III, 7.

277. H e l m o l d i Chronica I, 82

Въ концѣ своего труда Гельмольдъ еще разъ хвалитъ обиліе гостепрѣимства Славянъ и говоритъ, что оно наравнѣ съ почтеніемъ къ родителямъ занимаетъ у нихъ мѣсто первой доблести:

„Erat apud eos [Ranos] hospitalitatis plenitudo... Hospitalitatis gratia et parentum cura primum apud Sclauos uirtutis locum optinent“²⁷⁸.

Приведемъ, наконецъ, еще одно свидѣтельство, которое хотя и не говоритъ прямо о гостепрѣимствѣ, но очень важно для объясненія этого обычая. Когда монахъ Бернгардъ явился на проповѣдь въ г. Вольтъ, жители, принявъ его за обманщика, требовали, чтобы онъ удался. На настоянія его жрецы и старѣйшины составили совѣтъ и рѣшили, что это — человѣкъ безумный, слушать его негодится; но не слѣдуетъ также и предать его смерти: онъ — бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, какъ дознано опытомъ, не проходитъ безъ возмездія, навлекаетъ бѣдствія. Этому обстоятельству Бернгардъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ:

„Non expedit nobis peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pruzenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicantem, occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substantia eorum ad nichilum reducta est“²⁷⁹.

Для насъ рѣшительно все равно — такъ или иначе говорила вольтская сходка, одно не подлежитъ сомнѣнію, что странническій характеръ Бернгарда былъ его спасеніемъ; благодаря этому же странническому характеру Войтъха, Поморяне особенно уважали память его²⁸⁰.

Такимъ образомъ, старый, коренной славянскій обычай гостепрѣимства, очень рано замѣченный исторіей²⁸¹, сохранился у балтійской отрасли неколебимо, какъ бы вопреки ожесточающимъ историческимъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключалась причина такой упорной долговѣчности, что давало силу этому обычаю пройти черезъ длинный рядъ житейскихъ искушеній и уцѣлѣть среди разлива неприязненныхъ для него страстей и обыкновеній, среди горькихъ опытовъ, изъ которыхъ малѣйшаго достаточно было, чтобы снести его и на мѣсто его поставить недружелюбную, угрюмую самозаблю-

278. Hel m o l d i Chronica II, 12.

279. E b o n i s Vita Ottonis II, 1; все происшествіе подробно передано въ нашемъ трудѣ: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ. Пр. 1874, стр. 22—3.

280. E b o n i s Vita Ottonis II, 15.

281. См. свидѣтельства объ этомъ Мавриція [582—602] и Льва Мураго [886—911] у Шафарика въ Slowanské starož. 1837, приложенія, стр. 967—972.

ченность и подозрительное недоверіе къ чужеземцамъ? Въ бытѣ балтійскихъ Славянъ обычай присутствуетъ не какъ бездѣйственный, случайно уцѣлѣвшій остатокъ старины, но какъ начало живое, руководящее людскими отношеніями, какъ дѣйствующее право и обязанность. Сказать, что гостепрѣимство выходило изъ основныхъ свойствъ племеннаго характера — значить обойти, но не разрѣшить вопросъ; ибо племенной характеръ во многомъ зависитъ отъ исторической жизни, а она издавна имѣла враждебное ему направленіе, могла только разрушить, но не поддержать его. Была, слѣдовательно, иная сила, которою оно держалось и крѣпилось наперекоръ жизненнымъ обстоятельствамъ, и которая давала ему значеніе долга и права.

Такою силою могла быть только религія.

Религіозное основаніе обычая станетъ для насъ вполне ясно, когда пріймемъ въ расчетъ нѣкоторыя преданія и повѣрья славянской старины. Одно изъ нихъ стоитъ на переходѣ отъ мифической къ достовѣрной исторіи Польши: имъ открывается первая страница ея, утвержденіе исторической династіи Пястовъ. Въ Гнѣзднѣ, такъ рассказываетъ старѣйшій польскій анналистъ, княжилъ князь, по имени Попель. У него было двое сыновей. Пришло время, когда по обычаю старины, надъ ними слѣдовало совершить обрядъ по стригъ. Князь по этому поводу устроилъ большой пиръ, на который позвалъ многихъ знатныхъ людей и друзей. Случилось такъ, что туда пришло двое странниковъ; ихъ не только не пригласили къ пиру, но еще съ безчестіемъ изгнали изъ города. Они ушли отъ негостепрѣимныхъ людей въ пригородъ и случайно остановились возлѣ хижины княжяго пахаря. Добрый бѣднякъ пригласилъ ихъ въ свое скромное жилище и просилъ снисходительно простить его убожество. Странники вошли подъ гостепрѣимную кровлю и привѣтствовали его. Пахарь назывался Пястомъ и имѣлъ жену по имени — Рѣнку. Бѣдняки, по мѣрѣ силъ, старались чѣмъ бы угодить своимъ гостямъ. Среди бесѣды странники попросили напиться, и радушный хозяинъ отвѣчалъ: „припасена у меня кружка пива на тотъ день, когда будутъ постриги моего единственнаго сына; да что беречь эту мелочь: пейте, коли ваша ласка“. Надобно сказать, что крестьянинъ имѣлъ намѣреніе устроить постриги своему сыну въ то время, когда князь станетъ справлять пиръ по случаю семейнаго торжества [постригъ же]; тогда и онъ хотѣлъ сдѣлать кое-какое скромное угощеніе друзьямъ-бѣднякамъ и на этотъ конецъ откармливалъ поросенка. Странники велѣли принести пиво и разлить его въ чаши, и — чудное дѣло — рассказываютъ, что пиво росло, пока не наполнили всѣ чаши и всѣ

сосуды, которые нашлись пустыми на пиршествѣ князя. Странники приказываютъ убить поросенка, и опять — его мясомъ наполняется цѣлыхъ десять цеберъ или вѣдеръ. Когда Пастъ и Рѣпка увидѣли такое чудо, они поняли его, какъ доброе предзнаменованіе для сына, думали даже позвать на пиръ князя, но не смѣли безъ согласія странниковъ. Тѣ позволили; пришелъ князь съ своими гостями — и пошелъ пиръ горой.. Наконецъ, странники совершили надъ сыномъ Паста обрядъ постриженія, они нарекли его Семовитомъ въ предвѣстье о его будущемъ ²⁸².

282. „Erat in ciuitate Gueznensi, quae nidus interpretatur Sclauonice, dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande conuiuium praeparauit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum inuitauit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illus hospites aduenisse, qui non solum ad conuiuium non inuitati, uerum etiam a ciuitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim ciuium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris praedicti ducis pro filiis conuiuium facientis forte fortuna deueniunt. Ille uero bonae compassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam inuitauit, suamque paupertatem eis benignissime praesentauit. At illi pauperis inuitationi gratanter inclinantes et hospitalitis tugurium subeuntes: „Bene — inquit — nos aduenisse gaudeatis, et in nostro aduentu bonorum copiam, et de sobole honorem et et gloriam habeatis.“ Erant enim hospitii domestici Pazt filius Chossistconis et uxor eius Repca uocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitem necessitati ministrare sathagebant, eorumque prudentiam intuentes, secretum si quid erat cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more resistentes colloquerentur de plurimis, et peregrini an ibi potus aliquid habeatur inquirerent, arator hospitalis respondit: „est, inquit, michi uasculum cereuisiae fermentate, quam pro caesarie filii quem habeo unici tondenda praeparauit, sed quid prodest hoc tantillum? Si libeat ebibatis.“ Decreuerat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis conuiuium praepararet — nam in alio tempore prae nimia paupertate non posset — aliquid obsonii pro suo tondendo paruulo praeparare, et quosdam amicorum et pauperum, non ad prandium, sed ad gentaculum inuitare, qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud seruitium reseruabat... Imperant igitur eum hospites securi ceruisiam propinari, quam bene nouerant potissando non deficere sed augeri; usque adeo enim creuisse fertur ceruisia, donec uasa mutuata replentur omnia et quae ducis conuiuantis inuenere uacua. Praecipiant et porcellum supra dictum occidi, unde decem situlae, sclauonice cebri, mirabile dictu, memorantur adimpleri. Visis igitur Pazt et Repcamiraculis quae fiebant, aliquid magni praesagii de puero sentiebant, iamque ducem et conuiuas inuitare cogitabant, sed non audebant, nisi prius peregrini nos hoc inquirant. Quid moramur? Consilio itaque hospitem et exhortatione dominus eorum dux et conuiuiae omnes ipsius ab agricola Pazt inuitantur, neque rustico suo dux inuitatus condescendere dedignatur.... Inito de more conuiuio, et habundanter omnibus apparatus, hospites illi puerum totonderunt, eique Semovith uocabulum ex praesagio futurorum indixerunt“. Martini Galli Chronicon I, c. 1—3, apud Bielowski, Monumenta Pol. I, p. 895—897.

То былъ родоначальникъ княжескаго рода Пястовъ. Какъ бы въ наказаніе за оскорбленіе правъ гостепріимства, со смертію Попела прекращается родъ его, и на княжій столъ вступаетъ Семовитъ, отецъ котораго нѣкогда почтитель странниковъ дружественнымъ пріемомъ и тѣмъ приобрѣлъ себѣ и своему потомству благоволеніе высшей силы..

Кто были эти переходящіе гости — лѣтописецъ не знаетъ, или не помнитъ, но уже самое чудо, совершенное ими, указываетъ, что они не были обыкновенные смертные люди. Дѣйствительно, во многихъ народныхъ преданіяхъ мы встрѣчаемъ, что въ образѣ и подѣ видомъ странниковъ очень часто нисходятъ на землю лица высшаго, божественнаго происхожденія, они посѣщаютъ людей, принимаютъ участіе въ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, награждаютъ правду и добро, караютъ пороки и нечестіе²⁸⁸. Такихъ-то божественныхъ гостей конечно, принималъ у себя и крестьянинъ Пастъ!

Религіозное воззрѣніе положило основаніе обычаю гостепріимства: неизвѣстность, окружавшая пришельцевъ-странниковъ, служила не только вѣрнымъ для нихъ покровомъ и защитой, но и обязывала къ уваженію и почету относительно ихъ; ибо—кому извѣстно, кто они таковы, и что если въ лицѣ ихъ будутъ оскорблены самыя божества, пожелавшія принять на время земной образъ переходящихъ странниковъ? Гибель и кара неминуемо падетъ тогда на главу оскорбителя, его семьи и негостепріимнаго крова! Подѣ влияніемъ мирныхъ свойствъ племенной природы и развивавшагося патріархальнаго понятія о святости семейнаго крова обычай выросъ и возвысился до значенія семейнаго долга или обязанности.. Нужды нѣтъ, что съ теченіемъ времени сознаніе религіознаго источника его затемнилось, что въ странникахъ уже не видѣли и не предполагали ничего необыкновеннаго, одинъ разъ твердо установленный обычай остался обязательнымъ на долгіе вѣка; корни его такъ глубоко проникли въ народную жизнь, что онъ сталъ какъ бы нерушимымъ нравственнымъ закономъ и уцѣлѣлъ во всей свѣжести и силѣ даже и тамъ, гдѣ, казалось, не могло быть ни простора, ни даже мѣста его дѣйствию. Такъ именно было у балтійскихъ Славянъ!

Не иначе, какъ принявъ во вниманіе религіозный источникъ и значеніе обычая гостепріимства, намъ становится возможнымъ объ-

288. J. Grimm. Deutsche Mythologie, G. 1864, p. 137, 312 sq; O. Ф. Миллера, Илья Муромецъ и богатырство Киевское Спб. 1869, стр. 177 sq; А. А. Афанасьевъ, Русскія народныя Легенды, М. 1860, № 1, 2, 3, 7; послѣдняя легенда очень близка къ преданію у Мартина Галла; Erben: Sto prstonárodních pohádek a pověstí, Pr. 1865, p. 207.

яснить, почему Поморане считали убійство странниковъ — дѣломъ незаконнымъ и опаснымъ, почему, какъ гласила молва и какъ было на самомъ дѣлѣ, ни одинъ народъ не отличался такой „полнотою гостепрѣимства“, какъ Славяне, почему они рѣшались на кражу, разбой, даже на самую смерть, чтобы только не отказать страннику въ прѣемѣ и удовлетворить его, почему — наконецъ, отверженіе странника и отказъ въ гостепрѣимствѣ разсматривались не только, какъ дѣло нравственно-безчестное и позорное, но и какъ общественное преступленіе, караемое лишеніемъ крова и имущества. Не мало, конечно, во всемъ этомъ участвовалъ „широкій“, открытый характеръ добраго отъ природы племени, но онъ одинъ не могъ возвести обычай на степень непремѣннаго долга, не могъ дать ему правовыхъ обязательныхъ основаній: дѣйствіе обычая въ такомъ случаѣ не вышло бы за предѣлы добровольныхъ поступковъ и осталось бы только при нравственныхъ послѣдствіяхъ. Гостепрѣимство же признавалось дѣломъ общественной необходимости, въ нарушеніи его видѣлось нѣчто большее, чѣмъ нарушеніе приличіемъ утвержденного нравственнаго правила и обычая жизни, видѣлась опасность благосостоянію общества, его миру и порядку. А такой взглядъ понятенъ только тогда, когда въ основѣ его допустимъ указанную выше религіозную причину. Сознавалась ли она отчетливо, или какъ преданіе — смутно чувствовалась, но довольно, что съ почетнымъ уваженіемъ и прѣемомъ странниковъ народъ соединялъ идею справедливаго, необходимаго дѣйствія, въ оскорбленіи же и отверженіи ихъ видѣлъ преступленіе, навлекающее на все общество бѣды и несчастія и потому требующее очистительнаго возмездія и кары. Такое воззрѣніе съ одной стороны возвысило обычай до значенія обязательнаго закона, съ другой — опредѣлило нѣкоторыя права его. Разбой и воровство ради гостепрѣимства извинялись и разсматривались, какъ дѣйствія не преступныя, ибо только чрезъ нихъ для нѣкоторыхъ становилось возможнымъ удовлетвореніе болѣе высокому, религіозному закону, неуклоннымъ исполненіемъ котораго достигалась спасительная цѣль общественнаго блага и мира... Какъ велика была сила обычая гостепрѣимства у балтійскихъ Славянъ видно изъ Гельмольда, по словамъ котораго — случаи нарушенія его бывали очень рѣдки, вызывали строгое осужденіе и даже наказаніе.

У всѣхъ славянскихъ племенъ съ древности и до нашихъ дней обычай гостепрѣимства понимается и исполняется, какъ важная обязанность семьи или частнаго лица; но, за исключеніемъ балтійскихъ Славянъ и отчасти Славянъ южныхъ [Сербовъ и Болгаръ], мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ его правнаго значенія. Должно ли

видѣть въ этомъ уцѣлѣвшій остатокъ отдаленнѣйшей общеславянской старины или только частное, случайное направленіе народной мысли—рѣшить трудно, но одно несомнѣнно, что самый обычай громко свидѣтельствуетъ въ пользу искони мирнаго, дружелюбнаго характера славянской природы: онъ вызываетъ изумленіе Нѣмцовъ, не привыкшихъ и незнающихъ въ своей средѣ ничего подобнаго.

Кровная месть. Въ семейному праву принадлежало право кровной мести за родныхъ, погибшихъ насильственною смертию. Местъ была священною обязанностью семьи.

Довольно ясныя свидѣтельства объ этомъ находимъ у Адама бременскаго, Гельмольда, неизвѣстнаго автора „о видѣніяхъ Готшалка“ и Саксона Грамматика.

Адамъ бременскій рассказываетъ, что сынъ оботритскаго князя Ута, Готшалкъ мирно занимался науками въ одномъ монастырѣ въ Люнебургѣ, когда до него дошла вѣсть о смерти отца, убитаго какимъ-то саксонцемъ. Питая въ душѣ еще чувства язычника, Готшалкъ не могъ оставить гибели отца безъ справедливаго отмщенія, онъ соединился со Славянами и избилъ многія тысячи Саксовъ: „ira et furore commotus, reiectis cum fide litteris, arma corripuit, amnemque transmissio, inimicis Dei se coniunxit Winulis. Quorum auxilio christianos impugnans, multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris uindictam²⁸⁴“.

Тотъ же свидѣтель говоритъ о сильномъ славянскомъ князѣ Ратиборѣ, что онъ былъ убитъ Датчанами; восемь сыновей его поднялись на месть за отца, и всѣ погибли:

„habuit filios octo, principes Sclauorum, qui omnes occissi sunt a Danis dum patrem ulcisci quaesierunt. Ad cuius [sc. Ratiboris] mortem ulciscendum iam tunc cum exercitu Winuli uenientes usque ad Ripam uastandam progressi sunt²⁸⁵“..

Гельмольдъ передаетъ о смерти Ута и мести Готшалка тоже самое, что и Адамъ и почти тѣми же словами, но прибавляетъ слѣдующее. Собравъ многочисленную дружину Готшалкъ опустошилъ въ отмщеніе за отца всю Нордалбингю:

„percussit in ultionem patris omnem terram Nordalbingorum, tantas strages fecit christiane plebis, ut crudelitas omnem modum excesserit“..

Разъ какъ-то, во время своихъ разъѣздовъ, онъ встрѣтилъ одного саксонца, который, не зная, кто былъ онъ — началъ обвинять оботритскаго князя въ погромахъ и разореніи края. Гот-

284. Adami Brem. Gesta ham. ec., II, 64.

285. Ibidem, II, 72.

шалкъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ доблестный мститель смерти отца:

„multum coarguis uirum illum, principem Sclauorum. Reuera enim multas ille pressuras suscitauit populo et terre uestre, ultor paterne cedis existens magnificus. Ego sum uir iste²⁸⁶“ .. etc.

Готшалкъ также погибъ насильственной смертью. Ему долженъ былъ наследовать старшій сынъ его Бутый; но убійцы отца его, боясь мести сына, сдѣлали крамолу и поставили въ князья рюанина Крута:

„timentes autem hii, qui patrem eius interfecerant, ne forte filius ultor paterne cedis fieret, concitauerunt tumultum in populo, dicentes: non hic dominabitur nostri sed Cruto, filius Grini²⁸⁷“.

Бутый, палъ жертвою Крута; а этотъ, въ свою очередь, былъ убитъ на пиру у другаго сына Готшалкова, Гейнриха, который не задумался здѣсь нарушить законъ гостепрѣимства ради удовлетворенія высшей священной обязанности, мести за смерть брата. Вражда между родами Готшалка и Крута продолжалась и впоследствии²⁸⁸.

Семейную месть Готшалка замѣтилъ и Саксонъ Грамматикъ:

„Guthscalcus Sclauicus ... paternae saltem neci ultionem non negaret.. Saxoniam, parentis necem ultus, obtriuuit, paguae gloriae regnum aut diuitias reputans, si non ultionem opibus adiecisset²⁸⁹“.

По убійствѣ князя Оботритовъ Никлота — борьба его сыновей Прибислава и Вартислава съ соединенными войсками Гейнриха Льва и Вальдемара датскаго приняла ожесточенный характеръ. Случилось такъ, что еп. Абсалонъ, послѣ переговоровъ съ Гейнрихомъ, возвращался ночью въ свой лагерь въ сопровожденіи очень малаго количества воиновъ [80 тѣ]. Проводникомъ ихъ былъ Приславъ, одинъ изъ сыновей Никлота, христіанинъ, зять Вальдемара и искренно преданный Датчанамъ. Опасность положенія была очевидна: каждую минуту можно было ждать внезапнаго нападенія Славянъ. Приславъ старался воодушевить воиновъ, онъ говорилъ, что смерть и славнѣе и легче плѣна; ибо отдавшись врагамъ они, какъ убійцы Никлота — все же падутъ жертвами мести его сыновей:

„Capti enim occisi parentis mei poenas, perinde ac eius interfecutores, crudeli morte pendetis, fratresque mei paternis manibus per summam crutiatuum acerbiteratem uestro sanguine parentabunt²⁹⁰“.

286. Helmoldi Chronica, I, 19.

287. Ibidem, I, 25, 34.

288. Ibidem, I, 34, 55.

289. Saxonis Gram. Historia, lib. X, p. 544—5.

290. Ibidem, l. XIV, p. 761. Считаемо умѣстнымъ привести изъ того же сви-

Замѣчательнъ въ этихъ словахъ намекъ на религіозное значеніе кровной мести, какъ умиротворительной жертвы душъ погибшаго насильственной смертью.

Новѣсть „о видѣніяхъ Готшалка“ [ок. 1190] рассказываетъ, что одно семейство Славянъ по прозванію Бакарчид, отецъ и пять человекъ сыновей — долго и сильно разбойничали въ Нортторпскомъ округѣ [въ Гользати]; выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія, жители, Славяне и Нѣмцы, пустились ихъ преслѣдовать, имъ удалось поймать одного, и его предали мучительной смерти. Тогда братья, пренебрегая опасностью — постановили отомстить смерть роднаго товарища и выполнили этотъ долгъ съ равной жестокостью: они не брали на этотъ разъ ничего имущества, но уничтожали его, находя, по словамъ „Новѣсти“, для себя болѣе выгоднымъ чужой вредъ, чѣмъ собственную выгоду:

„reliqui de tam probrosa morte ipsius medullitus permoti, sanguinem eius cum periculo etiam uite proprie in totam quoque parochiam, si fieri posset, ulcisci statuerunt. Vnde domum illius, qui lancea eum transuerberauerat, et aliorum, quos in nece eius precipuos fuisse audierant, primum statimque succedentes, non tam questum proprium, ut antea, quam dampnum alienum, lucrosum sibi estimabant. Bubulcum deinde pecora in pascuis custodientem, et inter pascendum in presagium futurorum, crucem, cruciatum forte ipsius portendentem, in alno arbore incidentem, ex improviso accurrentes, in fugam conuersum, et affugere temptantem, cum socio pastore alio comprehenderunt. Itaque in ultione sanguinis fratris sui, uelut talionem redditori, sed talione non contenti, primum utrique guttur secantes, deinde ab ore ad aures usque maxillas scindentes, uentrem per medium dissecuerunt, et stomachis uersis, uentribusque ad instar pernarum suillarum de lignis distentis, ablata corda eorum ad peruersos nescio quos usus secum asportauerunt²⁹¹“.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто изъ саексонской хроники Видукина: оно указываетъ на наследственный характеръ родовой вражды у Славянъ и тѣмъ даетъ косвенное дополнительное свидѣтельство къ предыдущему:

дѣтеля слѣдующую выдержку, такъ-какъ она нѣсколько касается предмета: „eodem tempore Nuclati filius Pribislaus, ripa altera superueniens, cum fratrem Priszlaum Bernardo, cuius manu Nuclatum occidisse fama fuerat, nauigio communicantem aspiceret, conuicio laccessiuit, impietatem obiiciens, quod cum parentis sui interfectore amice conuersari, sustinuisset. Contra Priszlaus, bene de se meruisse eum, per quem patre sacrilego careat, affirmabat. Sed neque se eius filium censere uelle, quem maximi aceleris parentem extitisse constaret“, Ibid. p. 763.

291. Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis 1190 an.“

„Erant duo subreguli Herimanno duci, inimicitiae a patribus uicariae relictæ, alter uocabatur Selibur, alter Mislau²⁹²“.

Судя строго, всё приведенные факты не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго характера, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя понимать въ смыслѣ однихъ случайныхъ нравственныхъ дѣйствій чувства возмездія, въ нихъ замѣчается нѣчто болѣе постоянное и твердое, чѣмъ движеніе временнаго чувства, они выходятъ изъ сознанія семейнаго долга и обязанности и потому должны быть разсматриваемы, какъ дѣйствія правныя. Правное начало кровной мести у балтійскихъ Славянъ — не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ удовлетворенія естественнаго чувства возмездія за семейное безчестіе или убійство близкаго роднаго, кровною расправою — по понятіямъ языческой старины, удовлетворялся и другой, болѣе высокой, священный долгъ по отношенію къ нему, именно — умиротвореніе души его, требовавшей жертвы. На это намекаютъ слова Саксона Грамматика: какъ ни глухи они, но, поставленные въ связь съ нѣкоторыми понятіями славянскаго язычества о дѣйствіяхъ душъ людей, погибшихъ насильственной смертію²⁹³, они даютъ право къ такому заключенію. Съ этой точки зрѣнія и принесеніе въ жертву плѣнниковъ у балтійскихъ Славянъ, о которомъ сохранились достаточныя свидѣтельства²⁹⁴, можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе кровной, религіозной мести. Исторія застаётъ обычай кровной мести у балтійскихъ Славянъ уже не на древнѣйшей, безпредѣльно властной и неограниченной его степени: съ одной стороны — религія и общественная власть стремятся положить нѣкоторые предѣлы обычаю, съ другой — самъ обычай незамѣтно начинаетъ замѣняться композиціей, головщиной или платой за убійство. Первое ясно изъ учрежденія мѣстъ защиты [asyla], гдѣ угрожаемый смертію находилъ убѣжище до дальнѣйшаго разбора дѣла или суда. Сефридъ передаетъ, что въ Поморьѣ:

„In singulis ciuitatibus dux palacium habebat et curtim cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus²⁹⁵“.

cap. XXIV, у Langebek'a *Scriptores rerum danicarum* t. V, Hau. 1783, pag. 870.

292. *Widukindi Res gestae Saxoniae* III, 68.

293. См. наше изслѣдованіе: 0 погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, М. 1868, стр. 85, 117.

294. *Helmoldi Chronica*, I, 52; II, 12; *Thietmari Chronicon* VI, 18; *Adami brem. Gesta*, III, 50.

295. *Herbor di Dialogus* II, 24; cf. *Ebonis Vita Ottonis* II, 7; *Priefling. monachi* [apud Pertz *Monum.* XII] II, 5.

Гельмольдъ говоритъ, что входъ въ святилище [въ Вагріи] былъ воспрещенъ для всѣхъ, кромѣ жреца, приносившихъ жертвы и тѣхъ, кому угрожала смерть: послѣдніе находили здѣсь надежное убѣжище:

„Ingressus atrii omnibus inhibitus nisi sacerdoti tantum et sacrificare uolentibus, uel quos mortis urgebat periculum, hiis enim minime negabatur asilum²⁹⁶“.

Обычай платы за убійство засвидѣтельствованъ также Гельмольдомъ. Сынъ оботритскаго князя Гейнриха — Вольдемаръ былъ убитъ Руянами. Горюющій и разгнѣванный отецъ весь отдался помысламъ возмездія. Онъ собралъ сильное войско изъ своихъ Славянъ и союзныхъ Саксовъ и пошелъ войною на Руянь. Въ Вологодѣ пришли къ нему посланники отъ Руянь, предлагая миръ и головщину въ двѣсти марокъ за убитаго сына. Гейнрихъ спросилъ совѣта Саксовъ, они отвергли условіе, и все войско, перейдя море по льду, явилось въ Руянь. Руяне выслали своего жреца, который на этотъ разъ предлагалъ сначала — четыреста, потомъ восемьсотъ марокъ головщины. Гейнрихъ опредѣлилъ ее въ четыре тысячи четыреста марокъ, и Руяне принуждены были согласиться²⁹⁷.

Въ грамотахъ, какъ увидимъ, мужебойство или глава совершенно устранена изъ семейной расправы: она подлежитъ суду правительства и возмѣщается денежными вирами или тѣлесными наказаніями. Конечно, кровная месть еще долго была въ силѣ у нѣкоторыхъ племенъ, менѣе подчиненныхъ государственному началу, но вообще она представляется у балтійскихъ Славянъ не въ той строгой, правовой формѣ закона и непреложнаго долга, въ какой мы встрѣчаемъ ее въ первыя времена исторіи въ бытѣ Славянъ русскихъ и долго потомъ у Славянъ южныхъ²⁹⁸, но въ формѣ исторически дальнѣйшей, срединной между восточно и юго славянскою и той, какую мы находимъ въ Польшѣ и Чехахъ современной эпохи. Въ древне-польскихъ и чешскихъ правахъ, уже смягченныхъ вліаніемъ христіанства, мы не находимъ прямого указанія на кровную месть, какъ дѣйствующее, признанное право, но есть многіе ясные слѣды, что она существовала въ прежнее время, что случаи ея были не рѣдки и въ XII—XIV вв.; есть цѣлое правовое учрежденіе „по кори“, цѣлью котораго было предупрежденіе или отвращеніе кровной мести, т. е. примиреніе

296. Helmsoldi Chronica I, 83.

297. Ibidem I, 38.

298. Tobien. Die Blutrache nach altem russischem Rechte I, Dorpat 1840; уже „закононикъ“ Душана [1349—54] замѣняетъ кровную месть денежными платежами, но обычай продолжался долго, до нашихъ дней, см. В. С. Ка-

убійцы съ мстителами — родными убитаго²⁹⁹. Итакъ, кто въ приведенныхъ нами историческихъ случаяхъ кровной мести у балтійскихъ Славянъ, захотѣлъ бы увидѣть не правныя дѣйствія, а явленія нравственной случайности, тотъ долженъ убѣдиться въ противномъ уже и изъ того, что обычай въ древности былъ одинаково распространенъ у всѣхъ славянскихъ племенъ: балтійскіе не были же въ этомъ случаѣ какимъ либо исключеніемъ; тѣмъ болѣе, что двѣ главныя причины паденія и отгѣны кровной мести: вліяніе христіанства и усиленіе государственной власти — въ ихъ бытѣ почти не существовали. Каковы были правныя условія дѣйствія кровной мести у балтійскихъ Славянъ, кто обязанъ былъ мстить и кто, кромѣ примаго убійцы, подвергался мщенію — остается неизвѣстнымъ. Одно только можно замѣтить, что воинское направленіе быта ихъ должно было расширять дѣйствіе обычая и выводить его изъ тѣснаго круга семьи въ область племенную: вмѣсто единичнаго убійцы, его семьи или рода мечь падала на цѣлыя племена и народы; а чрезъ это слабѣла крѣпость обычая въ семьѣ и облегчался переходъ его къ обычаю композиціи или платы за убійство. Здѣсь, быть можетъ, находилась и причина того, что кровная мечь у балтійскихъ Славянъ является уже не въ той строгой формѣ, какъ въ бытѣ Славянъ русскихъ. Иначе нельзя понять ея смягченіе у народа, столь освоеннаго съ насиліями и кровавыми дѣйствіями.

Наслѣдованіе. Необходимымъ находимъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе о собственности по отношенію къ семьѣ и семейному праву. Съ той поры, какъ семейная собственность начинаетъ быть замѣтна въ источникахъ исторіи балтійскихъ Славянъ, она ограничивается въ кругѣ быта простаго народа уже только предметами движимости. Недвижимой, поземельной собственности семья не имѣетъ: она сидитъ на чужой землѣ, пользуется и владѣетъ ею; но право собственности на нее принадлежитъ княжескому роду и немногимъ знатымъ лицамъ. Такой строй жизни мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, у важнѣйшихъ историческихъ вѣтвей балтійскаго племени, Поморянъ, Руанъ, Оботритовъ

раджича: Списки рѣчницъ подъ сл. овета. Cf. также соч. С. М. Шиллевекаго: Союзъ родственной защиты у древнихъ Германцевъ и Славянъ, К. 1866, стр. 86 sq, гдѣ хрестоматически собраны нѣкоторые факты о кровной мести у Славянъ и приведены разныя толкованія ихъ учеными.

299. Основательное изслѣдованіе предмета читатель найдетъ въ сочин. Р. Губе: *O zemście i pokorze podług praw polskich i czeskich*, Warsz., 1829 р. 1—30.

и отчасти Лютичей. О других — мало что известно въ этомъ отношеніи. Какимъ путемъ сталоь это „безземельство“ народа, мы попытаемся отвѣтить въ заключительномъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія; теперь, при разъясненіи вопроса о наслѣдованіи, достаточно и простаго упоминанія о фактѣ.

При общей неясности условій и отношеній семейнаго быта у балтійскихъ Славянъ, очень неясными остаются и начала семейнаго наслѣдованія. О нихъ до нѣкоторой степени можно заключать изъ известій анналистовъ о наслѣдованіи княжеской власти и отчасти изъ грамотъ.

1. Въ 817 г., по известію Эйнгарда, Оботриты и князь ихъ Славомиръ отпали отъ германской Имперіи. Причина отпаденія заключалась въ томъ, что Славомиръ, властвуя до той поры надъ Оботритами единодержавно, получилъ отъ Императора повелѣніе раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ Дража:

„Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclauomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat, cum Ceadrago, filio Thrasconis, partiri iuebatur³⁰⁰“.

Для объясненія этого известія нужно сказать, что Дражо [Thrasco] былъ одинъ изъ князей оботритскихъ; въ 808 г. онъ былъ прогнанъ съ мѣста датскимъ королемъ Готфридомъ; но въ слѣдующемъ году воротился въ княженіе, давъ предварительно своего сына Чедрага въ заложники Готфриду. Дражо былъ скоро убитъ. Ему наслѣдовалъ Славомиръ, по свободному ли избранію народа, или въ силу родственной связи съ прежнимъ княземъ т. е. въ силу закона семейнаго наслѣдованія — неизвѣстно. Пока Чедрагъ былъ малолѣтенъ — Славомиръ княжилъ одинъ [около 6—7 лѣтъ], потомъ первый началъ отыскивать свою законную отчину. Императоръ призналъ его право, но не отвергъ и права Славомира, и потому постановилъ раздѣлить власть между обоими. Славомиръ не захотѣлъ покориться такому рѣшенію и отдѣлился отъ Имперіи. Черезъ два года онъ былъ пойманъ и проведенъ на судъ къ Императору въ Ахенъ. Туда пришли также „лучшіе люди“ Оботритовъ. Они обвиняли своего князя во многихъ преступленіяхъ и такъ-какъ онъ не могъ оправдаться, то былъ приговоренъ къ ссылкѣ, а княжество отдано Чедрагу. Но и послѣдній былъ скоро заподозрѣнъ въ измѣнѣ и смѣненъ снова Славомиромъ.

По смерти Славомира — княземъ остался Чедрагъ. Въ 826 г. къ Карлу Великому явились послы Оботритовъ съ жалобой на своего князя. Вызванный, явился и Чедрагъ. Дѣло было, вѣроятно,

300. Einhardi Annales, s. an. 817.

очень не ясно, потому что Императоръ, отпустивъ пословъ, удержалъ у себя Чедрага и отправилъ къ Оботритамъ нарочитыхъ людей, которымъ поручилъ узнать — хочетъ ли народъ имѣть Чедрага княземъ, или — нѣтъ. Посланные воротились и донесли, что нѣкоторые этого желаютъ, другіе — нѣтъ; но „лучшіе люди“ земли согласны принять его. Вслѣдствіе этого Чедрагъ, давъ заложниковъ, былъ восстановленъ въ своей власти³⁰¹.

2. Другой случай, переданный также Эйнгардомъ, относится къ Вильцамъ. Въ 823 г. былъ съездъ во Франкфуртѣ; на него явились „послы варваровъ“ и два брата — Милегастъ и Чедрагъ, князья Вильцовъ. Они спорили между собою о княженіи или верховной власти. Милегастъ основывалъ свои права на нее на законномъ старѣйшинствѣ, Чедрагъ — на выборѣ народа:

„Erant filii Liubi, regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus suis regnum diuisum teneret, tamen propterea, quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum commisso cum orientalibus Abodritis proelio interrisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto iuniori fratri regium honorem deferunt. Quam ob causam ambo in praesentiam imperatoris uenerunt. Quos cum audisset et gentis uoluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnouisset, statuit, ut is deletam sibi a populo suo potestatem haberet³⁰²“.

3. Видукиндъ сообщаетъ о какомъ-то плѣнномъ Тутумирѣ, который, по народному закону наследованія былъ послѣ отца своего княземъ Гаволянъ; подкупленный Саксами, онъ рѣшился предать имъ свою родину: притворившись, что избѣжалъ плѣна, онъ явился къ народу и былъ признанъ имъ княземъ, измѣной убилъ своего племянника, послѣднюю отрасль княжескаго рода, и привелъ въ исполненіе свой замыселъ:

„Fuit quidam Slaus a rege Heinrico relictus, qui iure gentis paterna successione dominus esset eorum qui dicitur Heueldi, dictus Tugumir. Hic pecunia multa captus et maiori promissione persuasus, professus est se prodere regionem. Vnde quasi occulte elapsus uenit in urbem quae dicitur Brennaburg, a populoque agnitus et ut dominus susceptus — nepotem suum, qui ex omnibus principibus gentis supererat, ad se inuitans dolo captum interfecit urbemque cum omni regione ditioni regiae tradidit³⁰³“.

301. Ibidem, s. an. 819, 821; 823, 826.

302. Ibidem, s. an. 823.

303. Widukindi Res gestae Sax. II, 21.

Гельмольдъ также даетъ нѣсколько важныхъ указаній на право наслѣдованія.

4. По убійствѣ Готшалка, по закону наслѣдованія, власть перешла къ сыну его Бутому,

„ad filium eius Butue peruenit principatus eius hereditaria successio“;

но непріязненная партія, опасаясь мести сыновей Готшалка, исключила законныхъ наслѣдниковъ и поставила въ князья рюнина Крута,

„conspirata manu, statuerunt Crutonem in principatum, exclusis filiis Godescalci, quibus iure debebatur dominium³⁰⁴“.

Бутый погибъ въ Борьбѣ съ Крутомъ, но младшій братъ его Гейнрихъ впоследствии получилъ свою законную отчину.

5. Послѣ Гейнриха осталось двое сыновей: старшій Свентопольгъ и младшій Кануть. Старшій хотѣлъ править одинъ. Это произвело раздоръ между братьями.. Свентопольгъ, заручившись помощью Гользатовъ, осадилъ Канута въ крѣпости Плуиъ. Тогда послѣдній обратился къ осаждавшимъ, жалуясь, что братъ хочетъ лишить его законнаго отцовскаго наслѣдья и прося учинить между ними судъ и правду и дать ему, что приходитъ по закону. Народъ призналъ такое требованіе правымъ и постановилъ раздѣлить между враждовавшими братьями власть надъ землею:

„Quid rogo cause est — говорилъ Кануть — ut consurgatis aduersus amicum uestrum? Nonne ego frater sum Suentopolci, eodem patre Heinrico genitus et de iure ditionis paterne coheres? Quare igitur frater meus extorrem me facere nititur hereditatis paterne? Nolite queso frustra uexari aduersum me, sed reuertimini ad iudicium et obtinete mihi apud fratrem meum, ut det portionem, que me iure contigit“. His auditis animequiores facti sunt animi obsidentium, decreueruntque uirum iusta postulantem exaudiri. Adhibitaque opera, germanos discordes reconciliauerunt, partita inter eos prouincia“³⁰⁵.

Грамоты представляютъ очень немного опредѣленныхъ упоминаній о правѣ наслѣдованія, да и они по большей части относятся уже къ такому времени, когда начинало входить въ силу нѣмецкое право.

6. Отчуждая собственность свою [hereditas paterna] въ пользу діоцессовъ, церквей, монастырей, и освобождая извѣстныхъ мѣстности отъ нѣкоторыхъ повинностей, князья и знатныя лица напередъ замѣчали, что такіе акты совершаются ими съ согласія и воли ихъ наслѣдниковъ или совладѣльцевъ, сыновей и братьевъ:

304. Helmoldi Chronica I, 25.

305. Ibidem I, 48.

„cum consensu et uoluntate heredum, filiorum et fratrum³⁰⁶“.

7. Иногда, очень впрочемъ рѣдко, отчужденіе совершается и съ согласія жень:

„cum consensu uxoris³⁰⁷“.

8. Иногда соучастницами даренія являются матери³⁰⁸.

9. Одинъ только разъ, сколько знаемъ, таковою является сестра³⁰⁹.

10. Нерѣдко отчужденіе собственности происходитъ уже безъ дипломатическаго заявленія согласія и воли наслѣдниковъ, единственно отъ лица князя³¹⁰.

11. Около половины XIII в. является въ первый разъ завѣщаніе³¹¹.

12. Изъ объяснительнаго письма поморскаго князя Свантополека къ архидіакону Якову [1248] ясно, наслѣдство дѣлилось между братьями, но старшій оставался опекуномъ младшаго до совершеннолѣтія и управлялъ его имѣніемъ:

„cum pater meus in articulo mortis positus esset, commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem³¹²“.

13. Въ грамотѣ архидіакона Якова—семейное имущество представляется общею семейною собственностью, но его наслѣдуютъ одни только сыновья:

„cum pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat, sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. . . [Predicti neophiti] in paganismo non habuissent, ut dicebant, nisi solos filios successores³¹³“.

Когда въ славянскомъ поморьѣ усилилась нѣмецкая колонизація и начали распространяться нѣмецкіе порядки, нѣкоторые города получали особые уставы и права. Таковы были: городовое право, данное Пархиму и Плаву и извѣстное право Шверинское, нашедшее въ послѣдствіи весьма широкое распространеніе. Статуты эти вообще основаны на нѣмецкомъ правѣ, но съ извѣстными ограниченіями и изъятіями отъ нѣкоторыхъ условій его. Равнымъ обра-

306. Codex Pomer. diplom. I, N° 50, 81, 83, 86, 89, 90, 109, 128, 175, 193, 248, 250, 393 et cet. Meklenb. Urkundenbuch N° 152, 167, 239, 260, 490 etc.

307. Codex Pomer. dipl. N° 24, 26, 90, 175; Meklenb. Urk. B. N° 167.

308. Cod. Pom. dipl. N° 65, 82, 86, 89, 130, 178.

309. Codex Pom. dipl. N° 80.

310. Codex Pomer. dipl. N° 29, 36, 37, 43, 52, 57, 71.

311. Cod. Pom. dipl. N° 83, гдѣ годъ грамоты 1208 поставленъ ошибочно, по поправкѣ Клеммина должно быть 1241.

312. Codex Pomer. diplom. N° 395, pag. 807.

313. Dreger Codex diplomaticus I, 290—1.

зомъ, встрѣтятся на славянской почвѣ съ цѣлой системой чуждыхъ порядковъ и обыкновений, нѣмецкое право нерѣдко принуждено было дѣлать уступки славянскому, или входить съ нимъ тѣ. сѣз. въ мировую: большинство населенія было все еще славянское, да и самая юрисдикція находилась, въ Штетинѣ напр., въ рукахъ Славянъ почти до половины XIII вѣка. Правда, разграничить славянской и нѣмецкій элементъ въ городскомъ правѣ — очень трудно, иногда почти невозможно; но такъ-какъ присутствіе перваго въ немъ не подлежитъ сомнѣнію, то мы и должны обратить на него вниманіе — хотя въ смыслѣ дополнительнаго пособия.

Въ отношеніи наслѣдованія — городское право Пархима: а) постановляетъ полное равенство сыновей и дочерей и полную правоспособность наслѣдованія послѣднихъ:

14. „equam partem habere debent filie cum filiis in omnibus bonis, tam feodis, quam aliis; et si non sint filii, prestari debent filiabus bona patris [art. 9]“;

б) обезпечиваетъ старое право сыновей на имущество, которымъ владѣли изъ-стари отцы ихъ:

15. „Si contigat mori aliquem, cuius filii non receperunt bona sua uiuente patre, prestari debent eis bona, que patres eorum possederunt a paganismo et cultura siluestri [art. 10]³¹⁴“.

Шверинское городское право опредѣляетъ: а) никто не имѣетъ права отчуждать родовую собственность безъ согласія наслѣдниковъ:

16. „Nullus dabit hereditatem suam sine consensu heredum [art. 16]“;

б) въ случаѣ смерти отца, оставляющаго двухъ наслѣдниковъ, мать желая вступить во вторичный бракъ, должна прежде раздѣлить наслѣдство:

17. „Si moritur quis et heredes duos reliquerit, mater uolens nuberi alteri prius diuidet hereditatem [art. 18]“;

в) въ случаѣ смерти какаго либо изъ наслѣдниковъ, имущество его переходитъ къ брату, въ случаѣ же смерти всѣхъ — къ матери:

18. „Si moritur quis heredum illorum, transibit hereditas ad fratrem, omnibus defunctis transibit ad matrem [art. 19]“;

г) умереть ли мать, оставивъ наслѣдника, и отецъ, отдѣливъ его отъ себя, вступить въ вторичный бракъ и родить отъ второй жены дѣтей, то, по смерти его, отдѣленный наслѣдникъ возвращается къ наслѣдству отца:

314. Meklenburgisches Urkundenbuch, I, N° 319, cc. 1225—6, cf. N° 337, 428 etc.

19. „Si moritur aliqua reliquens heredem, et pater, separans ipsum a se, ducit uxorem et generit ex ea paruulos, mortuo patre separatus heres redibit ad hereditatem patris [art. 21]”³¹⁵.

20. Изъ историческихъ фактовъ наследованія княжеской власти въ Поморьѣ отмѣтимъ слѣдующее: а) по смерти Вартислава I княземъ становится братъ его Ратиборъ, а по немъ — снновья Вартислава-Базимиръ I и Богуславъ I³¹⁶; б) по смерти Самбора, князя восточнаго Поморья — верховную власть получаетъ, frater pro fratre — Мъстивой, затѣмъ наследниками являются снновья Мъстивоя, каждый въ своемъ удѣлѣ³¹⁷; хотя Самборъ и оставилъ сына Субислава, устраненнаго, какъ кажется, отъ наследованія вопреки праву³¹⁸.

Вотъ всё, сколько намъ извѣстно, указанія, съ 9го по половину 13 столѣтія, о правѣ наследованія у балтійскихъ Славянъ. Въ пять вѣковъ многоподвижной жизни, при часто измѣнявшихся условіяхъ ея, при вліяніи разнородныхъ началъ, нѣтъ сомнѣнія, должны были произойти и соответственныя измѣненія въ воззрѣніяхъ на собственность и правныя основанія наследованія ея. Дѣйствительно, взятыя въ цѣломъ, всё приведенныя нами извѣстія о наследственномъ правѣ балтійскихъ Славянъ представляютъ комплексъ, состоящій изъ разновременныхъ, и потому разнородныхъ частей. При объясненіи ихъ необходимо привести въ послѣдовательный историческій порядокъ. Чтобы итти прочтѣе, мы предварительно изложимъ вкратцѣ основанія древняго наследственного права Поляковъ и Чеховъ.

Въ древнѣйшее время, при господствѣ родового быта — имущество считалось общею родою или семейною собственностью, потому — не подлежало личному наследованію. Отецъ семьи или старшій въ родѣ были только распорядителями или правителями его, но не собственниками. Но исторія уже не застаётъ такого способа владѣнія въ его чистой, первоначальной формѣ: она знаетъ его въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ, произведенныхъ стремленіемъ личности къ обособленію. На этой ступени развитія имущество еще по прежнему разсматривается, какъ семейная собст-

315. *Ibidem*, N° 359. Первоначальный текстъ шверинскаго городского права 1160 г. утраченъ. Оно сохранилось въ болѣе позднихъ жалованныхъ грамотахъ городамъ Густрову 1228 г., Малхову — 1285, Малкину — 1286 г. итд. О дѣйствіи шверинскаго права въ Поморьѣ см. соч. Гомейера: *Historiae iuris Pomeranicæ capita quaedam*. Ber. 1821, p. 80 sq.

316. *Klempin Pommer. Urk. B. N° 43, 45, 62; Codex Pomer. diplom. I, 33, 36, 43.*

317. *Codex Pomer. diplom. I, N° 132.*

318. *Fabricius: Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer, II, B. 1859, p. 97—103.*

венность: имъ владѣють — нераздѣльно, оно можетъ быть отчуждаемо не иначе, какъ съ общаго согласія правоспособныхъ членовъ семьи, но уже можетъ итти и въ раздѣлъ между ними, можетъ наследоваться; сначала, въ силу стараго воззрѣнія объ исключительной правоспособности однихъ лицъ мужескаго пола, наследуютъ только братья и сыновья съ нисходящими мужскими потомками, дочери исключаются изъ наследованія: выходя замужъ онѣ, по обычаю, получаютъ приданное [безправное], въ случаѣ незамужства остаются съ братьями или дядями. Постепенное признаніе за лицами женскаго пола нѣкоторыхъ правъ на семейное имущество выразилось тѣмъ, что законъ опредѣлилъ обязательность и объемъ ихъ приданнаго, онѣ начали получать его уже по праву; затѣмъ онѣ были допущены и къ наследованію, но только въ такомъ случаѣ, когда не оказывалось прямыхъ наследниковъ мужскаго пола т. е. братьевъ; наконецъ — уже гораздо позднѣе, дочери получаютъ въ наследованіи равную часть съ братьями. Жены-вдовы, какъ чужеродныя, не наследовали: онѣ оставались съ сыновьями въ пользованіи семейнымъ имуществомъ, а вступая во вторичный бракъ, получали только принесенную съ собою въ семью свою собственность и, въ видѣ даренія, кое-какіе предметы движимости. Наследованіе жены-вдовы является не прежде наступленія послѣдняго періода въ исторіи наследственнаго права, т. е. наследованія по завѣщанію, гдѣ личность въ отношеніи имущества достигаетъ возможно полной, мало чѣмъ стѣсняемой свободы воли и дѣйствія.

Этотъ естественный ходъ развитія наследственнаго права у Славянъ будетъ вѣренъ только тогда, когда мы поймемъ въ общемъ, широкомъ смыслѣ: въ исторической дѣйствительности различныя фазы его нерѣдко смѣшиваются между собою, отчего и въ самыхъ памятникахъ законодательства являются многія, трудно согласимыя, противорѣчія. Какъ въ древне-польскомъ, такъ и въ древне-чешскомъ правахъ еще очень ясны слѣды общаго владѣнія семейной собственностью: отчужденіе имущества, какъ видно изъ грамотъ, совершается съ общей воли и согласія владѣльцевъ-братьевъ и наследниковъ, но тѣмъ не менѣе начало раздѣла имущества и единичнаго наследованія столь же, если не болѣе—дѣйствительно³¹⁹. Въ Польшѣ наследовали одни только сыновья³²⁰: они —

319. J. Hube: Wywód praw spadkowych słowiańskich, Warsz. 1892, pag. 51 sq.;

H. Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě, II, P. 1864, p. 278 sq

320. Губе [Юсикъ] и Мацѣиовскій полагали, что дочери также участвовали въ наследованіи, но это мнѣніе основательно опровергнуто Репцелемъ, см. его Geschichte Polens H. I, 1840, приложение первое, „Ueber den

или владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ, или дѣлятъ по-ровну между собою. Недавно открытый нѣмецкій текстъ обычнаго польскаго права XIII в. говоритъ, что по смерти лица благороднаго, оставившаго одного, двухъ или нѣсколькихъ сыновей наслѣдниковъ, вдова остается во владѣннн прежней собственностью у сыновей, пока не выйдетъ замужъ. Захочетъ ли она выйти замужъ, то сыновья обязаны дать ей нѣкоторыя домашнія вещи и ея личную собственность, что принесено ею къ мужу и что добыто личнымъ трудомъ; болѣе же изъ наслѣдства она не получаетъ ничего. Если мужъ умираетъ бездѣтнымъ, вдова остается во владѣннн его собственностью, пока остается вдовою; въ случаѣ же выхода ея въ замужество, собственность получаетъ господинъ [князь], а ей выдаетъ тоже, что обязаны были выдать наслѣдники сыновья. Дочь умершаго получаетъ отъ наслѣдника приданное и имущество своей матери. Равнымъ образомъ — въ случаѣ смерти бездѣтнаго простолюдина, имѣннн его достается „господину“, который обязанъ, однако, дать вдовѣ нѣкоторые предметы домашняго обихода. Если простолудинъ имѣетъ сына наслѣдника, мать остается при немъ, пока остается вдовою; захочетъ ли выйти въ замужество, то сынъ обязанъ ей выдать постель, подушки, одѣяло; остальное — зависитъ отъ его воли. Оставить умершій дочь, тогда тотъ, кто окажется наслѣдникомъ, сынъ или господинъ, должны дать ей приданное³²¹. Подобный же порядокъ наслѣдованнн видѣнъ и въ четырехъ первоначальныхъ статутахъ, вошедшихъ въ Вислицкій, съ тѣмъ дополненннмъ, что въ случаѣ смерти или неимѣннн прямыхъ наслѣдниковъ сыновей, наслѣдуютъ дяди и ихъ сыновья; не будетъ же таковыхъ — наслѣдство переходитъ къ ближайшему родичу. Дочери вообще получаютъ отъ наслѣдниковъ только приданное; но сами не наслѣдуютъ³²². Въ древне-чешскомъ правѣ господствуетъ тоже начало: сыновья наслѣдники или владѣютъ имѣннмъ сообща, или дѣлятъ его пополамъ; дочери — при существованнн сыновей, кажется, получали только приданное; безъ братьевъ же являлись настоящими и равными наслѣдницами³²³.

Geschlechtsverband, стр. 604 sq. in notis. При всей краткости своего объема ст. Репшеля — до сей поры лучшее, что было писано о польскомъ наслѣдственномъ правѣ.

321. Helcel: *Starodawne prawa polskiego pomniki*, II, Kr. 1870, p. 25—26, с. XXI—II.

322. Helcel: *Ibidem* I, Warsz. 1856, p. 177, §. 29—31; p. 186, §. 17—18.

323. H. Jireček *Slovanské právo* II, 278; *statuta Ottonis*, §. 17: *si quis autem non habuerit filium et habuerit filias ad illas deueniat hereditas aequaliter; et si non sint, hereditas deueniat ad proximos heredes*, *Cod. iuris bohém.* I, p. 56. cf. ту же ст. брненскаго права 1229 г. *ibid.*, p. 63. Cf.

Обратимся теперь къ балтійскимъ Славянамъ. Пояснивъ выше-приведенныя извѣстія о наслѣдственномъ правѣ ихъ польскими и чешскими пособіями, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Упомянутыя въ грамотахъ о согласіи и волѣ наслѣдниковъ на совершаемое князьями отчужденіе имущества [6] указываютъ несомнѣнно, что и здѣсь имущество еще разсматривалось, какъ общая семейная собственность. Слѣды этого воззрѣнія видны и въ грамотѣ архид. Якова [13], и въ постановленіи шверинскаго городского права [16]. Но совмѣстно съ этимъ, ясно видно уже начало личное, твердое стремленіе къ опредѣленію собственности правомъ единичнаго лица: сперва князья отчуждаютъ имущества безъ согласія наслѣдниковъ [19], потомъ появляется и завѣщаніе [11]. Основной принципъ наслѣдованія тотъ, что каждый сынъ имѣетъ право на имущество своего отца, послѣднее — раздѣляется между наслѣдниками [1, 2, 4, 5, 12, 15, 16, 17, 19]; кромѣ сыновей и братьевъ [18] въ наслѣдствѣ, быть можетъ, участвовали и другіе ближайшіе родственники, такъ можно понять обстоятельство, почему для исполненія замысла Тугумира — ему нужна была смерть его племянника [3]; въ исторіи Поморянъ есть примѣры наслѣдованія власти не сыномъ, а старшимъ въ родѣ, дядей: по смерти Вартислава княземъ становится братъ его Ратиборъ; со смертію же послѣдняго власть переходитъ снова къ сыну Вартислава; Самбору наслѣдуетъ „frater pro fratre“ — Мъстивой, помимо его сына [20]. Существовало ли еще [въ XI—XII в.] совмѣстное, нераздѣльное наслѣдованіе и владѣніе, какъ было въ Чехахъ и отчасти въ Польшѣ — рѣшить трудно: если оно и существовало, то въ высшемъ сословіи, а не въ народѣ, не имѣвшемъ, въ строгомъ смыслѣ, недвижимой поземельной собственности. Наслѣдовалъ только мужской полъ, какъ правоспособный, дочери и вдовы первоначально исключались изъ наслѣдства [13]; обстоятельство, почему жены и сестры могли быть соучастницами въ отчужденіи имущества [7, 8] — должно быть объясняемо не правоспособностью этихъ лицъ, а религіозною цѣлью дарителя, отдававшего имущество монастырямъ и церквямъ „pro remedio animae suae, uxoris suae suaqueque consanguinearum“; матери могли распоряжаться имуществомъ въ силу своей опеки надъ малолѣтними наслѣдниками. Вдова, при вступленіи въ бракъ, выходила изъ владѣнія собственностью мужа и должна была [въ качествѣ опекуни] раздѣлить ее между сыновьями. Позднѣе, подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, входитъ въ силу правило о переходѣ имущества по смерти сыновей-наслѣд-

Šafařík — Palacky: Die ältesten Denkmäler der böhmisch. Sprache, Pr. 1840, p. 99—100.

никовъ къ матери [18], а равно и законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями и дочерьми [14]. Два извѣстія памятниковъ говорятъ о правѣ первородства [2, 5], и одно изъ нихъ [5] какъ будто касается не исключительно верховной власти, но и имущественныхъ отношеній. Это — точно такой же случай вражды братьевъ изъ за наслѣдства, какой встрѣчаемъ въ отрывкѣ о „Судѣ Любуши“, гдѣ старшій, въ силу первородства, хочетъ отнять у младшаго его законную часть отчины. Какъ чешская правительница рѣшаетъ въ пользу совмѣстнаго владѣнія братьевъ или раздѣла между ними, такъ и у Гельмольда народъ рѣшаетъ раздѣлить власть между Свентополкомъ и Канутомъ. Потому, если несомнѣнно, что начало первородства, отстаиваемое Кленовичемъ Хрудошемъ, выходило изъ нѣмецкаго обычая, то отсюда же, конечно, происстекали и притязанія Свентополка на единовластіе; покрайней мѣрѣ мы не въ состояніи объяснить ихъ древнеславянскимъ правомъ, въ которомъ не встрѣчается никакихъ слѣдовъ значенія первородства въ обычаяхъ имущественнаго наслѣдованія: первородство здѣсь имѣло значеніе [и то не исключительное] только въ престолонаслѣдованіи [2] и при случаяхъ опеки надъ имуществомъ несовершеннолѣтняго брата [12]³²⁴.

Таково было наслѣдство у балтійскихъ Славянъ. Намъ извѣстно оно изъ показаній, относящихся преимущественно къ высшему сословію; въ бытѣ простаго народа, гдѣ собственность, по большей части, ограничивалась предметами движимости, начало общаго семейнаго владѣнія и нераздѣльнаго наслѣдованія должно было практически устраниться и перейти въ начало личной собственности и раздѣла гораздо скорѣе, чѣмъ въ высшей землевладѣльческой сферѣ. Вотъ почему, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, [стр. 74—76], юридическою единицею частнаго быта у балтійскихъ Славянъ являются не роды, не пространныя семейныя соединенія, а дробныя семьи. Родовой бытъ въ наслѣдованіи показывается только одною слабою чертою у Гаволянъ [3] и въ наслѣдованіи княжеской власти Ратиборомъ и Мъстивоемъ. Можно, даже необходимо думать, что у нѣкоторыхъ племенъ, уединенно остававшихся при старомъ строѣ и порядкахъ жизни, имѣвшихъ поземельную собственность, существовало еще и общее владѣніе ею и нераздѣльное наслѣдство; но въ историческихъ источникахъ объ этомъ мы не встрѣчаемъ никакихъ упоминаній. Устраненіе отъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, видное какъ изъ молчанія источниковъ, такъ и изъ тождественнаго факта древне-польскаго права, происходило,

324. Šafařík-Palacky, *Ibidem*; cf. ст. Шафарика въ *Časopis Musea kr. česk.* 1864, p. 1—10: „Výměsky o dědičném právu v Čechách.“

нѣтъ сомнѣнія, на основаніи стараго понятія о неправоиспособности женщины вообще и о временной только принадлежности ея къ семьѣ; но въ Польшѣ, покрайней мѣрѣ — обычай, а за нимъ и законодательство стремятся упрочить за дочерью опредѣленное приданное, въ Чехахъ, при вліяніи христіанства, ей предоставляется уже и право наслѣдованія... Ничего подобнаго мы не видимъ у балтійскихъ Славянъ до времени введенія нѣмецкихъ обычаевъ и порядковъ: семейное имущество дробится, но надъ нимъ, по прежнему, властвуютъ одни только мужчины, такъ-какъ только ихъ рукою совершалось и приобрѣтеніе самой собственности. Обычай въ этомъ отношеніи согласовался съ направлениемъ общественной жизни и быта, мало расположеннаго къ уваженію физически слабой женской природы.

Вотъ все, что даютъ скудные источники въ отношеніи семейной древности балтійскихъ Славянъ!

Остановимся здѣсь и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ историческихъ замѣчаній.

„Налоги и тяжкое рабство — говорилъ вагорскій князь Прибиславъ — сдѣлали для насъ смерть пріятнѣе жизни.. Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ мы могли бы пріютиться и убѣжать отъ враговъ. Остается покинуть землю, броситься въ море и жить съ морскими пучинами ³²³...“

„Привычки пиратства — говоритъ Гельмольдъ — такъ овладѣли Славянами, что они почти совсѣмъ оставили выгоды земледѣлія и предались морскимъ набѣгамъ, полагая единственную надежду и все достояніе свое въ корабляхъ. Они мало заботятся объ удобствахъ жизни, хижины свои сплетаютъ изъ вѣтвей и то затѣмъ только, чтобы укрыться отъ непогоды и дождя. Когда же пронесется вѣсть военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ, золото, серебро и все драгоценное въ ямы, а женъ и дѣтей укрываютъ въ укрѣпленіяхъ или скорѣе — въ лѣсахъ. Врагу въ грабежъ остаются только жалкія хижины, о потерѣ которыхъ они не жалѣютъ ³²⁶..“

Это живое свидѣтельство современника какъ нельзя лучше раскрываетъ предъ нами картину той обстановки, среди которой суждено было жить и дѣйствовать семьѣ балтійскихъ Славянъ. Естественно ли думать, чтобы при такомъ положеніи она могла получить широкое и правильное развитіе? Дѣйствительно, какъ ни недостаточно извѣстенъ намъ семейный бытъ балтійскихъ Славянъ, извѣстнаго уже довольно для убѣжденія въ слабости и т. е. безъ неорганическомъ его развитіи. Семья стоитъ еще на старыхъ, издавна

323. Helmoldi Chronica I, 83.

326. Ibidem II, 13.

заложенныхъ, основаніяхъ и еще идетъ старымъ строемъ, но уже видно, что эти основы колеблются, что они расшатаны непрерывными тревогами непокойнаго существованія, которое недопускало ни развитія старыхъ началъ, ни утверденія на ихъ мѣстѣ чего нибудь прочнаго новаго. Оскорбляемая, тѣсняемая и искажаемая исторіею, семейная жизнь утратила энергію и впала въ состояніе застоя, равнодушнаго ко всякимъ стремленіямъ и заботамъ, кромѣ заботы о существованіи. Что могло удержаться изъ стараго, то держится, но болѣе — по привычкѣ, чѣмъ по сознанію нравственной законности и необходимости его, что привзошло изъ новаго, то утвердилось само по себѣ, по своей физической необходимости или потому, что заключало въ себѣ нѣкоторыя, иногда очень грубныя, удобства. Семейный бытъ слагается изъ разнородныхъ, другъ съ другомъ не вяжущихся и несогласенныхъ, началъ: наряду съ мягкими, привѣтливими чертами старой славянской природы и характера — порою выходятъ черты суровой первобытной грубости, на ряду съ случайно привившимися началами образованной жизни — дѣйствуютъ начала, порожденные тяжелой исторической нуждой и одичаніемъ. И никакой попытки согласить и привести въ порядокъ эти нестройные элементы! Они измѣняются механическимъ, а не внутреннимъ процессомъ... Всего яснѣе это видно на отношеніи семейнаго къ родовому началу. Родовой союзъ давно распался: отъ него остались слабыя, едва-замѣтныя черты; нормальною формою частнаго быта являются мелкія семьи.. Казалось бы, жизнь должна была отразить въ себѣ это важное измѣненіе... Нѣтъ, въ самомъ существенномъ оно проходитъ почти безслѣдно. Распаденіе рода совершилось не вслѣдствіе внутренняго развитія, не потому, чтобы личность почувствовала стремленіе выйти изъ заключенныхъ, узкихъ условій совокупной родовой жизни — въ жизнь особную, а вслѣдствіе историческихъ отношеній и обстоятельствъ, принявшихъ такое направленіе, что продолженіе родовой жизни становилось невозможнымъ, т. е. вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ. Оттого, хотя разложеніе рода у балтійскихъ Славянъ совершилось несравненно быстрѣе, чѣмъ у Поляковъ и Чеховъ, оно долгое время не приводитъ къ тѣмъ внутреннимъ послѣдствіямъ, которыя мы замѣчаемъ въ бытѣ послѣднихъ и которыя бывають обыкновенно и основною причиною и вмѣстѣ плодомъ ограническаго, самостоятельнаго распаденія родовой жизни. Упадокъ ея у другихъ Славянъ происходилъ въ тѣсной связи съ расширеніемъ правъ семейной личности — и не только въ мужскомъ полѣ, но и въ женскомъ: жена или дочь въ особнхъ семьяхъ пріобрѣтають значеніе правныхъ членовъ, личность ихъ получаетъ большую или

меньшую самостоятельность.. У балтійскихъ Славянъ этого не находимъ: родовыя связи ослабѣли, родъ распался въ семьи, но новое начало семейной жизни не создано; женщина осталась въ тѣхъ условіяхъ безправія, какъ и прежде: дочь по прежнему не имѣла никакихъ имущественныхъ правъ и, если получала часть имущества, то оно приходило ей не по праву, а по доброй волѣ отца или брата; жена — по прежнему была собственностью мужа и подлежала участи имущественныхъ предметовъ; самая личность отца семьи не достигла полной самостоятельности, по крайней мѣрѣ — въ имущественныхъ отношеніяхъ; улучшилось только положеніе вдовы — матери малолѣтнихъ дѣтей: на нее, если не *de iure*, то *de facto*, по необходимости — перешли нѣкоторые права и обязанности прежняго старшаго въ родѣ, она могла стать правительницей — опекуницей своихъ дѣтей и ихъ имущества. Очевидно, что родовой союзъ т. е. кз. только механически смѣнился семейнымъ: отпали тѣ части, которыя фактически не могли имѣть мѣста въ тѣсномъ семейномъ соединеніи, прибавилось и измѣнилось кое-что по необходимости; но строй и форма жизни — остались прежнія безъ прежняго смысла, начало личности не выиграло почти ничего, быть не преобразовался ни въ чемъ существенномъ: онъ дѣйствительно тянулся по прежней битой дорогѣ, не замѣчая и не имѣя возможности подвергнуть ее коренной переработкѣ.

Всѣ славянскія племена, въ большей или меньшей степени, пережили этотъ періодъ борьбы и броженія родовыхъ и семейныхъ началъ, но всѣ были въ этомъ отношеніи счастливѣе балтійскихъ Славянъ; ибо нигдѣ, кромѣ ихъ, мы не замѣчаемъ такого упадка силъ, таковой апатіи къ своему частному быту.

Исторія, по видимому, не давала никакихъ условій для свободного и правильнаго движенія его.

Иной важный вопросъ представляется здѣсь, именно — объ отношеніяхъ семейнаго союза къ общественному, о степени внутренней связи между ними; но возможное уясненіе его мы должны, пока, оставить на послѣдующее: мы разсмотримъ его, когда будемъ говорить объ общинѣ и условіяхъ общественной жизни.

Права лицъ въ отношеніи къ собственности будутъ рассмотрѣны нами ниже, въ отдѣлѣ „состояній“; здѣсь мы остановимся только на предметахъ собственности, способахъ приобрѣтенія и владѣнія ею.

Какъ мы замѣчали, различныя вѣтви балтійскихъ Славянъ имѣли не равную судьбу и стояли не на равной степени культуры.. Необходимо предположить, что и понятія о собственности, и способы приобрѣтенія и владѣнія ею были, смотря по племенамъ, не вездѣ одинаковы т. е. не вездѣ стояли на одинаковой степени развитія. Историческіе памятники раскрываютъ намъ въ этомъ случаѣ — отношенія Поморянъ, Руянъ, Оботритовъ и, въ болѣе позднее время — Лютичей. Что и какъ было у другихъ племенъ — изъ источниковъ не видно. Потому, говоря о собственности у балтійскихъ Славянъ, мы имѣемъ въ виду только вышеназванныя вѣтви ихъ.

Собственность недвижимая, земля. Странное явленіе встрѣчаетъ насъ здѣсь: казалось бы — отсталые въ своей общественной культурѣ и въ государственномъ объединеніи отъ другихъ родственныхъ племенъ, Поляковъ и Чеховъ, балтійскіе Славяне должны были остаться при старой, общинной земельной собственности гораздо въ большей степени, чѣмъ первые. На дѣлѣ выходитъ обратное: уже съ давнихъ временъ Поморяне, Руяне и Оботриты живутъ въ условіяхъ замкнутой, определенной, строго разграниченной частной поземельной собственности, находящейся въ рукахъ князей и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Собственности общинной — въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, существуютъ только предметы, предоставленные общинному пользованію ихъ собственниками. Такое явленіе должно быть объясняемо; какъ кажется, тѣмъ, что первоначально, во времена предшествовавшихъ исторіи, частной поземельной собственности здѣсь не существовало, вся земля была собственностью общинною; въ этотъ періодъ произошелъ захватъ ея военною дружиною, земля перешла въ частную собст-

венность немногихъ лицъ, народъ же, фактически утративъ право общинной собственности, остался безземельнымъ, т. е. сталъ пользоваться землею единственно на основаніи особыхъ условій, поставленныхъ завоевателями—собственниками. Въ справедливости этой мысли насъ убѣждаетъ обстоятельство, что такимъ же точно образомъ общинная собственность переходила въ регалію въ Польшѣ и Чехахъ, хотя здѣсь раннее образованіе частной собственности значительно ограничило дѣйствіе правительственнаго захвата, такъ-что многіе знатные роды и, кажется даже, общины остались при полной поземельной собственности³²⁷.

Можно, впрочемъ, объяснить переходъ общинной собственности въ княжю и безъ посредства насильственнаго, военнаго захвата, какъ естественное слѣдствіе возвышенія власти князя, первоначально — только надсмотрщика, судью и защитника общаго достоянія, а потомъ — полновластнаго представителя общественныхъ правъ собственности. Но намъ кажется, что такимъ мирнымъ путемъ начало регаліи не могло бы достигнуть тѣхъ широкихъ, всеобъемлющихъ размѣровъ, въ какихъ мы находимъ его въ бытѣ балтійскихъ Славянъ. Къ тому же, для существа дѣла рѣшительно все равно, совершился ли захватъ сразу, вооруженною рукою, или происходилъ постепенно, т. е. съ постояннымъ давленіемъ силы, не находившей равновѣскаго отпора: въ обоихъ случаяхъ онъ остается, какъ главное дѣйствующее начало.

Предметы недвижимой собственности опредѣлены въ грамотахъ столь подробно и точно, какъ только можно ожидать отъ частнаго осмотрительнаго и расчетливаго владѣнія. Они суть:

1. Земля вообще, сухая, твердая земля, какъ обработанная, такъ и дикая, какъ заселенная, такъ и пустая, со всѣмъ тѣмъ, что находится на ней и въ ней, именно: а) съ полями и лугами и пастбищами, б) съ горами, холмами и долинами, в) съ лѣсами, рощами и охотами, г) съ болотами и трясиными, д) съ дорогами, большими и проселочными, е) съ мостами и мѣстами нахождения и выдѣлки соли:

„Terra, terra sicca, terra solida, que coli potest, terra dura; loci, termini culti et inculti, terra culta et inculta, deserta, solitudines, omnia quae sub terra uel super terram sunt, agri, campi, prata, area, pascua, pastura, montes, colles, monticuli, terra bassa, ualles, loca plana et aspera, siluae, nemora — cum uenacionibus et mellificiis,

327. Palacky, ст. Práwo staroslovanské“ въ его сб. Radhost II, Pr. 1872, стр. 249—252; Даниловичъ: „Историческій взглядъ на древнее образованіе славян. городовъ“, въ Русск. Ист. сб. IV, к. 2 и 3, стр. 287 sq. Röppel: Geschichte Polens II. 1840, I, p. 305—308.

fageta, arbusta, mirice, paludes, uiae et inuiae, semite, pontes, salina, paludes salicae“.

2. Воды со всёмъ, что въ нихъ и на нихъ находится: а] рѣки, большія и малыя, источники, ручьи; б] озера, в] пруды — съ рыболовными, садками, плотинами и мельницами, г] морской берегъ съ островами:

„Aquaе, amnes, fluvii, rivi, aquarum decursus, paludes, stagna, lacus — cum piscationibus, piscaturis; clausuris piscium, molendinis; littus maris — cum insulis³²⁸..“

Земля раздѣлялась на мѣстности, „uillae, praedia, mansiones“, въ составъ которыхъ, смотря по объему и положенію ихъ, входили различныя вышепоименованныя принадлежности, „appendicia, attinentia, pertinentia³²⁹“.

Мѣстности были издавна, „ab antiquo“, обозначены довольно точными границами, конечно, съ цѣлью опредѣленія правильного пользованія ими и доходовъ собственника.

Межи и границы, „mete, termini, granize“ обозначались по предметамъ замѣтнымъ, постояннымъ и долговѣчнымъ, таковы: а] лѣса и одиночныя деревья, отличающіяся своею величиною, ростомъ и положеніемъ [дубъ, букъ, липа итд.]; для точнѣйшаго обозначенія на деревьяхъ высѣкались мѣтки и знаки, всего чаще — знакъ креста; иногда для той же цѣли дерево обжигалось или очищалось отъ коры; б] большіе камни, лежащіе или торчащіе въ землѣ; на нихъ также полагалось знаменье, высѣкался крестъ; г] старыя могильныя холмы, тригорки или т. н. зв. могилы великановъ, д] горы, холмы и долины; гдѣ не было природныхъ, тамъ насыпались холмы искусственныя, проводились рвы и окопы; е] дороги, перекрестки, мосты, плотины и гати; ж] всякаго рода воды: рѣки, ручьи, озера, болота, устья и источники рѣкъ, броды³³⁰.

328. Не считаемъ необходимымъ указывать на отдѣльныя грамоты, ибо пришлось бы выписать почти всѣ N^o дарственныхъ грамотъ туземныхъ поморскихъ, руанскихъ и оботритскихъ князей. Сопоставленіе важнѣйшихъ указаній читатель найдетъ въ первой, вводящей части нашего труда см. notes: 20, 50, 70, 74, 75, 78, 79, 80, 81.. etc., а также въ сочин. Фабрициуса: *Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen*, II, Str. 1843, p. 35—78; и *Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer*. В. 1859, II, p. 59—63.

329. Выше стр. 33, nota 50.

330. *Codex Pomeraniae diplom.* N° 94, 96, 98, 54, 58, 75, 78, 97, 105, 109, 128, 131; *Meklenburgisch. Urkund.* В. I, 111, 113, 114, 247, 330 etc... Cf. *Fabricius Urkunden* II, 68—69. Какъ образецъ подобнаго размежеванія, приводимъ выдержку изъ дарственной и утвердительной грамоты поморскаго князя Казимира — Монастырю Даргуну, 1174, *Codex Pom. dipl.* N° 36, *Meklenb. Urk.* В. N^o, 114: „Scitote ergo terrminos sic haberi: primum

Проведеніе границъ, какъ вообще въ нѣмецкой и славянской древности³³¹—совершалось, вѣроятно, съ извѣстною официальною обстановкою и обрядами, при надлежащемъ количествѣ свидѣтелей. Въ немъ участвовалъ и самъ князь: его рукою полагались граничные знаки, носившіе поэтому названіе „княжьей границы“ [knezegranica]³³². Орудіемъ размѣра — служила вервь = funiculus

in uado Rokeniz, quod est ad orientem Dargon, per quod et uia transit de Dimin in Lucho, de quo ascendunt per ipsam Rokenize et aque decursum, donec ueniant contra Guhtkepole ubi de amne exeunt ad aquilonem in quandam uiam in mirica, que ipsam Guhtkepole circuit, unde et in sclauico dicitur Pant wo Guhtkepole, et per eandem uiam tendunt ad occidentem in quandam profundam paludem salicum, que et sclauice dicitur glam-bike long, a qua procedunt versus occidentem in quandam magnam quercum, sub qua et quidam magnus lapis terre affixus iacet ex occidentali eius parte et a sua magnitudine nomen accepit wili damb, et inde in quosdam tumulos, qui sclauice dicuntur Trigorka, antiquorum uidelicet sepulcra, et abinde versus occidentem recta linea in quandam magnam paludem, que et sclauice dicitur dalge loug, et de palude eadem per riuum, qui de ipsa effluit in stagnum, quod sclauice dicitur Dambnio, et ultra per medium stagni contra meridiem in cumulum satis magnum, qui sclauice uocantur mogela, et inde adhuc versus meridiem in quandam quercum, circa quam terra bassa est quasi uallis quedam et in duos lapides iuxta eandem ad occidentem iacentes, quorum propinquior occidenti fractus fracturam et fragmen adhuc ibi iacens ostendit, et inde adhuc uersus meridiem in quandam paludem salicum, que sclauice dicitur serucououg, et ab illa adhuc uersus meridiem in quandam magnum lapidem terre affixum sub quamdam orno, et ab illo ultra uiam, que ducit Lucho, in stagnum, quod dicitur Kalen, cum sua urbe Kalen et toto stagno, et ab orientali fine eiusdem stagni flectuntur ad aquilonem per quandam longam paludem, in quandam quercum cruce signatam, quod signum dicitur sclauice knezegrniza; et ab eadem quercu in eandem uiam, que ducit Lucho, et inde per eandem uiam uersus orientem, donec per eam uenitur in paludem, que iacet inter siluam et uillam Kuzuzine, per quam paludem circa eandem uillam ad orientem tendunt usque ad siluam orientalem, et ibi iuxta siluam ascendunt in occidentali eius parte reflexi contra aquilonem usque in uiam iam sepius dictam Lucho ducentem, et ultra ipsam uiam de grabone descendunt contra aquilonem in riuium, qui dicitur Bouzka, et inde descendunt per eundem riuium, donec uenitur in oppositum cuiusdam quercus combuste non longe a quadam mogela, et ab eadem quercu contra orientem usque in Rokenize, ubi ipsam riuius, qui dicitur Ruthnic, infuit, tendunt includentes omnem siluam, que est intra uiam de Lucho et Rokenize et flexi contra aquilonem ascendunt per ipsam Rokenize usque in uiam, que eam transit, de Dimin in Lucho, a qua uia et incipiunt.“

331. Grimm Deutsche Rechtsalterthümer, p. 541—548; ergo же „Deutsche Grenzalterthümer“ въ Kleinere Schriften t. II, B. 1865; ст. неизвѣстнаго автора „Granicpodług dawnego prawa polskiego“ въ Biblioteka Warszawska, 1841, t. III, p. 151—170, 346—364; ст. Брандля: „Staročeské právo mezní“, въ журн. Právník, 1869, t. VIII, p. 117—127; 155—166.

332. Codex Pomer. diplomaticus N° 36, 38, 54, 58 cf. прилѣж. 330.

*dimensionis*³³³. Нѣтъ сомнѣнія, что существовали также особые обычаи и учрежденія, относившіеся къ охраненію границъ, наказаніямъ за нарушеніе ихъ и вообще къ межевымъ спорамъ, но изъ источниковъ они не видны.

Единицею земельной мѣры у балтійскихъ Славянъ была соха или радло, „*apcus, mansus slauicus*“. Изъ Гельмольда видно, что эту мѣрою обозначалось вообще количество земли, которую можетъ обработать пара быковъ и одна или двѣ лошади³³⁴; впоследствии — „соха“ опредѣлялась болѣе точнымъ образомъ, ибо ею измѣрялась не только земля, но и лѣсъ и болота: она — соответствовала 15 нѣмецкимъ моргенамъ³³⁵. Самое раздѣленіе угодій, обозначаемое въ грамотахъ общими словами: „*dimidium pars uillae, tertia pars*“³³⁶, указываетъ на точную опредѣленность мѣры, иначе такое глухое обозначеніе не имѣло бы надлежащаго смысла и вело бы къ частнымъ спорамъ и столкновеніямъ владѣльцевъ.

Способы пріобрѣтенія недвижимой собственности въ древнее время, вѣроятно, ограничивались однимъ захватомъ, какъ пустопорожныхъ земель, такъ и, *de iure belli* — населенныхъ и обработанныхъ, жители которыхъ были побѣждаемы, вытѣсняемы, обращаемы въ рабство или оставляемы въ пользованіи землею подъ условіями особыхъ службъ, повинностей и податей. Позднѣе, какъ будетъ объяснено далѣе — право собственности пріобрѣтается чрезъ договоры и пожалованья [даренія]; но такая собственность — въ періодъ времени насъ занимающій, была не полною: на нее распространялось право наслѣдованія [отсюда въ грамотахъ *haereditas* = помѣстье, владѣніе], но не право передачи или отчужденія ея.

И послѣ того, какъ общинная собственность перешла въ руки немногихъ, стала частною собственностью княжскихъ родовъ и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ — до самаго утвержденія нѣмецкихъ колонистовъ и правъ церкви, отношенія народа къ землѣ оставались въ главномъ тѣже, что были и прежде: и лишены права земельной собственности, онъ пользовался землею прежнимъ порядкомъ, но только отбывалъ за это право многія службы, повинности и обязанности, платилъ мыто и подати за многое, чѣмъ встарину пользовался безданно и безошлинно.

333. Fabricius Urkunden II, N° 14, p. 8. cf. p. 64.

334. „*slauicum aratrum par boum aut unus confecit equus*“, Helmoldi Chronica I, 12; cf. Ibidem 14, 87.

335. Codex Pomeraniame diplomaticus, I, стр. 311—312; Fabricius Urkunden II, стр. 64—5.

336. См. выше, стр. 33, nota 51.

Предметами общаго пользованья были луга и пастбища т. е. мѣста выгона и корма скота; лѣса роши и пущи, гдѣ происходила охота, разводились пчелы и кормились свиньи, откуда добывался строевой лѣсъ и валежникъ; болота, рѣки и озера, въ которыхъ происходило рыболовство; наконецъ — пути сообщенія, твердые и водные, и мосты³³⁷. Нерѣдко такіе предметы представлялись общему пользованію нѣсколькихъ осѣдлостей и деревень³³⁸.

Предметы частнаго пользованія — составляли поля, назначенныя для посѣва хлѣба, и усадьбы съ жилищами, хозяйственными зданіями, садами и огородами³³⁹.

Въ такомъ состояніи мы находимъ недвижимую собственность у Поморянъ, Руянъ, Лютичей и Оботритовъ около половины XII в. Устранивъ регальныя условія, въ которыхъ стояла она въ то время, мы получимъ довольно чистый видъ древнеславянскаго общиннаго владѣнія; и оно, нѣтъ сомнѣнія, господствовало, во время болѣе отдаленное, до поры усиленія княжеской и дружиннической власти. Очень вѣроятнымъ представляется также, что у другихъ племенъ общинное владѣніе держалось гораздо долѣе и сохранялось свѣжѣе: прямыхъ данныхъ для подтвержденія этой догадки — историкъ не имѣетъ; но онъ вправѣ допустить ее на томъ основаніи, что общественный бытъ этихъ племенъ былъ менѣе развитъ, чѣмъ бытъ вышеназванныхъ ихъ сродниковъ: старинные порядки должны были удержаться здѣсь крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, открытыхъ для исторической дѣятельности и развитія княжеской власти.

Единичныя соединенія различныхъ предметовъ общественной поземельной собственности вмѣстѣ съ жителями, на ней сидѣвшими, и ихъ осѣдлостями — составляли особые округа или союзы, носившіе общее наименованіе жупъ. Слово это, увидимъ далѣе, не встрѣчается въ грамотахъ, но въ нихъ мы находимъ „жупановъ“³⁴⁰ [suprani], а въ Чехахъ и самныя жупы³⁴¹; и этого вполне достаточно, чтобы утвердить существованіе и предмета и такого наименованія его для балтійской древности. Къ сожалѣнію жупныя порядки намъ нѣсколько извѣстны въ отношеніи управленія и суда, но вовсе неизвѣстны въ отношеніи собственно-

337. См. выше, стр. 38—44 и примѣчанія къ нимъ. Fabricius, Urkunden II, p. 63, not. 111, p. 65—8; егѡ же: Studien zur Geschichte d. wend. Ostseeländer II, 60—3.

338. Codex Pomeraniae diplom. N° 101, 406.

339. См. выноски 337.

340. Codex Pomer. diplom. N° 64.

341. Jireček, Slovanské právo I, P. 1863, p. 70; II, 1864, p. 7 sq.

сти; а потому мы и можем сказать о нихъ столь же мало, сколько и о частныхъ порядкахъ пользованія общою собственностью.

Собственность движимая. Предметы движимой собственности составляли: а) домашній скотъ и пчелы; б) одежда и украшения; в) оружіе, утварь и всякіе орудія; г) все приобретаемое посредствомъ земледѣльской и промышленной дѣятельности, какъ-то: хлѣбъ, плоды и овощи, рыба и всякіе товары; наконецъ, д) рабы³⁴².

Мѣрами для нѣкоторыхъ предметовъ движимости были: корецъ [curitze] = modius — мѣра хлѣбная; пасмо = gesticulus — для льна, санжия и локоть — для предметовъ линейной мѣры. Штука полотна шла за единицу цѣнности, а потому, конечно, была также обычно-опредѣленной мѣры³⁴³.

Способы приобретенія движимой собственности, кромѣ общераспространенныхъ, заключавшихся въ непосредственномъ трудѣ, въ мѣнѣ, куплѣ и продажѣ, опредѣлялись еще войною и грабежемъ, а также и береговымъ правомъ.

Все добытое на войнѣ считалось полною собственностью воиновъ и, по окончаніи похода, раздѣлялось между ними; часть добычи шла въ личную собственность, часть же отчуждалась въ пользу боговъ и ихъ святилищъ.

Бамбергскіе миссіонеры присутствовали на одномъ такомъ раздѣлѣ, гдѣ воины кн. Вартислава дѣлили между собою награбленное имущество: одежду, деньги, скотъ, всякое другое добро и военноплѣнныхъ:

Nobis insipientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substanciam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant³⁴⁴.

Тѣ же свидѣтели говорятъ, что въ главную штетинскую контину, по старому обычаю, отдавалась десятина богатствъ и оружія враговъ и всякой добычи, добытой въ морскихъ и сухопутныхъ грабежахъ:

„In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et ar-

342. См. выше, страницы 38—49 и примѣчанія къ нимъ, гдѣ указаны мѣста источниковъ.

343. См. выше, стр. 39, п. 67; 44, п. 82; 55, 115. О корцѣ подробно разсуждаетъ Мацѣіевскій въ ст. „Historja dawných polskich miar i wag“ особ. отг. [1868], п. 7 sq. Мѣра эта опредѣлялась различно ср. также ст. Landau: Der Bauerhof in Thüringen, Beilage zum Corresp. Blatt, 1862, Jan. p. 37—8.

344. Herbor di Dialogus III, 2.

ma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna quesitum erat, sub lege decimationis congregabant³⁴⁵“.

Гельмольдъ передаетъ, что въ святилище Свантовита приносилось только награбленное золото и серебро, остальная добыча раздѣлялась между войнами:

„Victores aurum et argentum in erarium dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur³⁴⁶“.

Равнымъ образомъ — все выброшенное на берегъ бурю, будутъ-ли то вещи или лица, переходили въ полную собственность захватившаго ихъ, какъ будто оно было приобрѣтено по праву войны. Правда, береговое право у балтійскихъ Славянъ намъ извѣстно въ позднѣйшей формѣ регалии: въ грамотахъ — князья обменовенно отказываются отъ принадлежащаго имъ „права крушенія“, „ius naufragii³⁴⁷“, но нѣтъ сомнѣнiя, что до усиленiя власти князей — оно было общенароднымъ. Нужды нѣтъ, что этотъ варварскiй обычай шелъ въ разрѣзъ съ доброй природой племени, съ его знаменитымъ гостепрiимствомъ и почтенiемъ къ странникамъ: жизнь, извращенная историческими отношенiями, дѣлаетъ существованiе его вполне понятнымъ.

Движимость были или собственностью общою, семейною или личною. И это, какъ кажется, зависѣло не столько отъ способовъ приобрѣтенiя, не столько отъ степени участiя личнаго или общесемейнаго труда, сколько отъ единенiя семейнаго союза и его цѣлости: чѣмъ менѣе семья разъединялась, чѣмъ менѣе въ ней выступало начало личное, тѣмъ необходимѣе и скорѣе каждый предметъ, приобрѣтенный личнымъ трудомъ одного изъ ея членовъ, входилъ въ составъ общей семейной собственности и подлежалъ законамъ ея; и наоборотъ, чѣмъ начало личности выдавалось сильнѣе, тѣмъ скорѣе приобрѣтенiе лица оставалось въ его личной безответной собственности со всѣми ея послѣдствiями. Въ бытѣ балтійскихъ Славянъ, какъ мы видѣли [стр. 142], есть еще слѣды такой общесемейной собственности, которые позволяютъ заключать о томъ, что въ старину она была — явленiемъ распространеннымъ, но въ историческое время по отношенiю къ предметамъ собственности преобладаетъ уже личное начало.

345. Herbordi Dialogus II, 32.

346. Helmoldi Chronica I, 86. cf. Saxonis Gram m. Historia, p. 825: „Simulacri quoque spoliorum ac praedarum pars tertia deputabatur, perinde atque eius presidio parta obtentaque fuissent.“

347. Meklenburgisches Urkundenbuch N° 268. Codex Pomer. diplom. N° 150, 225, 281, 348, 356, 378; Klempin Pomm. Urkund. B. N° 508.

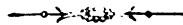
Старой привычкой къ общей, а не личной собственности, объясняется, по нашему мнѣнію, отчасти и то уваженіе къ чужой собственности у Поморянъ, которое такъ ярко засвидѣтельствовано Сѳридомъ: „между ними — говоритъ онъ, господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они очень удивлялись, когда увидѣли замкнутыми наши пожитки и вьюки. Платье свое и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его³⁴⁸“.

Едва-ли, въ виду исторіи, до крайности развившей въ балтійскихъ Славянахъ страсти корыстнаго эгоизма и грабежа, едва-ли такое уваженіе къ чужой собственности можетъ быть объясняемо одними свойствами народнаго характера, безъ того, чтобы не допустить, что здѣсь также дѣйствовала и еще не остывшая, вѣками укорененная привычка жить въ границахъ безличной собственности.

Въ понятіяхъ о собственности, въ употребленіи способовъ пріобрѣтенія ея — племена обыкновенно выражаютъ сущность своего характера и своихъ историческихъ наклонностей. Эта историческая истина оправдывается и на балтійскихъ Славянахъ. Мы замѣчаемъ здѣсь ту же роковую двойственность, которая дѣйствовала и во всемъ ихъ бытѣ: съ одной стороны — собственность пріобрѣтается усиліями мирнаго труда, земледѣліемъ, промышленностью, торговлей; съ другой — ее даетъ право меча, война и грабежъ, предпринимаемые не случайно, но съ систематическою цѣлью промысла и пріобрѣтенія добычи. Чѣмъ сильнѣе стѣснялись врагами дѣйствія мирной природы племени и мирные способы пріобрѣтенія собственности, тѣмъ болѣе оно отдавалось страсти пріобрѣтенія грабежомъ и разбоемъ. Дивитесь ли, что такое искаженное исторіей племя скоро и легко соединилось и срослось съ этнографическою семьей другихъ племенъ, столь мѣтко названныхъ славянскимъ историкомъ—именемъ Räuber или Raubvölker, и столь блистательно оправдывающихъ это названіе своею новѣйшею исторіею³⁴⁹.

348. Herbor di Dialogus II, 41; текстъ помѣщ. выше, стр. 58, nn. 122.

349. Palacký: Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. C. Höfer, Pr. 1868 р. 76 sq.

Д о г о в о р ы.

Народъ, завѣдомо съ временъ Карла Великаго стоявшій въ связяхъ и политическихъ отношеніяхъ къ Франкамъ, Саксамъ и Датчанамъ, производившій обширную торговлю съ Сѣверомъ и Западомъ, имѣвшій, наконецъ, устроенный образъ жизни и общественныя отношенія, — не могъ обойтись безъ договоровъ и условій.

Форма договоровъ. До времени введенія нѣмецкихъ порядковъ — договоры, нѣтъ сомнѣнія, заключались устно. Важнѣйшіе сопровождались извѣстною торжественною обстановкою, произнесеніемъ клятвенной формулы и внѣшнимъ символическимъ дѣйствіемъ; иногда же клятва соединялась съ символомъ. Скажемъ сначала о клятвѣ, потомъ соберемъ и объяснимъ немного, что передаютъ источники о договорныхъ символахъ.

Гельмольдъ говоритъ, что балтійскіе Славяне очень рѣдко допускали клятвы, какъ бы боясь ими разгнѣвать божества:

„Jurationes difficillime admittunt, nam iurare apud Sclauos quasi periurare est, ob uindicem [s. inuicem] deorum iram.“

„Mira reuerentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque iuramentis facile indulgent, neque ambitum fani uel in hostibus temerari patiuntur“³⁵⁰.

Въ обоихъ мѣстахъ, какъ видно изъ контекстовъ, рѣчь идетъ о клятвѣ богами, въ храмахъ, предъ лицомъ самаго божества. Стоя въ отдаленіи отъ грозныхъ боговъ, Славянинъ могъ опасаться навлечь гнѣвъ ихъ своею суетною клятвою; близость къ божеству была не обычна его запуганному чувству и мысли и потому — страшна... Но въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ — Славяне употребляли клятвы и скрѣпляли ими свои утвержденія и договоры³⁵¹. Саксонъ Грамматикъ отмѣтилъ одинъ, въ этомъ отношеніи очень важный, фактъ. Въ 1160 г. Датчане поднялись въ

³⁵⁰. Helmoldi Chronica I, 52, 88

³⁵¹. Тотъ же Гельмольдъ передаетъ, что по обращеніи Прибислава: „inhibiti sunt Sclaui de cetero iurare in arboribus, fontibus et lapidibus“, Chron. I, 88, cf. I, 16.

походъ противъ Руянъ. Не желая вступать въ борьбу, послѣдніе выслали къ еп. Абсалону какаго-то нарочитаго мужа Домбора для переговоровъ о мирѣ. Домборъ просилъ заключить миръ на вѣру и предлагалъ, вмѣсто залога, утвердить его прочностъ и нерушимостъ клятвою и символическимъ верженіемъ камня въ воду:

„a quo [s. Absalone] ablationem suam liquida fide prosequi rogatus [sc. Domborus], pignoris loco lapillum se aquae iniecturum asseruit. Si quidem icturis foedus barbaris religioni erat calculum in undas conicere, seque, si pacto obuiam issent, mersi lapidis exemplo perituros orare“³⁵².

Это — такая же утвердительная клятва, соединенная съ внѣшнимъ символическимъ дѣйствіемъ, какую находимъ во вступительныхъ и заключительныхъ формулахъ „Договоровъ“ Русскихъ съ Греками. Предъ обнаженными мечами, оружіемъ, щитами и золотомъ — языческая Русь клянется свято и нерушимо исполнять договоръ „на вся лѣта дондеже съяетъ солнце и весь миръ стоитъ“. Кто помыслитъ разрушить такую любовь, говорится въ клятвѣ, тѣ „да не ущитатся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣль и отъ иного оружія своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущій“; или — если не сохранимъ установленнаго, „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья Бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружіемъ да исѣчени будемъ“³⁵³. Воинъ, естественно, клянется съ символомъ оружія, мореходецъ руянинъ съ символомъ камня, ввергаемаго въ море: какъ камень тонетъ въ пучинѣ, такъ да погибнетъ онъ, если нарушитъ свой договоръ и клятву.

Титмаръ передаетъ, что Лютичи сопровождали заключеніе мира особымъ обрядомъ: обрѣзывалась верхушка волосъ, бралась трава или кусокъ дерну и происходило рукобитье:

„расем abraso crine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris“³⁵⁴.

Высокую древностъ этого обычая замѣтилъ уже Я. Гриммъ. Онъ указалъ и на другія подобныя обыкновенія не только изъ римской и германской древности, но и изъ славянской³⁵⁵. Сюда же, нѣтъ сомнѣнія, относится и извѣстное указаніе обычая у славянскаго переводчика [XI в.] произведеній Григорія Назіанзена: „овъ же

352. Saxonis Grammatici Historia, p. 755.

353. Лютюицы по лаврентьевскому списку. Спб. 1872, стр. 46—7; 71—2; cf. 51—2.

354. Thietmari Chronicon VI, 18.

355. J. Grimm Deutsche Rechtsalterthümer, p. 110 sq., 129.

дѣръ вѣскроушь на главѣ покладая. присягоу творить“; а также и нѣкоторыя русскія обыкновенія³⁵⁶. Дѣръ обыкновенно служитъ символомъ земли и, если, слѣдуя аналогіи другихъ тождественныхъ обычаевъ, позволительно пояснять глухое показаніе Титмара—чертою, что кусокъ дѣрна или травы возлагался на обнаженную голову клянущихся, то смыслъ дѣйствія будетъ ясенъ: оно служило вышнимъ символическимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ словъ клятвы: „если порушимъ договоръ, да покроетъ земля нашу голову, т. е. да погибнемъ. Значеніе рукобитья, которымъ скрѣплялся всякій договоръ и условіе — понятно даже и изъ языка и обычаевъ [„дать руку“ въ русскихъ лѣтописяхъ, „ударить по рукамъ“ итд.]. Правая рука, главный органъ дѣйствія и власти, соединяется съ рукою другаго, какъ утверждающій символъ союза и согласія. Изъ „Жизнеописаній“ Оттона бамбергскаго видно также, что миръ утверждался рукобитьемъ и поцалуемъ, „*progestione manus et osculo pacis*“³⁵⁷.

Роды договоровъ были не разнообразны:

а) купля и продажа, производившіяся и въ чужихъ земляхъ и внутри страны, въ опредѣленные дни въ недѣлѣ, въ средоточіяхъ общественной жизни—городахъ и укрѣпленіяхъ³⁵⁸. Существовали большіе торги или ярмарки—изъ источниковъ не видно, но предположить ихъ можно на томъ основаніи, что для нихъ существовали условія, именно большія урочныя празднества, къ которымъ во множествѣ стекался народъ изъ всей страны³⁵⁹. Право производить внутренній торгъ на рынкахъ въ IX—XII в. является стѣсненнымъ пошлиной или мытомъ³⁶⁰, въ болѣе древнее время оно, вѣроятно, не подлежало никакихъ ограниченіямъ, т. е. было вполне свободно. Вѣроятно также, что при покупкѣ нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ — предметовъ необходимо было присутствіе свидѣтелей, а равно, что заключеніе купли скрѣплялось запитьемъ, т. е. дружественнымъ раздѣленіемъ чаши³⁶¹. На послѣднее, кромѣ самаго термина, намекаетъ и то обстоятельство, что въ штетин-

356. Извѣстія Им. Академіи наукъ по отд. русскаго языка, etc. Спб. 1854, III, стр. 87; митр. Евгенія стат. „О разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Руссовъ“, въ Трудахъ Общ. Исторіи и Древн. М. 1826, г. III, 1, стр. 86; Макарова: „Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русск.“. *Ibidem*, стр. 197.

357. *Herbordi Dialogus* II, 80; *Ebonis Vita Ottonis* III, 13, 23.

358. См. выше, стран. 46—8.

359. См. наше изслѣдованіе: „Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ... Пр. 1874, стр. 126.

360. *Codex Pomer. diplom.* N° 50, 52, 56, 63, 73, 107 etc.

361. См. выше, стр. 91.

ских контингахъ, куда обыкновенно сходились для заключенія дѣловыхъ условій — имѣло мѣсто и „запитье“³⁶²;

б) заемъ; о немъ сохранилось одно очень замѣчательное извѣстіе. Въ 1239 году папа Григорій IX писалъ къ лундскому духовенству, что до его свѣдѣнія дошло о существованіи у Руянъ особаго рода лихвы, называемой подачею или поддачею [poddas], условія которой были чрезвычайно стѣснительны для должника: заимодавецъ не довольствовался тѣмъ, что ежегодно получалъ отъ должника определенное количество хлѣба, льна и другихъ предметовъ, которые превышали занятыя деньги болѣе, чѣмъ вдвойнѣ, онъ бралъ съ него пять солидовъ при выдачѣ дочери его въ замужство, — иначе бракъ не былъ дозволенъ; бралъ съ него известное количество денегъ при продажѣ имъ каждаго животнаго. Если должникъ умиралъ до отдачи займа, обязательство переходило на его наследниковъ, такъ, что если который изъ нихъ не исполнялъ его, то на его мѣсто въ судебномъ собраніи полагался пукъ соломы; такимъ дѣйствиємъ должникъ исключался изъ числа [правныхъ] членовъ общины и обращался въ вѣчное рабство заимодавца:

„nobilis uir princeps... maior et populus terre rugianorum in Sclauia.. quandam prauam consuetudinem obseruantes, que corruptela potius est consenda, eiusmodi usurarum lucra, que poddas uulgariter appellant, sequuntur: quod uidelicet creditor a debitore certam quantitatem annone, lini, et aliarum rerum, que longe plus quam pecuniam mutuatum excedunt, recepit annuatim, nec hoc contentus, a debitore pro filia sua, quam nuptiis tradere forte uoluerit, quinque solidos recepit, alioquin ei tradere ipsam filiam nuptiis non licebit. Simili quoque modo pro quolibet animali, quod debitor ipse uendiderit, certam creditori persoluet pecunie quantitatem. Si uero debitor, ante mutuate sortis solutionem, uiam fuerit uniuersi carnis ingressus, talis detestanda conditio transit ad singulos heredes, ita ut, si eorum aliquis soluendo non fuerit, supponitur ei in iudiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deicitur et in perpetuam creditoris redigitur seruitutem“³⁶³.

Такимъ образомъ — неисполненіе обязательства по займу влекло за собою лишеніе правъ свободнаго состоянія. Заемъ съ поддачею заключался, какъ кажется, только между лицами неравнаго состоянія, княземъ или знатью и народомъ. Въ грамотахъ упоминаются люди, имѣющіе поддачу [podasam, podazam] князей

362. Herbordi Dialogus II, 32; Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ.. Пр. 1874, стр. 47, п. 69.

363. Codex Pomer. diplom. № 276.

или церкви, т. е. состоящие въ обязательныхъ къ нимъ отноше-
ніяхъ³⁶⁴. Отсюда — такая строгость наказанія; въ менѣ значи-
тельныхъ случаяхъ и при равенствѣ состояній — заемъ, вѣроятно,
обеспечивался залогомъ [см. выше, стр. 95];

в) частныя и племенные условія союза въ торговыхъ,
промышленныхъ и политическихъ предпріятіяхъ и обязательства
взаимной неприкосновенности. Намъ извѣстно одно подобное част-
ное условіе какаго-то Готшалка съ Бакаричами: послѣдніе сильно
разбойничали въ нортторпскомъ округѣ; въ обезпеченіе себя Гот-
шалкъ заключилъ съ ними обязательство взаимнаго мира и помо-
щи, и Бакаричи сохраняли его непорушимо, „какъ обычно Сла-
вянамъ“:

„Dasonides [Godeschalcus] . . pactum cum eis [Bakaridis] conser-
uande ad inuicem pacis et fidelitatis pepigit. Hac confederatione se-
cur ores [securiores] illi effecti amplius grassari ceperunt . . . Dasonide
uero fidem integram ut mos est Slauis conseruantes, participem eum
tocius questus sui fecerunt et ipsi consilium ab eo alios oportune no-
cendi, et sibi precauendi, nec non uictualium necessaria, cum opus
esset, receperunt³⁶⁵“.

Политическіе и общественные договоры и союзы отдѣльныхъ
племенъ между собою упоминаются въ источникахъ довольно час-
то; условіями ихъ были: обязательство взаимной помощи, общихъ
предпріятій и общаго рѣшенія въ важныхъ дѣлахъ. Нарушеніе
условій равнялось политическому разрыву³⁶⁶;

г) договоры мировые; они обыкновенно заключались осо-
бенными полномочными нарочитыми людьми, послами и жреца-
ми³⁶⁷. Во время военныхъ дѣйствій послы — по обычаю — удер-
живались въ непріятельскомъ лагерѣ до полнаго окончанія дѣла³⁶⁸.
Видимымъ внѣшнимъ знакомъ намѣренія вступить въ переговоры

364. Codex Pomeraniae diplom. N° 85, Meklenburgisches Urkund. B. N° 148.

365. Langebek: Scriptorum rerum danicarum, Haun. 1783, t. V. p. 868, ст.
Excerpta e uisionibus Godeschalci, с. XXII.

366. Thietmari Chronicon, I, 6; Adami bremensi Gesta ham. ec. IV,
18; Helmoldi Chronica I, 21, 34, II, 12; Herbordi Dialogus II, 4, 26,
30; III, 10; Ebonis Vita Ottonis III, 5, 18, 23; cf. наше сочиненіе: Ска-
занія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 101—2, 140, n. 307.

367. Einhardi Annales s. an. 815, 816, 818, 822; Annales Fuldens. s. an. 845,
895; Raumer Regesta hist. brand. s. an. 1003, 1025, pag. 75, 90. Adami
brem. Gesta ham. eccl. III, 17; Helmoldi Chronica I, 38; Herbordi
Dialogus II, 26, Ebo III, 13; Saxonis Gram. Hist. p. 755, 764—7, 821.

368. „Siquidem legatos hostium expeditionis tempore susceptos ad reditum usque
eius, mutua Ruginensium Danorumque consuetudine, retentari fas erat, ne ad
suos exterarum rerum nuncii reuerterentur, speculationis potius quam lega-
tionis officia peracturi“ .. Saxonis Gram. Historia p. 755.

о мирѣ служилъ разведенный огонь³⁶⁹. Договоръ обеспечивался заложниками, всего чаще — дѣтьми знатнѣйшихъ гражданъ; въ случаѣ нарушенія условія они предавались, или могли быть преданы — смерти³⁷⁰. Заложники давались и въ частныхъ обязательствахъ: одного такого, сына знаменитаго датчанина, бамбергскіе миссіонеры нашли въ тяжкомъ заключеніи у волегопцанскаго князя Мицлава, которому отецъ его былъ долженъ пятьсотъ марокъ³⁷¹. Кажется, однако, что самая жизнь этого рода заложниковъ оставалась неприкосновенна.

Титмаръ, какъ мы видѣли [стр. 67], очень невыгодно отзывается о вѣрности Славянъ данному слову или уговору:

„Infideles ipsi [scil. Slavi] et mutabiles ipsi, immutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem [VI, 18].“

Сопоставивъ этотъ отзывъ съ показаніями Сефрида [стр. 58, пп. 122] и свидѣтельствомъ „Новѣсти о видѣніяхъ Готшалка“ [стр. 165] мы можемъ оставить его безъ вниманія съ такимъ же правомъ, какъ и отзывы другихъ враждебно расположенныхъ свидѣтелей, нерѣдко говорящихъ „о врожденномъ вѣроломствѣ Славянъ“ [стр. 56, пп. 118]. Нельзя отрицать, что вынуждаемые обстоятельствами — политическіе договоры съ врагами не имѣли для балтійскихъ Славянъ той внутренней, нравственно обязательной силы закона, какъ договоры частные и общественные, заключаемые добровольно: первые нарушались постоянно; но видѣть здѣсь доказательства „врожденнаго вѣроломства“ [innata perfidia] народа, паденія въ немъ сознанія чувства правды — значить не различать разнородныхъ между собою началъ. Съ такой точки зрѣнія вся исторія воинственныхъ народовъ вообще, а Нѣмцовъ — въ особенности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ книгою политическаго вѣроломства.

369. „De pace acturus Domborus ad Danos dirigitur. Quibus ad naues digressis, ignem in littore accendit, cuius indicio se legationem afferere monstraret.“
Saxo nis Gram. Hist. dan. p. 764.

370. Chronicon Moissiacen. [Pertz, Mon. II, 258] s. an. 805; Einhardi Annales Laur. s. an. 809; Helmodi Chronica I, 37, 38, 48; Saxo nis Gram. Historia, p. 662, 767, 773 et caet. Knytlinga Saga, c. 129: „Burizlaus ad regem Knutum et archiepiscopum ueniens fidem eorum implorauit filios nobilissimorum, qui in terra erant uirorum regi obsides dedit“ . .

371. Herbor di Dialogus III, 9; Ebo nis Vita Ottonis III, 12; см. наше изслѣдованіе: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 76—7, пп. 103, 104.

Обозрѣніе содержанія.

Задача и методъ изслѣдованія. Источники. 1—14.

Недостаточность источниковъ древности балтійскихъ Славянъ 1; значение и необходимость сравнительнаго метода изслѣдованія вообще и въ прижненіи къ древностямъ славянскаго права 2—3; культурно-историческій взглядъ на право, трудъ Я. Гримма 4—5; связь и различіе между юридическими и нравственными явленіями, необходимость изслѣдованія послѣднихъ 5—6; вопросъ о степени самобытности правовыхъ учреждений и порядковъ —6; значение вводной статьи труда 6—7; обзоръ источниковъ: *Annales u Vita Caroli Magni* — Эйнгарда 7; *Res gestae Saxoniae* — Видукинда 7—8; *Chronicon* — Титмара 8; *Gesta* — Адама бременскаго 8; *Vita ep. Ottonis* — Эбона 8—9; *Dialogus de Ottone* — Герборда 9; *Chronica Sclauorum* — Гельмольда 9—10; *Historia Danica* — Саксона Грамматика 10; Грамоты 11—12; остатки языка и археологическій матеріалъ 12—13; общая скудость источниковъ 13—14.

Земля и народъ 15—66.

Характеръ страны въ естественномъ отношеніи 15—18; вліяніе природы на бытъ обитателей 18—20; племена балтійскихъ Славянъ, ихъ жилища 20—22; степень заселенности края 23; общій ходъ исторіи балтійскихъ Славянъ 24—40; образъ жизни народа, осѣлости 30—2; села и деревни 32; крѣпости и городки 34—5; образование городовъ, составъ и устройство ихъ 36—7; пути сообщенія 38; земледѣліе 38—40; рыболовство 41; скотоводство 41—42; пчеловодство 42—3; охота 43; различные роды промышленности 43—45; торговля и монета 45—49; мореходство 49—50; пиратство 50—52; вооруженіе и военное дѣло 52—4; богатства народа 54—5; домашній хозяйственный бытъ 55—6; одежда и украшенія 56; бытъ нравственный: характеръ и нравы народа 56—59; религиозныя вѣрованія, земледѣльческо-воинскій ихъ характеръ 59—63; общее состояніе образованности 63—5; заключительный выводъ о характерѣ народа 65—6.

Древности права. Право, обычай, законъ.

Постановленія власти 67—72.

Понятіе народа о правѣ и правдѣ 67; обычное право и его значеніе 68—70; начала государственной власти и права 70—1; дѣйствіе этихъ двухъ началъ 71; неравномѣрное распространеніе культуры у балтійскихъ Славянъ 71—2.

Семейный бытъ 73—151.

Правное различіе пола 73—74; Семья и родъ 74—76; бракъ: многоженство 76—9; обычай многоженства у прочихъ Славянъ 79—86; заключительный выводъ о степени его силы и распространенія 86—88; способы заключенія брака 88—9; купля и продажа женъ 89—92; родство и свойство при бракахъ 92—8; подарки жениха родителямъ невесты и наоборотъ 98; приданное 93—95; брачное дареніе мужа или жениха 95—96; умишка дѣвиць 96—98; обязанности супружескаго союза 98—101; власть мужа 101—4; правное и нравственное положеніе жены 104—109; прекращеніе брака при жизни обоихъ супруговъ или расторженіе брака 109; отцовская власть: умерщвленіе младенцовъ женскаго пола 112—118; обычай идти отъ отцовой власти 114; причина его 115, степень распространенности и самобытности 116; опека 116—117; положеніе стариковъ 117—118; рассмотрѣніе вопроса объ убійствѣ стариковъ дѣтьми 118—124; уваженіе къ престарѣлымъ 124; положеніе вдовъ, материнская опека 124—5; гостепримство и права его 126—129; религіозная причина обычая 129—131; обычай гостепримства у балтійскихъ Славянъ 131—3; кровная месть 133—136; плата за убійство 136—7; характеръ обычая кровной мести у балтійскихъ Славянъ 137—8; наследованіе 138—144; историческое развитіе славянскаго наследованія вообще, у Поляковъ и Чеховъ въ частности 144—7; обычай наследованія у балтійскихъ Славянъ 147—9; общія историческія замѣчанія о семейномъ бытѣ балтійскихъ Славянъ 149—151.

Собственность 152—160.

Частный характеръ поземельной собственности у балтійскихъ Славянъ и причина его 152—8; предметы недвижимой собственности 153—4; межи и границы 154—6; земельная мѣра 156; способы приобрѣтенія недвижимой собственности 156; предметы общаго и частнаго пользованія 157; жулы 157—8; собственность движимая 158, мѣры ея 158; способы приобрѣтенія движимой собственности 158—9; общесемейная и личная собственность 159; уваженіе Славянъ къ чужой собственности 160; характеръ народа, выражающійся въ способахъ приобрѣтенія собственности 160.

Договоры 161—6.

Форма договоровъ: клятвы и символическія дѣйствія 161—3; роды договоровъ: купля и продажа 163; заемъ 164—5; частные и племенные договоры 165; договоры мировые, послы и заложники 165—166.

